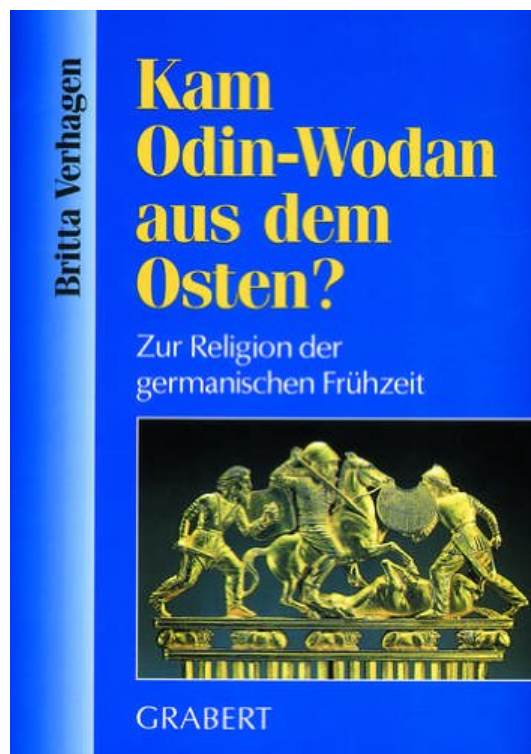

Бритта Ферхаген

ПРИШЕЛ ЛИ ОДИН-ВОДАН С ВОСТОКА?

О религии германской праистории

Издательство Граберт-Ферлаг, Тюбинген, 1994

Сокращенный перевод с немецкого Виталия Крюкова, Киев, Украина, 2014 г.

Рисунок на обложке: Драгоценный гребень скифского вождя из кургана Солоха (Украина) с изображением сражающихся скифов (четвертый век до Р. Х.).

Об авторе: Бритта Ферхаген – псевдоним известной немецкой писательницы Альберты Роммель (Alberta Rommel). Альберта Роммель родилась в Штутгарте 5 мая 1912 года, умерла 22 декабря 2001 года. Дочь писательницы Клары Роммель-Хорат. Альберта Роммель с 1929 по 1934 годы училась в Вюртембергской высшей школе музыки и пения, затем брала частные уроки вокала. С 1936 года работала учительницей пения. Одновременно изучала сравнительное религиоведение в Тюбингенском университете. После Второй мировой войны стала детской писательницей, одной из самых популярных и плодовитых в ФРГ в 1950-1970-е годы. За детский роман «Золотая вуаль» в 1956 году она получила

специальную премию «За лучшую книгу для девочек» в рамках «Немецкой премии за книгу для молодежи». Помимо детских книг Альберта Роммель писала также исторические романы, преимущественно на темы итальянского Ренессанса. С 1980 года взяла псевдоним Бритта Ферхаген и написала под ним несколько романов в жанре фэнтези, опирающихся преимущественно на исторические сюжеты и на мифы древних индоевропейцев, а также ряд популярных исторических исследований о древнейшей истории Европы, вышедших в «правом» издательстве «Граберт» в Тюбингене. Всего Альберта Роммель под своим именем и под псевдонимом «Бритта Ферхаген» написала свыше пятидесяти книг.

О книге: Одна из самых загадочных фигур германского пантеона – Один-Водан, верховный бог в первую очередь во время Великого переселения народов и в эпоху поздних германцев. Неутомимый странник и искатель правды, темный бог бури и владыка битв, он ярко контрастирует со светлыми богами скандинавского Бронзового века. Мнения специалистов о его происхождении и развитии сильно расходятся на протяжении уже более чем ста лет. Не пришел ли он с Востока, например, с одной из «волн народов»? Предположим, из Южной России? Не стало ли подобное наслонение поводом к многократному упоминанию, в т.ч. в «Эдде», войны Ванов и Асов?

После своей работы «Боги на утреннем небе» религиовед Бритта Ферхаген исследует в данной книге нынешнее состояние знаний о фигуре Одина-Водана и о его возвышении к самому важному, пожалуй, богу германцев с середины последнего дохристианского тысячелетия. Захватывающее исследование о германской праистории.

Предисловие

Книга немецкой исследовательницы индогерманского этногенеза Бритты Ферхаген (Альберты Роммель), написанная и изданная ещё в начале 90-х в Германии и анонсировавшаяся спустя пять лет Павлом Тулаевым в известном журнале «Наследие предков», как ни странно только спустя 20 лет приходит к русскоговорящим читателям. Конечно можно жалеть и пенять на судьбу, что мы не получили её раньше, не узнали про встречные тенденции западных исследователей в поисках точки исхода архаичных мифов и корней Евразии, но закон «все-му своё время» неумолим.

Альберта Роммель, популярная немецкая детская писательница 50-70-х годов, с самой ранней юности живо интересовалась как историей и верованиями северных германцев, так и «индогерманистикой» вообще. В 1920-1930-х годах, когда еще не существовало печально известной «политкорректности», и ученые могли

более-менее говорить то, что думали, в Германии большой популярностью пользовались как научные исследования, так и популярные работы, включая многочисленные исторические романы, о древнейшей германской истории. Именно к тому времени относятся работы Якоба Вильгельма Хауэра (с которым молодая Альберта Роммель могла познакомиться в Тюбингенском университете, где Хауэр преподавал сравнительное религиоведение), сравнивающие древнегерманские и древнеиндийские мифы, книги пастора Юргена Шпанута, считавшего, что древняя Атлантида располагалась в Северном море на месте нынешнего немецкого острова Гельголанд, и других. В возрасте семидесяти лет Альберта Роммель вернулась к завораживающим ее с юности темам истории и религии древних индоевропейцев. Под псевдонимом «Бритта Ферхаген» она, начиная с 1980 года, выпустила несколько романов и научно-популярных книг на эти темы: «Возвращение в Атлантиду», «Боги на утреннем небе», «Остров священных лебедей», «Тринадцать ночей в Норвегии», «Пришел ли Один-Водан с Востока?» и вышедшая за два года до смерти автора работа «Древнейшие боги Европы и продолжение их жизни до сегодняшнего дня». Надо сказать, что эти книги, действие в которых происходило то в далекие доисторические времена, то на рубеже нового летосчисления, то в эпоху викингов, хоть и были совершенно аполитичными, вызвали жесткую критику в ряде левацких изданий ФРГ, вплоть до обвинений пожилой писательницы в «пронацистских» симпатиях.

Предлагаемое исследование свидетельствует о незаурядности автора и о том, что идея восточного происхождения Одина-Водана вынашивалась долго в чтении и дискуссиях с единомышленниками и оппонентами. Стиль изложения автора не совсем академичен, что и объяснимо – она не была профессиональным историком. Явно видны экспрессивность и метафоричность под влиянием эпоса и мира тех народов, о которых она пишет. Это придает книге своеобразный стиль. На первый взгляд он довольно сумбурен, неупорядочен и непоследователен, за что автора могла и отвергнуть научная среда. Но при чтении этот вроде бы недостаток нельзя на сегодня считать недостатком. Это можно назвать стилем и принять его, как данность и своеобразие. Во всяком случае, он не очень мешает схватить целый ряд мыслей и открытий. В конечном счете, опыт популярной писательницы книг для детей и молодежи помог автору написать действительно легко читаемую, в хорошем смысле этого слова популярную книгу. А независимость от научного истеблишмента позволила ей писать, не оглядываясь на принятые в научной среде догмы, и, тем более, на пресловутую политкорректность.

Не углубляясь в «фишки» автора, можно только пожалеть, что она на момент написания книги была незнакома с более ранними обнародованными открытиями отечественных исследователей из СССР. Но этому есть объяснение. Европейцы, выросшие на своих сказках и мифах, много столетий считавшие народы к

востоку от Вислы и Карпат полудикими, не могли и подумать, что эти мифы, культуру и гены принесли им «дикари» и «варвары». В Европе и России много столетий царила навязанная искусственно знаменитая ложная т.н. Норманская теория. (В Европе «норманизм» продолжает доминировать и сегодня.) Помимо этого тема «многоволновой культуризации» одичалой Западной Европы эпохи неолита-бронзы-гальштата переселенцами с южнорусских степей и лесостепей, которая упиралась в этногенез славян и русов, была с восемнадцатого века фактически табуирована на разных уровнях разными силами.

Ну а после Второй мировой войны, в связи с негласным запрещением на международном уровне всех тем, связанных с понятием и словом «ариец, арий», которые напрямую выводили на этногенез европейских народов и их языков и культур, исследования в данном направлении были сокращены либо свёрнуты. Когда в СССР в 40-60 гг. лингвист старой школы Василий Абаев поднял пласт сравнительно-исторического языкознания в разделе индоиранских языков скифов-асов-алан, на эту же тему независимо от него вышел знаменитый французский учёный – религиовед Жорж Дюмезиль. Несмотря на то, что наработки этих двух крупнейших учёных в области мифа-языка-религии центральноазиатско-кавказских иранских народов были выдающимися, никакого продолжения на мировом и государственном уровнях они не возымели и были фактически свёрнуты и преданы забвению по разным причинам. Одна из важных – неучастие в этих исследованиях учёных других профилей и направлений для хотя бы оценки, не говоря уже о подтверждении и продолжении. «Как воды в рот набрали» этнографы, археологи, историки, лингвисты, антропологи. Но материалами Абаева и Дюмезиля втихаря пользовались для своих научных тем. К примеру, в СССР такие известные ученые, как Трубачев, Грантовский, Даниленко, Мелетинский и др. Поэтому этой закрытой для огласки и поддержки темой занялись в основном энтузиасты и часто не по профилю, ... что одновременно замалчивалось либо осуждалось на всех уровнях. В СССР тему культурной экспансии славяно-арийских народов на Запад развивал ещё с 80-х гг. журналист-писатель и путешественник Владимир Щербаков. И за 20 лет исследований продвинулся довольно далеко, но наука его открытия не «увидела» и он умер так и непризнанным авторитетом в этой области. Позднее к нему примкнул знаменитый писатель-фантаст Юрий Петухов. На Украине подобными исследованиями не в рамках основной деятельности много лет занимались в 60-70-хх гг. краевед Александр Знойко, писатель и журналист Виктор Драчук. В 1980-2000хх гг. писатель Сергей Плачинда, индолог Степан Наливайко.

Ну, а те, кто пытался эту тему поднимать в рамках Академии Наук, все «плохо кончали». В начале 90-х гг. в полемику «ворвался» археолог и преподаватель КГУ Николай Чмыхов, после чего загадочно умер в 1994 году. А вот археолог Юрий Шилов, его коллега, который много лет пытался в открытых диспутах

поднять и продолжить тему архаичного этногенеза Евразийских народов, под «научным» давлением вынужден был поплатиться научной карьерой и покинуть ряды официальных учёных, перейдя на «нелегальное положение» диссидента от науки с ярлыком «мифотворец». Но всё же, объективно дальше всех продвинулись в данной теме из украинских учёных только Чмыхов и Шилов. Из других исследователей СНГ заслуживают внимания только Владимир Щербаков, Алексей Гудзь-Марков, Антон Платов, Дмитрий Гаврилов, которые занимаются этой темой много лет. Но всё же, нужно отдать должное покойному уже десять лет Владимиру Щербакову, который первый реально открыл не только первую прародину асов – индоиранцев – Монгольский Алтай, но и вторую прародину – Парфию с Нисой-Асгардом и третью родину – Подонье с Танаквислем-Танаисом, идя встречным курсом к исследовательнице Бритте Фергахен с Востока, движущейся в своих догадках к Дону с Запада.

Ну что такого ценного открывает нам автор?

С немецкой стороны появился реальный научно-популярный труд, пересматривающий устоявшееся за века происхождение немецких и скандинавских мифов. Поднимается вопрос не только о «всаднической» индоктринации в тело европейцев генокультуры с Востока, подтверждая гипотезы и теории забываемых (и намеренно предаваемых забвению по политическим соображениям) западных учёных девятнадцатого – двадцатого веков. Поднимается вопрос о многоволновом несколько-тысячелетнем постепенном влиянии-изменении через религию и культуру менталитета и языка оседлых европейских народов. Делается попытка идентификации и локализации истоков. Благодаря подобным трудам становится возможным не только пересмотр исторических процессов и постулатов, но такие труды порождает идею близости славяно-русских и германских народов, смягчая антагонизм и геополитический климат на континенте. Ну и потом выясняется, что и на Западе существуют незаангажированные исследователи, пишущие не для карьеры и грантов, а для поиска истины.

Руслан Куконеску, Киев, 2014 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Сообщение Снорри Стурлусона
2. Откуда исходят сведения о происхождении Одина и Асов?
3. Тезис о войне Асов и Ванов
4. Перелом в истории кельтов
5. Степные всадники также на Севере?
6. Восточно-индогерманское в «Эдде»
7. «Ваны» и «Асы»
8. Поход Одина в Страну Саксов
9. Заключительное слово

Примечания

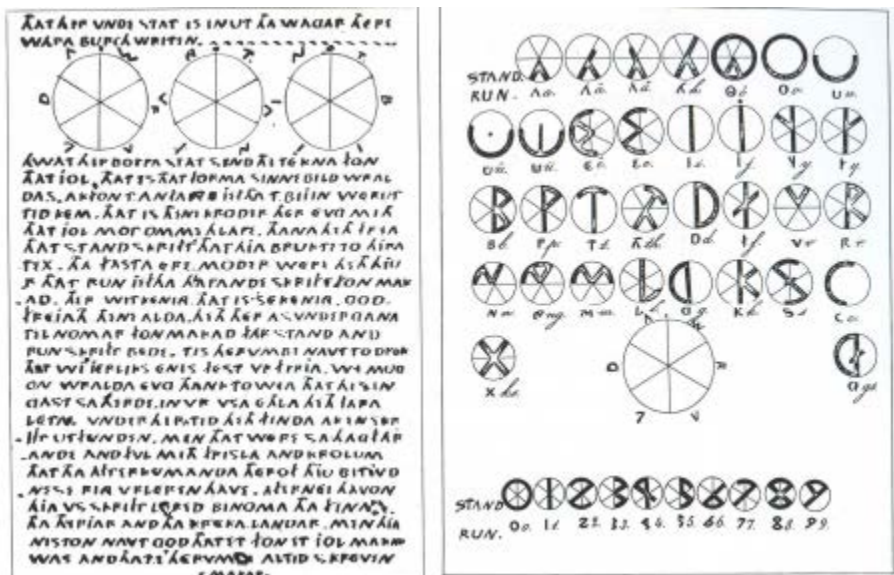
Библиография

Дополнение: «Велик их Один-Бог» («Наследие предков», № 7, 1999)

1. Сообщение Снорри Стурлусона

Вопрос о том, откуда и когда верховный бог германцев, которого в Скандинавии называли Одином или Оденем, а в Германии Вотаном, Воданом, Воде, Вуоте, пришел на Север, уже с середины прошлого столетия снова и снова занимает как ученых, так и интересующихся древними германцами любителей, и до сегодняшнего дня он не нашел ни спокойствия, ни окончательного решения. Этот загадочный, многослойный, в равной степени пугающий и захватывающий образ бога с приписывающейся ему очень древней мистикой с самого начала побуждает исследователя проследить его сущность и его происхождение. Мы знаем этого бога в основном из обоих «Эдд», сборников дохристианских преданий, которые были записаны в Исландии в двенадцатом и тринадцатом столетиях н.э., а также из скандинавских и немецких саг и песен и сообщений римских писателей.

Только о немногих фигурах богов дохристианского времени сохранился в преданиях такой богатый материал, но также никто из богов не остался таким таинственным и окутанным столь многими загадками, как Один-Водан.

Слева сверху: Страница из рукописи «Ура-Линды». Справа: Исследование письменности рукописи голландцем Яном Герхардусом Оттемой. Буквы, очевидно, произошли от колеса с шестью спицами. Герман Вирт, кстати, считал рукопись подлинной.

О его происхождении также было написано много. Первой доступной нам информацией об этом мы обязаны исландскому ученому и летописцу Снорри Стурлусону (1178-1241), который предпослал обоим своим основным произведениям, «Истории норвежских королей», также названной «Heimskringla» (по первому слову рукописи) и так называемой прозаической («Младшей») «Эдде», достаточно длинный трактат о сущности и происхождении Одина. Он составлен в эвгемеристическом ключе, то есть, бог рассматривается и описывается здесь как вождь доисторического времени, как историческая личность, причем автор сталкивается при этом, однако, с несколькими трудностями, так как этот Один совершает такие деяния и обладает такими качествами, которые выглядят малоправдоподобными у человека. Указания на то, что он, мол, был волшебником, едва ли достаточно для того, чтобы объяснить все то удивительное, что рассказывают о нем.

Но, все же, многие из тех, кто писал об Одине, приняли всерьез эвгемеризм Снорри. После того, как в девятнадцатом веке произведения Снорри распространились также за пределами Скандинавии, те или иные исследователи или писатели начали принимать тезис о полководце Одине. Пожалуй, первым из них был автор (вероятно, Корнелис овер де Линден) якобы древней фризской «Хроники Ура-Линды» («Oura-Linda-buck»), у которого злой полководец Водин ведет победоносные войны в царстве «Маги», земле финнов и мадьяр. За ним последовали многие другие. Удивительно, кем только якобы ни был этот известный

уже Тациту и другим римским летописцам на стыке старой и новой эры бог: например, «шейхом Пальмиры», наместником восточно-римского императора, убитым в 266/67 н.э. в Малой Азии, затем неким римским полководцем, который сражался против Арминия, и даже самим Квинтилием Варом лично. Он пришел то ли из Передней Азии, то ли из Галлии, из Италии, из «Древней Трои», из Сибири. У нескольких вполне серьезных исследователей он был представлен как полководец или также как бог людей культуры боевых топоров и шнуровой керамики, которые к концу третьего тысячелетия до Р. Х. выдвинулись из азиатских степей в Европу и особенно на север Европы. Самые различные периоды между третьим тысячелетием до н.э. и четвертым веком н.э. предполагались в качестве времени его прихода на Север. Некоторые из лучших знатоков материала, такие как Якоб Вильгельм Хауэр, Ян Де Фрис, Густав Неккель, рассматривали его как «аборигена» на севере – по меньшей мере, с неолита. Швейцарский религиовед Мартин Нинк, замечательное произведение которого «Водан и вера германцев в судьбу» (1935) дало, видимо, наиболее значительную, наиболее полную и до сегодняшнего дня лучшую характеристику этой божественной фигуры, называет Одина-Водана «творением германцев».

Мне кажется, что попытка внести некоторую ясность в это беспорядочное нагромождение мнений и предположений могла бы быть оправданной. Чтобы достичь этой ясности, мы должны сначала рассмотреть единственную по-настоящему старинную информацию, которой мы владеем в этом вопросе, а именно сведения Снорри Стурлусона.

Тут я передаю текст в переводе Феликса Ниднера («Туле» 14), в том виде, в каком он образует вступление к «Heimskringla» Снорри Стурлусона (дополнения в скобках – мои, следуя примечаниям Ниднера к «Heimskringla»):

«Круг Земной, где живут люди, очень изрезан морскими заливами. Из океана, окружающего землю, в нее врезаются большие моря. Известно, что море тянется от Нёрвасунда (Гибралтарский пролив) до самой Святой земли (Йорсалаланда, буквально Иерусалимской земли). От этого моря отходит на север длинный залив, что зовется Черное море. Он разделяет обе части света. Та, что к востоку, зовется Азией, а та, что к западу, некоторые называют Европой, а некоторые Энеей. К северу от Черного моря расположена Великая Швеция (Россия, которой тогда правили шведские варяги), или Холодная Швеция... Северная часть Швеции пустынна из-за мороза и холода, как южная часть Страны Черных Людей (мавров) пустынна из-за солнечного зноя. В Швеции много больших областей. Там много также разных народов и языков. Там есть великаны и карлики, и даже черные люди, и много разных удивительных народов. Там есть также дикие звери и драконы ужасающих размеров. С севера с гор, что за пределами заселенных мест, течет по (Великой) Швеции река, правильное название кото-

рой Танаис (Дон). Она называлась раньше Танаквисль, или Ванаквисль (Ваненквисль, «квисль» = рукав реки или устье реки). Она впадает в Черное море. Местность между устьем Дона называли тогда Ваненланд (Страной Ванов), или Ваненхайм (Жилищем Ванов). Эта река разделяет обе части света. Та, что к востоку, называется Азией, а та, что к западу, – Европой». Сообщение продолжает: «Страна в Азии к востоку от Танаквисля называется Асенланд (Страной Асов), или Асенхайм (Жилищем Асов), а столица страны называлась Асгард. Но в замке там жил правитель по имени Один. Там было большое капище с жертвенником. По древнему обычаю в нем было двенадцать верховных жрецов. Они должны были совершать жертвоприношения и судить народ. Они назывались диями («Diag»), или владыками («Drottnar»). Все люди должны были им служить и их почитать. Один был великий воин, и много странствовал, и завладел многими державами. Он был настолько удачлив в битвах, что одерживал верх в каждой битве, и поэтому люди его верили, что победа всегда должна быть за ним».

Далее немного рассказывается об отношении Одина к своим соратникам, а затем следует история о долгом отсутствии Одина, на время которого он назначил своих братьев Вили и Ве регентами. Этот короткий рассказ, конечно, исходит от какого-то мифа, который уже утрачен для нас.

Затем говорится: «Один пошел войной против Ванов, но они не были застигнуты врасплох и защищали свою страну, и победа была то за Асами, то за Ванами. Они разоряли и опустошали страны друг друга. И когда это и тем и другим надоело, они назначили встречу для примиренья, заключили мир и обменялись заложниками. Ваны дали своих лучших людей, Ньёрда Богатого и сына его Фрейра, Асы же дали в обмен того, кто звался Хёниром, и сказали, что из него будет хороший вождь. Он был большого роста и очень красив. Вместе с ним Асы послали того, кто звался Мимиром, очень мудрого человека, а Ваны дали в обмен мудрейшего среди них. Его звали Квасир. Когда Хёнир пришел в Жилище Ванов, его сразу сделали вождем. Мимир учил его всему. Но когда Хёнир был на тинге или сходке и Мимира рядом не было, а надо было принимать решение, то он всегда говорил так: «пусть другие решают». Тут смекнули Ваны, что Асы обманули их. Они схватили Мимира и отрубили ему голову, и послали голову Асам. Один взял голову Мимира и натер ее травами, предотвращающими гниение, и произнес над ней заклинание, и придал ей такую силу, что она говорила с ним и открывала ему многие тайны. Один сделал Ньёрда и Фрейра жрецами, и они были диями у Асов. Фрейя была дочерью Ньёрда. Она была жрица. Она первая научила Асов колдовать, как было принято у Ванов. Когда Ньёрд был у Ванов, он был женат на своей сестре, ибо такой был там обычай. Их детьми были Фрейр и Фрейя. А у Асов был запрещен брак с такими близкими родичами».

В главе 5 рассказа Снорри затем следуют предложения, которые являются особенно важными для нашей темы:

«Большой горный хребет (Кавказ) тянется с северо-востока на юго-запад. Он отделяет Великую Швецию (Россию) от других стран. Недалеко к югу от него расположена Страна Турок. Там были у Одина большие владения (вероятнее всего, не в Стране Турок, а на Кавказе). В те времена правители римлян ходили походами по всему миру и покоряли себе все народы, и многие правители бежали тогда из своих владений. Так как Один был провидцем и колдуном, он знал, что его потомство будет населять северную окраину мира. Он посадил своих братьев Ве и Вили правителями в Асгарде, а сам отправился в путь и с ним все дии и много другого народа. Он отправился сначала на запад в Гардарики (Россию), а затем на юг в Страну Саксов (Северную Германию). У него было много сыновей. Он завладел землями по всей Стране Саксов и поставил там своих сыновей правителями. Затем он отправился на север, к морю, и поселился на одном острове. Это там, где теперь называется Остров Одина (Оденсе) на Фьоне. Затем он послал Гевьон (Гевьун, Гефион, «Дар», «Даритель», в кругу Асов она появляется как богиня) на север через пролив на поиски земель».

Далее следует сага о Гевьон, которой шведский король Гюльви пообещал пахотную землю, и она со своими четырьмя превращенными в быков сыновьями выпала целый остров Селунд (Зеландия) из моря. «Там теперь остров Селунд. С тех пор она жила там. На ней женился Скьёльд, сын Одина. Они жили в Лейре (Хлейдра, древняя Hleithra, которая была резиденцией королей данов уже в бронзовый век. Скьёльдунги как шведские короли возводили свою родословную к Одину). А Один, узнав, что на востоке у Гюльви есть хорошие земли, отправился туда, и они с Гюльви кончили дело миром, так как тот рассудил, что ему не совладать с Асами. Один и Асы много раз состязались с Гюльви в разных хитростях и мороченьях, и Асы всегда брали верх. Один поселился у озера Лёг (Меларен), там, где теперь называется Старые Сигтуны (Altsigtuna), построил там большое капище и совершал в нем жертвоприношения по обычаю Асов. Все земли, которыми он там завладел, он назвал Сигтунами. Он поселил там и жрецов. Ньёрд жил в Ноатуне, Фрейр – в Уппсале, Хеймдалль – в Химинбьёрге, Тор – в Трудванге, а Бальдр – в Брейдаблике. Всем им Один дал хорошие жилища».

Иллюстрация из издания четырнадцатого века «Эдды» Снорри Стурлусона. Она изображает легендарного короля шведа Гюльви в одежде усталого странника, когда он спрашивает Одина о происхождении мира. Один представлен, впрочем, в трех образах в качестве троицы. (из: М. Магнуссон, «Викинги»)

Далее следуют три главы об «искусствах Одина», его «колдовстве» и о его «законодательстве». «Когда Один и с ним дии пришли в Северные Страны, то они стали обучать людей тем искусствам, которыми люди с тех пор владеют. Один был самым прославленным из всех, и от него люди научились всем искусствам, ибо он владел всеми, хотя и не всем учил. Теперь надо рассказать, почему он был так прославлен. Когда он сидел со своими друзьями, он был так прекрасен и великолепен с виду, что у всех веселился дух. Но в бою он казался своим недругам ужасным».

Дальше перечисляются его «искусства»: искусство менять свой вид и обличие по своему усмотрению, искусство говорить красиво и гладко: «В его речи все было так же складно, как в том, что теперь называется поэзией. Он и его жрецы зовутся мастерами песней, потому что от них пошло это искусство в Северных Странах». «Один мог сделать так, что в бою его недруги становились слепыми или глухими или наполнялись ужасом, а их оружие ранило не больше, чем хво-

ростинки, и его воины бросались в бой без кольчуги, ярились, как бешеные собаки или волки, кусали свои щиты, и были сильными, как медведи или быки. Они убивали людей, и ни огонь, ни железо не причиняли им вреда. Такие воины назывались берсерками».

К «колдовству» принадлежит и его способность превращаться в птицу, в дикого зверя и т.д.: пока «его тело лежало, как будто он спал или умер, а в это время он был птицей или зверем, рыбой или змеей и в одно мгновение переносился в далекие страны по своим делам или по делам других людей. Он мог также словом потушить огонь или утишить море, или повернуть ветер в любую сторону, если хотел, и у него был корабль – он назывался Скидбладнир, – на котором он переплывал через большие моря, и который можно было свернуть, как платок». «Один брал с собой (забальзамированную) голову Мимира, и она рассказывала ему многие вести из других миров, а иногда он вызывал мертвецов из земли или сидел под повешенными. Поэтому его называли владыкой мертвецов, или владыкой повешенных. У него было два ворона, которых он научил говорить. Они летали над всеми странами и о многом рассказывали ему. Поэтому он был очень мудр. Всем этим искусствам он учил рунами и песнями, которые называются заклинаниями. Поэтому Асов называют мастерами заклинаний». Один еще «мог узнавать судьбы людей и еще не случившееся, а также причинять людям болезнь, несчастье или смерть, а также отнимать у людей ум или силу и передавать их другим». Он знал обо всех закопанных сокровищах и знал песни, благодаря которым земля раскрывалась перед ним.

«Эти его искусства очень его прославили. Недруги Одина боялись его, а друзья его полагались на него и верили в его силу и в него самого. Он обучил жрецов большинству своих искусств. Они уступали в мудрости и колдовстве только ему. Да и другие многому научились у него, и так колдовство очень распространилось и долго держалось. Люди поклонялись Одину и двенадцати верховным жрецам, называли их своими богами и долго верили в них».

О законодательстве Одина сообщается следующее: «Он постановил, что всех умерших надо сжигать на костре вместе с их имуществом. Он сказал, что каждый должен прийти в Валгаллу с тем добром, которое было с ним на костре, и пользоваться тем, что он сам закопал в землю. А пепел надо бросать в море или зарывать в землю, а в память о знатных людях надо насыпать курган, а по всем стоящим людям надо ставить надгробный камень. Этот обычай долго потом держался. В начале зимы надо было приносить жертвы богам за урожайный год, в середине зимы – за весеннее прорастание, а летом – за победу. По всей Швеции люди платили Одину подать, по деньге с человека, а он должен был защищать страну и приносить жертвы за урожайный год». Наконец рассказывается, что Скади, жена Ньёрда, позже вышла замуж за Одина, и что к одному из ее

сыновей по имени Сэминг ярл Хакон Могучий возводил свой род. Теперь Швеция называлась «Manheimr» (Жилище людей), а Великая Швеция (Россия) – «Asaheimr» (Жилище Богов). «О Жилище Богов есть много рассказов», так несколько неожиданно заканчивается эта глава.

Следует смерть Одина. «Один умер от болезни в Швеции. Когда он был при смерти, он велел пометить себя острием копья и присвоил себе всех умерших от оружия. Он сказал, что отправляется в Жилище Богов и будет там принимать своих друзей. Шведы решили, что он вернулся в старый Асгард и будет жить там вечно. В Одина снова стали верить и к нему обращаться. Часто он являлся шведам перед большими битвами. Некоторым он давал тогда победу, а некоторых звал к себе. И то и другое считалось благом. Один был после смерти сожжен, и его сожжение было великолепным. Люди верили тогда, что, чем выше дым от погребального костра подымается в воздух, тем выше в небе будет тот, кто сжигается, и он будет тем богаче там, чем больше добра сгорит с ним».

В дальнейшем рассказывается о наследниках Одина как «владыках в Швеции», Ньёрде и Фрейре. Итак, это Ваны, которые владеют теперь Швецией и в их дни «царил мир, и был урожай во всем, и шведы стали верить, что Ньёрд дарует людям урожайные годы и богатство». Фрейр был любим всеми и в счастливые годы так же богат, как его отец. «Фрейр воздвиг в Уппсале большое капище, и там была его столица. Туда шла дань со всех его земель, и там было все его богатство. Отсюда пошло «Уппсальское богатство» и всегда с тех пор существует. При Фрейре начался мир Фроди (Фроди – один из ранних, полумифических королей данов (датчан)). Тогда были урожайные годы во всех странах. Шведы приписывали их Фрейру. Его почитали больше, чем других богов (!), потому что при нем народ стал богаче, чем был раньше, благодаря миру и урожайным годам. Его женой была Герд дочь Гюмира. Их сына звали Фьельнир. Фрейра звали также Ингви. Имя Ингви долго считалось в его роде почетным званием, и его родичи стали потом называться Инглингами».

После короткого упоминания якобы еще последовавшего после смерти Фрейра правления его сестры Фрейи история рода Инглингов образует содержание следующих глав. Теперь Снорри старается составить генеалогический ряд из всего, что он смог разузнать о биографиях этих расплывающихся в тумане наполовину сказочных воспоминаний ранних королей Швеции, чтобы перейти после этого к норвежским королям его времени, историю которых он хотел написать. Отныне Асы – это боги, Жилище Асов – это Валгалла, эвгемеризм забыт, мы находимся в мире того уверенного разделения мифа и реальности, который показывают изложения Снорри в его «Эдде» («Поэтика»).

2. Откуда исходят сведения о происхождении Одина и Асов?

То, что рассказ Снорри – также в деталях – содержит ряд загадок, которые в их совокупности вряд ли разрешимы до сих пор, очевидно. В первую очередь важно узнать, в какой степени следует принимать всерьез сообщение о происхождении Асов из местности на Дону (Танаис) и об их пути через Россию в Северную Германию, Данию и Швецию.

Как раз лучшие знатоки германского мира богов и особенно фигуры бога Одина-Водана отрицают хоть какую-то долю правды в рассказе Снорри, объясняя это тем, что, мол, Снорри ошибочно связал имя Асов с частью света Азией, и таким образом пришел к неверному представлению о том, что Асы якобы произошли из Азии.

Якоб Вильгельм Хауэр пишет в «Документах и фигурах германско-немецкой религиозной истории»: «Есть видные представители германистики, которые хотят рассматривать его (Одина) даже как чужого, например, введенного из Азии бога, или, во всяком случае, как опустившуюся к низким уровням развития фигуру. При этом дилетанты, которые участвуют в этой борьбе, могут даже ссылаться на Снорри, который, соблазненный словом «Асы», в своем эвгемеристическом объяснении утверждает, что Один пришел из Азии. У этого объяснения нет научной ценности». (1)

И Мартин Нинк в «Водане и вере германцев в судьбу» говорит. «Из созвучия имен Снорри сделал вывод, что боги Асов происходили из Азии, и что там стоял их замок Асгард». (2) Нинк тоже не считает нужным приписывать данному рассказу реальную историческую ценность.

Но с другой стороны нельзя предполагать, что такое обширное изображение с порой вполне точными географическими данными могло бы возникнуть только из путаницы имен и соответственно из созвучия одного слова с другим. Не кроется ли за этим что-то еще?

Сначала важно было бы заняться автором (или передатчиком) рассказа.

Исландец Снорри (или Снорре) Стурлусон, которого Нинк называет «крупным государственным деятелем, летописцем, скальдом и мифографом», с четвертого по двадцатый год жизни жил при дворе Одди в Южной Исландии как приемный сын Йона Лофтссона. Он был внуком знаменитого ученого Сэмунда Мудрого (1056-1133), которому приписывается запись «Песенной Эдды» («Старшей Эдды»), сборника древнескандинавских песен и изречений. Двор Одди был очагом исландской учености и изучения древности. Вероятно, там уже давно существо-

вала школа скальдов, в которой молодых скальдов учили исполнению дошедших от предков песен. Для них Снорри писал свою «Поэтику» («Язык поэзии»).

В те времена – в двенадцатом и тринадцатом веках н.э. – по всей Европе прокатилась волна воодушевления преданиями из сказочного доисторического времени. В Англии, сначала на западных кельтских территориях, всеми исполнялись и собирались песни и истории о короле Артуре и его рыцарях Круглого стола. Затем благодаря усердию королевы Элеоноры Аквитанской они попали во Францию и к тамошним трубадурам, а также во Фландрию, а уже оттуда в Германию, где роман Вольфрама фон Эшенбаха «Парцифаль» приобрел широкую известность. Немецкие песни о Дитрихе Бернском и Нибелунгах были в Скандинавии переработаны в «Тидрек-сагу» («Сагу о Тидреке Бернском») и широко распространились. Эта волна очень быстро достигла также далекой Исландии.

Тамошние ученые были тесно связаны с процессами в Европе. Они много путешествовали по дальним странам, Сэмунд учился в Париже и затем совершил длительные путешествия. У них в Исландии из языческих преданий всегда сохранялись знания о доисторических временах. Теперь то, что до сих пор передавалось устно, начали записывать, чтобы сохранить это также для более поздних поколений. Снорри был самым усердным собирателем всех тех мистических преданий, которые еще можно было найти в странах севера. Он видел, что кое-что уже забывалось, что части песен и рассказов уже пропали, и некоторые детали передавались в непонятном виде, так как языческий культ, для которого было создано большинство песен, больше не исполнялся. Потому он стремился спасти то, что он еще мог собрать. В своем учебнике для скальдов он передал им весь богатый материал как содержание своей лекции, передал собранные мифы в трезвой прозаической форме, при случае также комментировал их, так что его произведение представляет для нас сегодня ценное дополнение к тому, что содержится в более старой «Песенной Эдде», и несколько способствует ее пониманию. Разумеется, также здесь то или другое остается неизвестным, как это было, вероятно, непонятным уже для Снорри.

Можно четко сказать, что Снорри, трезвый летописец и мифограф, во всех своих произведениях старается как можно более точно, как можно ближе следуя источникам, передать дошедшие до него предания. Потому совершенно невероятно, что он мог бы просто выдумать такой подробный рассказ как рассказ о происхождении Одина из области вокруг Дона и о его походе в страны Северо-запада только потому, что слово «Асы» напоминало ему об Азии. В те времена вообще еще ничего не придумывали. Даже поэты и певцы уровня Вольфрама фон Эшенбаха должны были детально просить прощения, как только однажды хоть немного фантазии попадало в их произведения, и заверять, что они полно-

стью и исключительно только следовали «сказанию» и что все, о чем они рассказывали, было лишь чистой правдой. Потому что слушатели хотели «правды». Они вполне были готовы поверить даже в самое невероятное и сказочное, если только их заверяли, что все это правда. Но хладнокровные, спокойные и довольно трезвомыслящие скандинавы очень хорошо умели различать мифические и реальные рассказы. Сам Снорри точно знал, что то, что он сообщал о богах, происходило из религиозных взглядов прошлого времени.

Тем более удивительно воздействует эвгемеризм в рассказе об Одине, удивительно, прежде всего, потому, что он появляется только здесь. Во всех других произведениях Снорри, также как в «Песенной Эдде» боги – это именно боги, впрочем, полностью приравненные к христианскому Богу. Снорри, кажется, даже идентифицировал Одина с «Богом на небе», о чем свидетельствует начало «Видения Гюльви». Во всех своих произведениях – кроме как раз этого рассказа – он и не думает делать Одина человеком и видеть в нем вождя доисторического времени.

Якоб Вильгельм Хауэр пишет: «Способ объяснения Снорри называют эвгемеризмом, так как он происходит от греческого философа Эвгемера из четвертого-третьего века до н.э., который во время просвещения и упадка мифов хотел сохранить их смысл. Это путь, чтобы спасти любовь к старым богам». (3)

Действительно этот способ объяснения всегда можно найти там, где, с одной стороны, интеллект уже ставит под сомнение существование богов, с другой стороны, однако, еще не достигнута духовная зрелость, чтобы видеть их как картины (образы). Это всегда происходило во времена умирающей религиозности, когда людям, тем не менее, не хотелось бросать любимые ими образы, и поэтому они делают их древними вождями, царями или героями. Этой фазы некоторые ученые в Греции достигли уже рано, там эвгемеризм в классическое время встречается действительно часто. Так Диодор Сицилийский говорит о боге Уране, которого он делает доисторическим царем «атлантов»: «Они (атланты) рассказывают, что он, мол, тщательно наблюдал за небесными телами и прогнозировал многое, что произошло на небе... Но толпа, незнакомя с вечным порядком небесных тел и удивляющаяся действительно сбывшимся предсказаниям, верила, что тот, кто учил таким вещам, должен был быть божественной природы, и после того, как он покинул мир людей... воздавала ему бессмертные почести». Этот способ объяснения сильно напоминает объяснения автора рассказа об Одине (стр. 10 и на последующих страницах).

Но также и в наши времена этот вид объяснения появляется неоднократно: именно Одина, как уже говорилось, преимущественно те «дилетанты», которых

упоминает Хауэр, представляли как (в большинстве случаев злого) человеческого полководца и завоевателя.

Хауэр и Нинк оба объясняют эвгемеризм Снорри тем, что он был христианином. Они думают, что из-за этого у него было противоречивое отношение к старым богам. Также мысль, что он хотел маскироваться перед фанатичными христианами, появляется у других экспертов.

Исландский Альтинг в 1000 году н.э., побужденный чисто внешними причинами, принял христианство для Исландии; но ограничения оставались. Те, кто хотел этого, могли праздновать старые праздники и почитать старых богов, если только это не происходило публично. Так старая вера практически сохранялась и дальше и абсолютно естественным способом смешивалась с христианской верой. Христианский и языческий обычай, христианский и языческий миф сосуществовали или даже дополняли друг друга. Потрясенный стон норвежского короля, мол, в Исландии не придерживаются христианской веры так, как это положено, был оправдан. Такое положение было возможно потому, что Исландия сохраняла свою независимость от Рима. Только в четырнадцатом веке она утратила эту независимость в долгой и тяжелой борьбе, начало которой положило убийство Снорри.

Снорри так же, как до него Сэмунд и его отец Сигфус, был «священником»; чтобы принадлежать к образованным, нужно было быть священнослужителем. Но эти «священники» Исландии были только преемниками старых «*Goden*» (жрецов), они были как те благородные крестьяне, которые наряду с ведением своего хозяйства занимались «мудростью», изучением законов и древнейшей истории и сооружали на своей земле храмы или собственные церкви, в которых, пожалуй, хоть больше и не приносились жертвы, но христианский Бог и боги язычников иногда прекрасно почитались вместе. (Так, например, исландская книга заселения («Книга об исландцах») говорит о Хельги Худом, что он верит в Христа, но, оказавшись в затруднительном положении, взывает к Тору).

Итак, у Снорри в то время не было ни малейших причин, чтобы маскироваться или из противоречивых чувств переделывать старых богов в героев доисторического времени. Они были, и это четко видно, для него такими же «богами» как и «отец всего сущего, создавший небо и землю» и которому он беспристрастно добавил целый ряд имен Одина. Через несколько страниц после эвгемеристического вступления, в «*Gylfaginning*» («Видении Гюльви») появляются слова, которые звучат почти как воинствующее признание самого себя сторонником веры в Одина: «И верю я, что Один и его братья — правители на небе и на земле. Думаем мы, что именно так его зовут. Это имя величайшего и слав-

нейшего из всех ведомых нам мужей, и вы можете тоже называть его так». Так где же тут эвгемеризм?

Единственное объяснение этого расхождения может быть таким: рассказ исходит не от самого Снорри, и был только перенят им. В пользу этого также свидетельствует то, что Снорри приводит это сообщение дважды и предпосылает его следующему за ним своему произведению, соответственно как «Истории норвежских королей», так и «Gylfaginning» («Видению Гюльви»), с которого он начинает свое поучение для скальдов. Рассказ о происхождении Одина – это также единственная часть его мифологических трудов, которая претендует на историческую реальность, т.е. обращается к совсем другому, настоящему миру, а не к миру религиозно понимаемых мифов.

Однако он не может принять этот рассказ в неизменной форме, для этого в нем слишком много мифического и часто кажущегося странным, сказочного предания. Все говорит о том, что Снорри включил в уже существующую рукопись мифические фрагменты, которые, видимо, казались ему подходящими для этого, например, странную историю об обмене заложниками после войны Асов с Ванамми, которую он, естественно, знал во всех подробностях из старых песен, даже в самой важной песне из «Песенной Эдды», «Волюспе» («Прорицании вёльвы»), есть кое-какие намеки на это. Затем нужно учесть эпизод с Гевьон и все, что говорится о Ньёрде и Скади и т.д. в более поздних частях рассказа. От Снорри, без сомнения, исходят также те места, которые включены в стихи исландских поэтов или те, которые происходят из «Песенной (Старшей) Эдды», так как это соответствует привычке Снорри, прежде всего, в «Младшей Эдде» («Эдде в прозе») – подчеркивать произнесенное включенными стихотворными строками. Ведь все эти места тоже мало знают или совсем ничего не знают о вождах, храмовых жрецах и другом очеловечивании богов, и в этом отношении они только поверхностно были приведены в соответствии с остальным текстом.

Итак, мы с большой уверенностью можем предположить, что Снорри не сам написал рассказ о происхождении Одина, а только переделал его и предпослал его своим обоим упомянутым произведениям. Он наверняка считал его важным, вероятно, именно потому, что в нем была историческая, а не мифическая информация из очень древнего времени.

Как, однако, попало к нему это сообщение? Так как в более поздних частях рассказа всегда говорится только о Швеции, все, о чем в нем сообщается, происходит в Швеции, и добавляется ряд поколений предков шведских правителей Инглингов, то напрашивается вывод, что это сообщение происходит из Швеции, было написано в Швеции и содержит еще живущее в Швеции предание.

Оно могло быть записано неким ученым, в пользу этого говорят географические познания автора. Тогда у Швеции были самые тесные отношения с Востоком, шведские варяги владели частью сегодняшней России (которая называется здесь «Великой Швецией»), шведские купцы часто добирались до Константинополя, а личная охрана восточно-римского императора в Византии долгое время состояла из шведов. Так что как раз в Швеции были очень хорошо знакомы с географическими сведениями о Востоке и Юго-востоке. То, что автор предполагает существование в Северной России великанов и карликов, мавров и даже «драконов ужасающих размеров», вовсе не удивительно, так как эти области, простирающиеся до Северного Ледовитого океана, были в те времена еще совсем неисследованными.

Кроме того, автор должен был быть христианским священником, как и сам Снорри. Потому что в поздно обращенной в христианство (полностью только в начале двенадцатого века) Швеции ученые, естественно, были посвящены в сан священников. Здесь, однако, религиозную позицию автора вполне можно понять как объяснение эвгемеризма. Только в абсолютно веротерпимой Исландии было возможно такое отношение к старым богам, какое мы находим у Снорри, но не в других странах Скандинавии (также летописец датчан, Саксон Грамматик, сделал из богов Бальдра и Хёда (Хёдра) людей доисторического времени).

Храм в Старой Уппсале, как его представлял себе художник Э. Дальберг в начале восемнадцатого века. Каждая башня посвящена определенному божеству, обе птицы под замком – это вороны Одина. (из: Д.М. Уилсон, «Культуры на Севере», Мюнхен, 1980)

Рассказ также отчетливо показывает, что здесь полностью отсутствует понимание глубины мифического предания и его символического содержания, которым Снорри до определенной степени еще обладал. Все сдвинулось в область банального, плоского, лишённого глубокого смысла, возникают недоразумения, типичные именно для христианина, который хочет сохранить предание, но больше не понимает его, например, когда речь заходит об «искусствах» Одина.

Здесь иногда царит наивность, в которой нельзя заподозрить умного, много путешествовавшего Снорри.

В Швеции культ Одина, кажется, имел самое большое значение. Здесь помимо Фрейра этот бог экстаза почитался больше всего. В сообщении Снорри рассказывается о создании храма в Уппсале. Очевидно, тут имеется в виду Уппсала к северу от озера Меларен. Знаменитый храм там, как и вся культовая область Сигтуна играли в историческое время большую роль, так что он также здесь называется местожительством Фрейра. Но более поздние шведские исследователи считают, что в доисторическое время настоящий центр почитания Одина располагался к югу от озера Венерн. (4). Там якобы уже во время мегалита, т.е. за тысячелетия до 2000 года до Р. Х., находилась сильно населенная культовая область. Большинство шведских могил эпохи мегалита находят там сконцентрированными на узкой территории – сегодня это еще 290 ступенчатых могил и многочисленные каменные ящики.

Так называемый Королевский холм в Старой Уппсале с церковью (из: Граф Эрик Оксеншерна, «Северные германцы»).

К этому добавляется гигантский каменный круг Аскеберга, самый великолепный монолитный памятник доисторического времени всего Севера. Более позднее время оставило свои следы в многочисленных могильных холмах, относящихся к Железному веку. И вот здесь все прямо-таки кишит именами Одина. Тидан, река с древним индогерманским именем (на языке людей Бронзового века оно могло означать «реку Бога»), впадает в озеро Оденсе. Еще там есть источник по имени «Асгудбэк» (ручей Бога-Аса), «Оденскульк» (холм Одина) и «Оденсэсен» (горный хребет Одина), а также «Оденсэгарна» (луга Одина) и т.д. Также имена Фригг и Фрё представлены неоднократно. И еще здесь находится «Оденс-Грав», могила Одина. Речь идет о большом могильном холме, на вершине кото-

рого после христианизации был построен монастырь (к сожалению, до сих пор не хватило средств, чтобы провести раскопки на холме). Это могло быть, пожалуй, той самой могилой, в которую по мнению того авторитетного шведа, от которого Снорри узнал эту историю, опустили пепел Одина, после того, как тот умер «в Швеции в своей постели» – то есть, он не погиб на войне.

Согласно другим сообщениям он двинулся в Норвегию и потом, постаревший и уставший, возвратился в Швецию. Все это доказывает, что эвгемеристическое мышление не ограничивалось одним лишь источником познаний Снорри, а было широко распространено в Швеции – по меньшей мере, в древней культовой области вокруг озера Венерн.

Также названия Уппсала (Упсала, также Обсола, сегодня произносится как *Üppsala* с ударением на «а») и Сигтуна, которые значат «Высокий зал» и «Роца победы» и являются названиями храмовых и соответственно культовых мест, в большом количестве встречаются в этой области, как и вообще на всем Севере и даже в английском Кенте. «Высокий зал», который лежит у озера Меларен, т.е. гораздо севернее, чем культовая область в районе озера Венерн, только в первом тысячелетии н.э. приобрел свою известность как местожительство трех богов Одина, Фрикко (Фрейра) и Тора. «Местожительство», которое избрал себе Один, когда он воспользовался «хорошим случаем для приобретения земли у Гюльви», могло бы лежать к югу от озера Венерн.

Из всего этого следует, что поздно обращенная в христианство Швеция должна была во времена Снорри сохранять еще очень живые традиции почитания Одина (здесь его всегда называли Оден). По мнению шведского исследователя Вернера Линдблома («*Götland Sveriges Vagga?*», 1982) Снорри Стурлусон в 1219 году в своих поисках материала путешествовал в районе Асаки, в лежащем к югу от Венерна Гёталанде. Вернер Линдблом поднимает вопрос, «не благодаря ли именно этой поездке он (Снорри) смог добыть свой замечательный материал».

На этот вопрос, вероятно, можно ответить положительно. Если все это не вводит в заблуждение, то Снорри получил в Швеции тот «замечательный» рассказ, который он затем поставил в начале двух своих произведений.

Удивительным остается только то, что он не назвал имя автора. Во всех стихах песен, которые он в остальных случаях включал в свои произведения, он всегда называл имя скальда, от которого происходил стих. Но, вероятно, он настолько сильно переделал сообщение, что без опасений мог выдать его за собственную работу. Или – еще вероятнее – он и сам не знал имени автора. Даже если речь шла о рукописи, которую он получил в Швеции, то она могла

пройти через несколько рук и могла быть неподписанной. Так часто бывало в те времена – Вольфрам фон Эшенбах использовал для своего романа «Виллегальм» еще наличествующую рукопись также неизвестного ему автора. Потому он, в отличие от «Парцифалья», не называл в «Виллегальме» источник, а всегда говорил только о «сказании». Тогда еще само «сообщение» было важнее, чем автор.

3. Тезис о войне Асов и Ванов

Если мы теперь хотим принять всерьез информацию, которую передает Снорри, в ее «исторических» (не мифических) частях, то возникает вопрос, когда могло бы произойти это вступление Одина на Север.

Для этого необходимо сначала рассмотреть тезис, который, как полагают, может определить время этого вступления с полной уверенностью. Это так называемый тезис о войне Асов и Ванов, который до сегодняшнего дня защищал и защищает целый ряд исследователей, как профессиональных ученых, так и любителей.

Герман Гюнтерт в его произведении «Древнегерманская вера по ее сущности и основам» (5) был первым из исследователей, который попытался объяснить войну Асов и Ванов (эти исследователи пишут имя Ванов с буквой «W», Снорри же всегда использует букву «V») из доисторической праистории и связать ее с вторжением так называемых племен культуры шнуровой керамики или культуры боевых топоров в Северную Европу. За ним последовал К. А. Экхардт со своей книгой «Война Ванов» (6), где он попытался обосновать тезис Гюнтерта в деталях. Одновременно Я. В. Хауэр (7) также подхватил мысль Гюнтерта. С тех пор почти все исследователи, которые занимались развитием германства, в первую очередь любители, но также и Юрген Шпанут (8), приняли и защищали этот тезис как нечто достоверно известное. Каждый, кто называл Одина богом или полководцем племен культуры шнуровой керамики, опирался на тезис о войне Асов и Ванов.

Хауэр перечисляет различные упоминания о войне между Асами и Ванами в рассказе Снорри и в «Эдде в прозе» и цитирует стихи из «Волюспы» («Пророчания вельвы»), которые отсылают к этой войне. Затем он продолжает: «Из этих сведений следует, что возник большой конфликт между Асами и Ванами. Заключение мира между Ванами и Асами упомянуто только у Снорри, но не в «Волюспе», которая только намеками, в размытой форме, передает, очевидно, и так известный читателям миф. Ньёрд и Фрейр при заключении мира были приняты в общность Асов, и когда Фрейя снова была освобождена от власти вели-

канов, очевидно, была принята также и она. Так как она является позже признанной богиней в кругу Асов. На основе результатов доисторических исследований, как я полагаю, можно в основных чертах объяснить этот миф о войне Асов и Ванов. Почитание Ньёрда, Фрейра и Фрейи может быть определено в географическом плане и в отношении конкретных племен благодаря упоминанию Тацитом культу Нертуса. Согласно главе 40 труда Тацита «Germania» Нертусу поклонялись северо-западные германские племена. Они принадлежали к культовой общности ингвеонов. Ингви, от которого происходит шведский королевский род Инглингов – это другое имя Фрейра. Предки этих занимающихся земледелием жителей побережья Северного моря, судя по исследованиям древнейшей истории, жили там с начала неолита, даже с мезолита. Они являлись создателями и носителями так называемой культуры мегалитов, культуры мегалитических гробниц (могильные курганы). Ньёрд и другие боги Ванов должны были, вероятно, быть богами людей культуры мегалитов. Эта точка зрения подтверждается также соображением, что в культе Ванов, очевидно, центральное место занимал культ богов плодородия, что было, конечно, вполне объяснимым для преимущественно земледельческого населения.

Но можно ли так же определить конкретную географическо-культурную область и для Асов? С точки зрения изучения праистории мы знаем только о конфликте между культурой мегалитов и культурой шнуровой керамики. Примерно в середине или в начале третьего тысячелетия до Р. Х. стало заметно сильное продвижение на Север людей культуры шнуровой керамики, основным местом поселения которых тогда была Центральная Германия. Состояние нескольких мегалитических могил позволяет предположить, что тут и там доходило также до военных столкновений между обеими культурами. Но впоследствии они глубоко слились друг с другом, причем, очевидно, без больших разрушений, и из этого слияния где-то на рубеже третьего и второго тысячелетий до Р. Х. возникли германцы. Итак, люди культуры шнуровой керамики приходят с юга, о чем свидетельствует почитание Водана. Об этом свидетельствуют самые ранние исторические сообщения. Анализ культуры племен шнуровой керамики позволяет сделать вывод, что у них было земледельческое население, отличавшееся одновременно большой воинственностью. Великолепно обработанные, отточенные боевые топоры, которые клали в могилу каждому мужчине, вот символ этого. Также можно найти следы далеких походов племен культуры шнуровой керамики в третьем тысячелетии до Р.Х. вплоть до России, Финляндии и границ с Азией. Это значит, что они в это время успешно совершали походы в разные стороны, захватывая новые земли. Их бог должен был быть богом сильного натиска и битв. Это положение идеально подходит к образу Одина, который был и богом плодородия и богом войны, и вообще богом высокого воодушевления. Если мы теперь свяжем эти различные факты друг с другом, то напрашивается вывод, что Асы были богами людей шнуровой керамики, и что война Асов и Ванов была

ничем иным, как мифической формой конфликта и слияния людей культуры шнуровой керамики и людей культуры мегалитов». Так считал Якоб Вильгельм Хауэр.

Этот тезис выглядит ясным и убедительным, и неудивительно, что он приобрел такую широкую поддержку. Но, тем не менее, он не может быть правильным. И именно по той простой причине, что последовавший за переселением племен культуры шнуровой керамики Бронзовый век Севера еще не знает Одина.

Сегодня мы знаем действительно много о Бронзовом веке Северной Европы – прежде всего, благодаря исследованиям Юргена Шпанута, тезис об Атлантиде которого почти сдвинул Бронзовый век Севера под свет истории, так как Шпанут смог обнаружить для истории письменные источники.

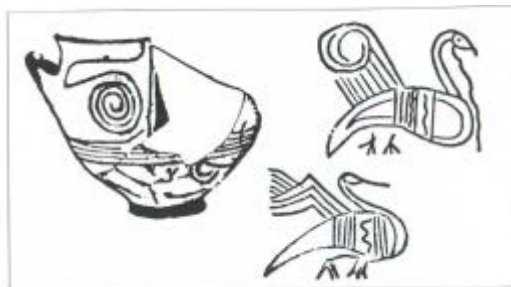
Резной камень, Скандинавия, девятый век. Один скачет верхом на своем восьминогом коне Слейпнире, потомке Локи, когда тот превратился в кобылу. Тем самым рассказ Снорри получает археологическое подтверждение.

Кроме того, у нас есть богатые находки из относящихся к Бронзовому веку могил и коллективных памятников. И таким образом мы можем узнать, что в это время еще нельзя обнаружить даже самый незначительный след почитания «бога воинственного натиска». В то время на территории, которая обозначается как «северный культурный круг», господствовал исключительно молодой бог Священного острова (Базилея, еще гораздо больший в то время Гельголанд), носитель лучевой короны, который как омоложенный бог неба и солнечный герой в одном оберегает закон, который ездит на солнечной колеснице по небу или, в сопровождении дельфинов или лебедей, на солнечном корабле плывет через море. (9) Всюду на Севере находили его знаки и эмблемы, на бритвах, мисках и кувшинах можно видеть его рыб, его лебедей, но нигде нельзя увидеть волков или воронов Одина. Темный, таинственный бог «натиска» и «ярости», бог экстаза, который с развевающимся плащом и в широкополой шляпе скачет на восьминогом коне, одноглазый странник и предводитель дикой армии возвращающихся мертвецов, вокруг которого воют псы и волки, он никак не подходил бы, как говорит шведский ученый граф Эрик Оксеншерна, для «окруженного светом, купающегося в тепле Бронзового века», для эпохи, которая во всех своих творениях искала гармонию, эпохи, когда излучающие свет боги дарили счастье, богатство и мир, и почитались в пронизанном музыкой культе.

Только к концу этого счастливого времени золотой мир Севера был разрушен. Хотя походы – прежде всего, предприимчивых молодых людей – снова и снова уходили на юг, и мы уже в четырнадцатом веке до Р. Х. находим их как поселенцев или бойцов в окрестностях Средиземного моря, но затем в середине тринадцатого века время страшной жары и засухи принесло на Север голод и нужду, так что с Севера потянулись новые толпы переселенцев в поисках лучших условий для жизни.

Окончательной их целью являлся Египет, который из-за «Большого Нила» был тогда еще плодородным. Но еще до достижения этой цели, происходит – вероятно, из-за проникновения гигантского метеора в атмосферу Земли – катастрофа всемирного масштаба, которая причиняет огромный вред средиземноморским странам в виде извержений вулканов, землетрясений и огненных дождей, в то время как на побережье Северного моря сильные приливы проникают далеко вглубь суши. Все это было подтверждено Шпанутом. Здесь решающую роль играют в первую очередь египетские письменные источники. Примерно через тридцать лет после великой катастрофы объединенные северные народы достигли, тем не менее, Египта. Фараон Рамсес III, который за прошедшее время смог большей частью устранить нанесенный его стране ущерб и укрепил ее обороноспособность, разбил в двух битвах нападавшие с воды и с суши северные народы моря и захватил множество пленных. Они изображены на многочисленных рельефах храма Мединет-Абу с примечательными пояснительными

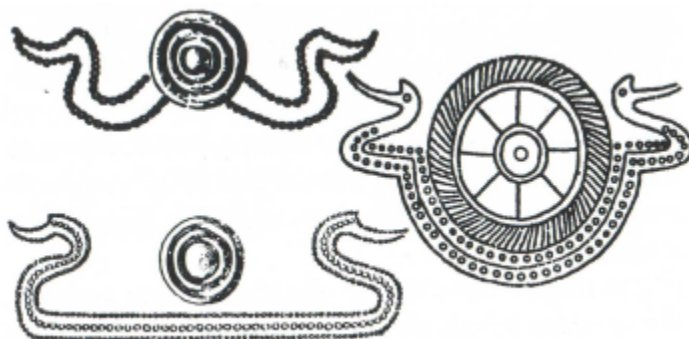
текстами. На рельефах виден их североевропейский тип, их лучевые короны и шлемы с рогами, их оружие, боевые колесницы и корабли с головами лебедей на носу и на корме, и абсолютно ясно, что все это может происходить только из пространства «северной культуры Бронзового века».

Деревья с завитушками и лебеди на керамике филистимлян.

Пленные и скованные воины северных народов моря в Мединет-Абу, второй двор (из: Юрген Шпанут, «Атланты»).

Германские корабли: вертикальные штевни на носу и на корме, украшенные головами лебедей, как и корабли северных народов моря на настенных изображениях в Мединет-Абу.

Новые волны переселенцев по-прежнему продолжают прибывать из опустошенных приливами стран Северной Европы. Отбитые Рамсесом III части войска поселяются на побережье Средиземного моря, затем переселенцы населяют Южную Германию и альпийские земли. Всюду теперь находят следы их наследия, и все заново основанные ими культуры с самой большой ясностью показывают, что речь идет о культурах преемников северной культуры Бронзового века. В Палестине филистимлян, в Ливане финикийцев Сакар, на Кипре, в Греции, где дорийцы сооружают новую культуру на обломках микенской культуры, в Италии и в южнонемецких и альпийских областях Гальштатской культуры, в дунайских землях и далеко вплоть до Востока можно найти солнечные корабли, лошадей и лебедей северного бога на украшениях и предметах быта, в могилах и коллективных памятниках. Во все эти страны принесли северные люди этого бога с лучевой короной, и порой также еще его отца, размахивающего топором, рога того бога неба. Всюду находят знаки и сопутствующих животных этих богов, но нигде нет следов Одина-Водана. Если бы он уже тогда был на Севере правителем неба и земли, северные люди тоже принесли бы его с собой на юг, и сейчас там можно было бы найти столько же его следов, сколько осталось следов бога Священного острова. Но так как этого нет, мы должны сделать вывод, что вступление или вторжение Одина могло произойти только уже после эпохи этого великого переселения, т.е. ни в коем случае не раньше 1000 года до Р. Х.

Итак, не люди культуры шнуровой керамики принесли с собой Одина. Их влияние на Север вообще было слишком переоценено, как мне представляется. Неудачная идея, что именно они-де и были индогерманцами (индоевропейцами – прим. перев.), и примерно в 2000 году до Р. Х., придя с Востока, якобы «индогерманизировали» всю Европу, снова и снова находила последователей. При этом уже после важного доклада, который в 1932 году сделал Герберт Кюн в Лондоне перед Первым всемирным конгрессом доисторических и протоисторических наук, стало ясно, что жители Юго-западной Европы ледникового периода, люди Мадленской культуры позднего палеолита, которые после отхода льдов двинулись на Север, уже были праиндогерманцами, т.е. предками всех народов, говорящих на индогерманских языках, очень светлыми народностями периода мезолита и неолита в Восточной, Западной, Северной и Центральной Европе. Тем не менее – с той поры, как Эрнст Вале (11) представил людей культуры шнуровой керамики как воинов-скотоводов из дальних степей Азии, ворвавшихся в Центральную и Северную Европу и поработивших местные несчастные крестьянские народы, все гипотезы об этих народностях уже превзошли сами себя по своей авантюристичности. Этим неистовым «людям боевых топоров» позволяли и позволяют (по непонятным причинам иногда еще сегодня) в самое короткое время на боевых колесницах или даже как степным всадникам (!) пронестись по всей Европе и при этом мигмом обеспечить все страны новым языком и новой культурой. Подтвержденная Оскаром Паретом засуха в третьем

тысячелетии до Р. Х., которая действительно сорвала многие народы со своих мест и вызвала первую «эпоху переселений» (вторая была в 1200 до н.э.), используется для того, чтобы сконструировать всеобщий поход с Востока на Запад, причем к нему приобщаются народы, которые не имеют совершенно ничего общего с людьми «культуры шнуровой керамики». Югославский археолог Мария Гимбутас (так у автора, на самом деле Мария Гимбутас была по происхождению литовкой и работала в США) связывает с движением племен культуры шнуровой керамики примитивные народы Востока и, по ее мнению, поток «людей культуры курганов» якобы распространился по всей Европе. При этом она избирает могильный холм (курган) как основную определяющую форму, не учитывая при этом, что курганы на Западе и Севере Европы существовали задолго до предполагаемого вторжения восточных народов, так как мегалитические гробницы времен мегалита тоже были покрыты холмами. Кроме того, курганы культуры воронковидных кубков также гораздо старше курганов Востока.

Что касается теперь людей культуры шнуровой керамики, то самой разумной теорией я считаю, поддержанную, среди прочих, также Якобом Вильгельмом Хауэром. Согласно ей эти «люди боевых топоров» жили сначала в Центральной Германии, прежде всего, в Тюрингии – их раннее происхождение из Скандинавии вовсе не обязательно исключать – и в течение третьего тысячелетия двинулись далеко на Восток и Юго-восток. Части их поселились в местностях по ту сторону Черного моря (что, естественно, дает аргумент в руки сторонников тезиса о войне Асов и Ванов). Движение продолжилось на Юг. Уже лувийцы, «люди волка», которые к середине третьего тысячелетия вышли, вероятно, из Центральной Германии и двинулись с Черного моря в Малую Азию и разрушили Трою – они оставили в северо-западной Анатолии очень богатые царские могилы – были людьми культуры боевых топоров. За ними последовали дальнейшие народы, которые основали затем царство гетитов. Части обеих групп двинулись также в Грецию, где они принадлежали, вероятно, к первым переселенцам, говоривших на индогерманских языках. (Смотрите обо всем этом: В.П.Фишер, «Древняя Европа с новой точки зрения»).

Походы на Запад и на Север происходили, по всей видимости, несколько позже. Вероятно, засушливый период также вынудил реэмиграцию восточной части людей культуры шнуровой керамики. Измерения в могилах шнуровой керамики, во всяком случае, показали, что они уже в 2300 году до Р. Х. жили на Рейне. Они также – как позже кельты – переправились на Британские острова. Можно с уверенностью констатировать многочисленные переселения на Север, очень единообразное содержимое могил – шнуровая керамика и боевые топоры – доказывает всюду их существование. То, что на Севере от общеродовых могил снова вернулись к индивидуальным могилам, восходит, пожалуй, к их влиянию. Но исходных данных для утверждений о военных столкновениях слишком мало.

Зато для тех, кто действительно знаком с Бронзовым веком Северной Европы, абсолютно ясно, что не было разрыва между временем мегалитов и временем, когда обработка металлов добилась больших успехов. Культура Бронзового века последовательно развивается из культуры мегалитов, отношения едва ли меняются, как это должно было бы быть, если бы некий воинственный народ «поработил» людей на Севере, как считали Вале и его последователи. Ведь очевидно, что люди культуры мегалитов были не менее сильны, чем люди культуры боевых топоров, и их никак нельзя было бы так просто поработить. Мирные люди культуры мегалитов, которые только шли за плугом и глубокомысленно смотрели на звезды, это представление, за которым скрываются сегодняшние желания. На самом деле великие мореплаватели, которые несли свою культуру до дальних берегов, захватывали земли на Средиземном море и в Северной Африке и основывали там колонии, конечно, никогда не боялись войны. В мегалитических гробницах Севера было найдено столь же много боевых топоров, сколько и в могилах культуры шнуровой керамики. Также легкие культовые топоры, например, из янтаря, часто клали людям в могилу. Потому возникает вопрос, доказывают ли вообще топоры в могилах людей культуры шнуровой керамики ярко выраженный воинственный характер этой культуры. Большой и малый топор (и позже молот) – это знаки индогерманского бога неба. Возможно, что топоры «людей культуры боевых топоров» должны были сообщать, что соответствующий мужчина посвятил себя богу неба, так же, как и культовые топоры в могилах культуры мегалита. Во всяком случае, гармоничный характер последовавшего за притоком людей культуры шнуровой керамики Бронзового века доказывает, что слияние обеих народностей прошло без особых трудностей. Боги мегалита спокойно сохранили свое господство, так же как короли на Священном острове в Бронзовый век, как и раньше в эпоху мегалитов сохранили идентичную с «северным культурным кругом» «империю атлантов». Все оставалось в старом порядке, пока в конце Бронзового века стихийные бедствия не уничтожили цветущую культуру и не опустошили север.

Таким образом, можно также с этой стороны привести доказательство того, что люди культуры боевых топоров и шнуровой керамики вряд ли могли принести с собой бога экстаза и бога войны, откуда бы они ни пришли.

4. Перелом в истории кельтов

Если мы сейчас обратим внимание на кельтов, то попадем в другое, более позднее время.

Сегодня ученые довольно единодушны в том, что исходно кельты развились в пространстве между Богемией на Востоке и Эльзасе и Восточной Францией на

Западе, т.е. преимущественно в южной Германии и в альпийских землях. Это область Гальштатской культуры, и большинство ученых обозначают Гальштатскую культуру уже как кельтское время, но некоторые начинают историю кельтов только с начала Латенской культуры, приблизительно в 500 году до Р. Х.

Как я думаю, нельзя, однако, исключать из истории кельтов время Гальштатской культуры, мелких королей в их замках на возвышенностях, богатых княжеских могил, мирной крестьянской и благородной жизни и плодотворных торговых связей с Югом, прежде всего, с Грецией.

Как уже говорилось, Гальштатская культура является преемницей североевропейской культуры Бронзового века, которой она обязана как формами, так и содержанием изображений на оружии и металлических предметах. Также здесь поселенцы должны были первоначально происходить из Северной Европы. Так называемые «поля погребальных урн» южной Германии – это кладбища, которые они создали там, где поселились по окончании своих дальних странствий. Тогда обычай сжигать мертвецов и хоронить пепел в урнах в низких могилах или курганах распространился по большим частям Европы. В Южной Германии «Культура полей погребальных урн» идет рука об руку с Гальштатской культурой. Неверно, что Гальштатская культура началась только в 800 до Р. Х. или даже еще позже. Выдающийся археолог Йозеф Виснер определяет Гальштатскую культуру уже в 1100. Иммиграция произошла около 1100 до Р. Х., и именно эти новоприбывшие снова принесли с собой – как в Италию и Грецию – изображения своих солнечных знаков, лебедей и стройных лошадок, солнечного корабля и длинноногих фигур людей, которые так характерны для Гальштатской культуры. Очевидно, они смешивались затем с жителями территорий, в которые они вступали, это были так называемые люди курганов Бронзового века. Вероятно, что из этой смеси народов уже получились определенные особенности кельтского в языке и обычаях.

Как уже было сказано, из археологических находок можно сделать вывод, что последующие столетия прошли относительно мирно, что торговля с Югом принесла определенную роскошь верхнему слою, что мелкие короли устроили свои элегантные резиденции в крепостях на высотах вроде Асперга под Штутгартом или Хойнебурга близ Ридлингена на Дунае, и, окруженные предметами изысканной красоты, приказывали после смерти хоронить себя на курганах.

Гальштаттский стиль (изображения взяты из: Юнцэ «Доисторическая государственная коллекция»)

Сосуд из Кальмюнца с изображением повозки

Бронзовая фибула из Вильцхофена, ширина 10,7 см

Чаша Гальштатской эпохи из Прэхтинга с ножками в форме человеческих ног, верхний диаметр 22,7 см

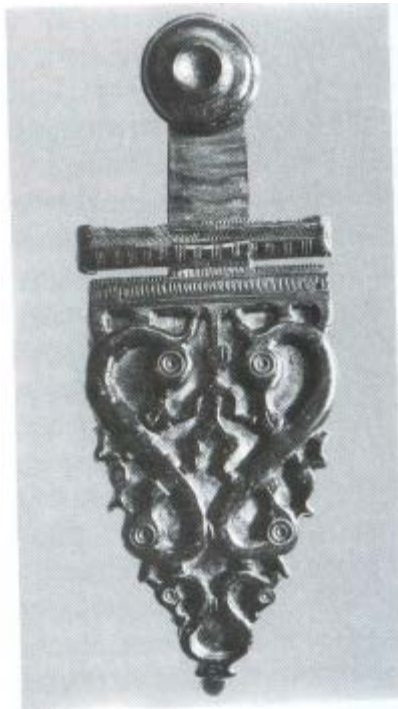
Латенский стиль (изображения взяты из: Юнцэ «Доисторическая государственная коллекция»)

Разрисованная керамика из позднего Латенского периода из Манхинга. Высота бутылочки 21,7 см

Бронзовое кольцо для ноги среднего Латенского периода, из Эрдинг-Клеттхама, внешний диаметр 13,5 см.

Бронзовый крюк для застегивания ремня раннего Латенского периода из Хельцельзау близ Куфштайна, длина 16 см.

Но затем, приблизительно в середине последнего тысячелетия до Р. Х., должно было произойти нечто, что изменило как картину культуры, так и жизнь. Короли постепенно исчезают, появляется Латенский стиль, который очень существенно отличается от ясных линий Гальштаттского стиля совсем другой техникой и пластичными формами изображений зверей часто пугающей демонической силы. Этот стиль существенно напоминает известные из курганов на Юге России бронзовые изображения с их дико динамичным звериным стилем. Одновременно теперь проявляется прежде неизвестная страсть к путешествиям также у народов раннекельтского пространства; начинаются большие кельтские походы, которые устремились по всем направлениям, под руководством смелых

предводителей, таких как, например, Бренн, который грозил Риму. Кельты продвигаются в Испанию, в Грецию, даже в Малую Азию, они полностью занимают Францию, которая теперь становится Галлией, заселяют широкие просторы до Северной Европы, наконец, различными группами переправляются на Британские острова, так что Англия, Шотландия и Ирландия становятся кельтскими землями. Все это совершается с удивительной быстротой на протяжении трех – четырех веков.

В первом столетии до Р.Х. кельтские языки и кельтские обычаи господствуют в самых больших частях Европы. Даже если слои завоевателей действительно часто были тонкими, и характер местного населения уже скоро снова сильно проявляется, то, все же, по меньшей мере, Франция и Британские острова из-за напластования приобрели постоянный кельтский облик.

Это были каждый раз отдельные племена, которые под руководством своих предводителей, которые назывались тогда также королями (поэтому так много имен, заканчивающихся на «rix»), отправлялись в походы в поисках новых земель, какой-либо центральной власти не существовало. Племена часто боролись друг с другом и прогоняли друг друга, единство языка и обычаев не привело к объединению в политическом смысле. Поэтому римляне позже также относительно легко справлялись со столь воинственными кельтами.

Римляне в полном восхищении сообщают о «ярости» кельтов в бою. Они закрепляли свои длинные белокурые волосы известковой водой и связывали их сверху, так чтобы они поднимались вертикально, якобы чтобы казаться больше и ужаснее в битве, они бросались в бой нагишом и сражались как неистовые. И они были, что даже французские исследователи не могут полностью отрицать, охотниками за черепами. Они отрезали своим врагам головы, они укрепляли их на своих боевых колесницах; молодой человек не мог жениться, прежде чем не предъявит трофейный череп врага. Головы как приносящие удачу трофеи помещались над входными дверями, где они постепенно превращались в черепа, над воротами и на специально поставленных для этого столбах их святилищ. Раскопки во Франции показали это, всюду можно было видеть черепа. (Альфред Вайтнауэр в своей интересной книге «Кельтское наследие в Швабии и Баварии», 1965, подтвердил, что часто встречающиеся над порталами и на колоннах и столбах наших романских церквей выдолбленные в камне головы частично являются приемниками кельтских черепов и поздними свидетелями кельтского культа голов).

Теперь каждый, кто занимается развитием и историей кельтов, должен спросить себя: Что же так быстро произошло с этими спокойно возделывающими пашни, мирно торгующими и любящими красоту людьми Гальштатской культуры, что

они – чуть ли не за одну ночь – вдруг превратились в таких диких переселенцев, завоевателей и бойцов? Ученые подумали было о революции, но ведь исчезли не только мелкие короли; изменилось все, культура, обычаи, весь народный характер. Выделяющееся сходство искусства Латенской культуры с восточным звериным стилем и охота за черепами указывают в определенном направлении.

В седьмом веке до Р. Х. пришли в активное движение народы всадников Востока. Переселяющиеся из Азии скифы вытеснили живущих к северу от Черного моря киммерийцев, которые отправились в Малую Азию, преследуемые скифами, которые, в свою очередь, на протяжении двадцати восьми лет владели почти всем «Древним Востоком» но затем вернулись в земли на Черном море. Бесперывно продолжались войны и дальние походы скифских племен и соседних с ними народов, снова и снова народы устремлялись также на Запад. В Богемии, Силезии, Нидерлаузице (Нижней Лужице) и в провинции Бранденбург (об этом подробнее ниже) были найдены следы их присутствия.

Между тем в ходе исследований возник вопрос, не могло ли это движение скифов – другие говорят о киммерийцах – вызвать этот странный перелом в кельтской истории. Некоторые осторожно говорят о «влиянии», но мне представляется невозможным, что одно лишь влияние смогло бы произвести такие изменения в культуре и существе народа. Речь здесь должна идти уже о компактном вторжении и оседании хотя бы тонкого слоя завоевателей.

Благодаря греческому мастеру описания путешествий Геродоту мы знаем, что скифы были охотниками за черепами. Он рассказывает, что они отрубали врагам головы и забирали их домой, что они использовали черепа врагов как чаши. И только тот, кто приносил скифскому царю достаточное число голов, получал часть добычи, а если нет – то не получал ничего, писал Геродот. Соседи скифов, тавры, помещали головы на длинные жерди и ставили их перед домом, чтобы они как «стражи» возвышались над крышей.

Скифы якобы передали кельтам также верховую езду с удилами и уздечкой и длинные штаны для верховой езды, маленькие усы на верхней губе и, вероятно, даже «торк» – крученое ожерелье, кольцо для шеи, которое можно увидеть как в скифских, так и в кельтских захоронениях.

Более важным представляется то, что скифы, очевидно, пробудили в народах Запада страсть к путешествиям и воинственную «ярость». Они могли тут и там разрушить замки мелких королей, и их предводители могли возглавить племена и повести их к далеким целям.

Золотой браслет, внизу змееобразная фибула, тоже из золота

Бронзовый котел с тремя львами и тремя дужками

Изображение поездки на колеснице на спинке смертного овра длиной 2,75 м (внутренняя сторона слева из бронзы, опирающаяся на восемь бронзовых фигур). (Все иллюстрации из: Йорг Биль, «Кельтский князь Хохдорфа», Штутгарт, 1985)

Когда и как все это происходило, все еще скрыто туманом неизвестности. Только обстоятельная работа одного ученого или группы ученых, основанная на исходном пункте «вторжения степной конницы», с анализом всех достигаемых археологических находок и данных могла бы пролить свет на полумрак кельтской праистории. Появление Латенской культуры, в общем, определено примерно 500 годом до Р. Х.. Но о «скифских влияниях» говорят и применительно к еще более раннему времени. Из времени вокруг 500 года до Р.Х. отмечены большие разрушения в пространстве верхнего Дуная, в долине Рейна, затем в восточной Франции, в долине Роны и до Верхней Италии. В Бургундии, Франш-Конте и в области реки Марны в могилах аристократов неожиданно находят никогда ранее не наблюдаемый на Западе, чисто восточный обычай хоронить вместе с умершим господином его убитых слуг и жен. Здесь речь явно идет о новоприбывших поселенцах, которые только медленно приспосабливаются к обычаям мира Гальштатской культуры. В Хунсрюке, напротив, еще в более позднее время сооружаются княжеские могилы в старом стиле.

Захоронение «кельтского князя», могилу которого нашли и раскопали в 1976 году близ Хохдорфа в Вюртемберге (поблизости от Асперга, который «кельтский князь», без сомнения, населял), было датировано руководителем раскопок доктором Йоргом Билем 550 годом до Р. Х. Чудесные предметы, которые положили «князю» (который, конечно, сам себя называл королем) в эту могилу, демонстрируют самый чистый Гальштатский стиль. Итак, этот стиль здесь господство-

вал еще неограниченно, и никаких признаков Латенской культуры обнаружено не было. В созданном несколькими десятилетиями позже, близлежащем могильном холме «Кляйнашпергле», напротив, рядом с предметами Гальштатской культуры было найдено также небольшое украшение Латенского стиля, которое здесь, однако, выступает скорее как «импорт». В целом в земле вокруг Асперга все еще указывает на мирное время с торговыми связями и цветущей культурой. Были замечено, что «кельтский князь», который носил шляпу из бересты вместо шлема, и оружие которого с золотым покрытием было, очевидно, роскошным церемониальным оружием и знаком достоинства правителя, производит максимально «миролюбивое» впечатление. Богатое время без борьбы и изменений? И где-то около 500 года до Р.Х.? Выглядит так, как будто бы скифская буря к югу от Швабии прошла мимо, и только позже «влияние» медленно распространилось также сюда. Но, как уже было сказано, здесь еще нельзя сказать ничего определенного.

Но во всяком случае, перелом, когда и как бы это ни было, произошел. Кельты стали блуждающими, охотящимися за добычей переселенцами, всадниками, они создали искусство почти страшной выразительности и серьезной, глубокой демонической силы. Борьба, смерть и культ черепа стоят на переднем плане – подумайте только о «чудовище из Нова», опирающемся на две отсеченные головы. Римляне сообщают о жестоких обычаях человеческих жертвоприношений. Все это кажется настолько «восточным», что мы едва ли можем сомневаться в этом: Здесь в середине первого тысячелетия до Р. Х. произошло значительное вторжение некоего степного народа с Востока, что перекрыло и изменило более раннюю культуру и тем самым также население.

5. Степные всадники также на Севере?

Бронзовый век во многих частях Европы и в первую очередь именно в Центральной Европе и Северной Европе мог быть периодом мирного развития, в котором торговля, связь с дальними странами и судоходство приносили благосостояние. Это было время климатического оптимума, теплое время большого плодородия – без сомнения, «Золотой век» преданий. Но затем наступил период великой засухи и, наконец, стихийное бедствие, которое привело к резкому изменению климата, положило всему этому конец.

Север был впоследствии почти опустошен. Большие переселения до и после катастрофы оставили там только незначительное число жителей. Исследования подтвердили, что в 1200 до Р.Х. также в Центральной Европе и Северной Европе бушевали большие лесные пожары и пожары на болотах. В прибрежных странах море, даже там, где оно снова отошло, из-за наводнений сделало земли

на долгое время непригодными для обработки земли. Так что среди оставшихся царили бедность и нужда, на королевском острове Базилея, который море залило полностью, больше не жили никакие короли, и позже, когда его части снова поднялись на поверхность, во время так называемой «регрессии Северного моря в Железном веке», прошло, вероятно, еще довольно долгое время, пока снова смогло возникнуть святилище бога света Посиде (Посидеса, Посидеоса). О том, что оно снова возникло, мы знаем из рассказов греков о земле гипербореев. (То, что страной Гипербореей может быть только сегодняшний Шлезвиг-Гольштейн, однозначно следует из рассказов греческих писателей, так как только здесь был священный остров в бурном Океане, на берега которого волны выносили янтарь, река, которая вела янтарь, затем места отдыха поющих лебедей во время их полета на Север. Здесь стояла колонна Атланта, которая поддерживала «далекое небо», только здесь греки могли увидеть «священную границу мира», не говоря уже о том, что Плиний даже указывает точный градус широты).

Геродот и другие сообщают о связях, которые поддерживались между гиперборейским святилищем, которое было родиной Аполлона, и святилищами Аполлона в Дельфах и Делосе, о посланниках, которые прибывали с Севера, о гиперборейских девах, которые оставались на Делосе (их могилу можно увидеть там еще сегодня). Но потом эти связи были прерваны, самое позднее с 600 года до Р. Х. они больше не существуют, страна гипербореев с их островным святилищем превращается в предание. Далекие дороги по всей Европе стали небезопасными. Если дев храма с Севера сначала сопровождали лишь юноши, которые обеспечивали их защиту, то теперь больше никто, ни жрица, ни известный мудрец из Шлезвиг-Гольштейна не путешествовал вверх по Эльбе, Дунаю и затем по Вардару вниз на Адриатику, а оттуда на корабле от острова к острову до Делоса. Некоторое время жертвоприношения, которые раньше приносили посланники гипербореев, еще передавалось от народа к народу, закутанные в снопы колосьев. Потом и это тоже уже перестало быть возможным. Не была ли связана такая небезопасность маршрутов в Европе, которая могла бы также быть причиной такого плохого знания греками географии, также с теми беспорядками, которые начались на Востоке, и с рвущимися на Запад народами всадников?

Об истории Севера в то время мы не знаем почти ничего. Археология здесь ничем помочь не может: отсутствие находок, могилы почти без ничего, маленькие и скудные находки из железа, это все, о чем она могла бы сообщить. Предметы, которые давали мертвецу с собой в могилу для потустороннего мира, почти полностью сжигались вместе с ним, так что оставалось мало того, из чего можно было бы сделать какие-то заключения. Также образцы дерева, которые могли бы послужить определению хронологии с помощью колец на дереве, кажется, едва ли сохранились. Единственная находка выделяется из картины общей не-

значительности, клад с сокровищами в Феттерсфельде в провинции Бранденбург (на территории, которая теперь принадлежит Польше – прим. перев.), который был выкопан еще в 1882 году и до сегодняшнего дня заставляет ученых ломать голову, так как в этом случае речь, несомненно, идет об оснащении скифского вождя. Великолепные изделия из золота в зверином стиле – но как они попали так далеко на Запад? Находку датировали шестым веком до Р. Х., и так как примерно в то же время персидский царь Дарий I напал на скифов – без успеха, впрочем, так как эти подвижные кочевники очень просто уклонялись от него и не позволяли себя настичь, то археолог Фуртвэнглер предположил, что эта находка представляла собой свидетельство этого отходного маневра. Однако эта гипотеза была отвергнута как невероятная, так как расстояние от места находки клада до родины скифов в Северном Причерноморье было бы для этого слишком велико.

Затем возникли предположения об одном из разбойничьих набегов степных всадников, тем более, что также в Силезии, Богемии, Трансильвании и Центральной Болгарии можно было найти доказанные следы скифских нападений в шестом и пятом веках. Предполагали даже вторжение с продолжительными последствиями. Карл Йеттмар в своей книге «Ранние степные народы» (1980) пишет: «Так как по-прежнему считается, что скифы овладели Южной Россией, и в качестве кочевых завоевателей правили мирными крестьянами, возникает также вопрос, не повторились ли эти события и в Центральной Европе за пределами круга света письменных источников. Не дошло ли также и здесь до поселения и основания государства?»

Археолог Феттих, на которого ссылается Йеттмар, выступил против мнения, что, мол, появление скифов в Центральной Европе было здесь только эпизодом. Он полагал, что «скорее нужно считаться с массивной колонизацией», с господствующим слоем, который позже растворился в населении. Другие исследователи заявляют, что так называемая Лужицкая культура неоднократно и сильно страдала от ударов скифов.

Здесь у нас теперь, во всяком случае, есть археологическое свидетельство, лучше которого мы не смогли бы себе и пожелать. Так как в провинции Бранденбург (и так же в Силезии и в Лаузице) в те времена жили свевы, т.е. германцы. Скифская колонизация на германской земле?

Не могло ли и здесь действительно произойти то же самое, что и в кельтской области Гальштатской культуры? Возможно ли, что также и над германцами Восточной и Северной Германии прокатилась волна народов из Причерноморья и вызвала изменения обычаев, условий жизни и взглядов на жизнь, и, прежде всего, религиозных обычаев и представлений?

Мы, как уже говорилось, благодаря письменным свидетельствам, которые открыл Шпанут, сегодня знаем очень много о жизни, обычаях, привычках и религии жителей Северной Европы в Бронзовый век. О германцах более позднего времени – со второго столетия до Р. Х. – римляне написали много интересного и поучительного. Но между этими периодами зияет пробел.

Все же, ясно одно: рассказы римлян изображают картину, которая в нескольких моментах отличается от более ранней, до пробела. Здесь что-то заметно изменилось со времени «благочестивых и мудрых гипербореев».

Германцы римского времени изображаются, пожалуй, как благочестивые, но не как мудрые люди, также не как столь оседлые и состоятельные, как северные люди Бронзового века. О них не говорят, что они, прежде всего остального, любят богатые «украшения, горячие ванны и спокойствие». Появилось что-то беспокойное в их характере, что-то исключительно склонное к путешествиям и войне. Они любят войну и перемену мест гораздо больше, чем раньше – совсем как кельты, о которых римляне говорят точно то же самое. Рядом с «яростью» галлов стоит «Furor teutonicus».

Люди севера были мореплавателями уже с периода мезолита. И как всех морских жителей, их тоже тянуло вдаль. Культура мегалитов была принесена через моря до дальних берегов. Северные люди эпохи мегалитов были – это можно доказать – великими колонизаторами, которые обосновались в Испании, в Египте и в Северной Африке и даже добрались до обеих Америк.

Также в Бронзовый век мореплавание процветало, и без сомнения снова и снова молодые команды, после 1400 до Р. Х. даже целые части племен, уплывали в поисках новых земель. Но дома на Севере все же царили мир и спокойствие, и только большая нужда из-за голода и вторжения моря заставила оседлое население переселяться в другие земли.

Также кимвры и тевтоны, которые как первые германцы попали в поле зрения и поле борьбы римлян, объясняли, что они были изгнаны со своей родины морскими наводнениями, но также и длительными войнами – вероятно, конфликтами между племенами. Также при более поздних уходах германцев климат, вероятно, более часто играл роль. Но теперь все это значительно усилилось в сравнении с прежними временами, возникло то, что Мартин Нинк называет «склонностью германцев к странствиям», «продолжительно влиявшей на их внутреннюю и внешнюю судьбу, определявшей направление жизни и образ жизни, язык, мышление и изделия».(13) Снова и снова племена уходят в походы. Восточные германцы и западные германцы, территория которых в Бронзовый век была еще ограничена реками Везер, Аллер и Одер, уже в период после 500 до

Р. Х. продвигаются оттуда далеко на Восток, Юг и Запад и вскоре после этого являются уже хозяевами всей центрально-европейской территории. За продвигающимися от Вислы к устью Дуная бастарнами и скирами следует гигантское выступление кимбров.

С 73 года до Р.Х. Ариовист ведет своих свевов в Галлию, в 59 году до Р.Х. за ними следуют узипеты и тенктеры. На Востоке возникает движение готов, которые во втором столетии после Р.Х. двигаются в Южную Россию, где они основывают империю во главе с Германарихом (Эрманарихом), и это государство падет только от натиска гуннов. На самом деле в это время ни одно из племен больше не остается на своем старом месте, как это описывал Тацит. О германцах, живших к востоку от Эльбы, Страбон писал: «Общим для всех них является внутренняя готовность к смене места жительства».

Однако все это произошло еще до – так называемого в истории – «Великого переселения народов». Походы остготов, вестготов и свевов в Испанию, вандалов в Северную Африку, гепидов на Восток, лангобардов в Италию: все это хорошо известно. Викинги на протяжении двух веков беспокоят все морские побережья до Средиземного моря, до Причерноморья (Понт) и Приазовья (Меотида). Позже варяги основывают в России могущественную державу, как воины и купцы они доходят до Византии. Всегда и всюду здесь движение, исходы, дальние странствия и борьба.

Нинк пишет (14): «Читателю исландских саг или песен «Эдды» и песен скальдов уже скоро должно броситься в глаза, как часто в них употребляется глагол *faга* = «ехать, идти», вместе с однокоренными ему словами. Боги и герои постоянно в походе. «Мне в течение всех моих дней суждено странствовать, странствовать и сражаться, вплоть до моего ухода», говорит старый Хильдебранд в «Песне о Хильдебранде». Частоте, с которой думают о тяге к дальним странствиям и блужданиям, соответствует любимый на Севере взгляд на пространство как на дорогу и на указывающий вдаль путь».

Нинк приводит здесь загадку, которую Один в «Эдде» задает королю Хейдреку:

«От дома шел я,
От дома шел мой путь,
Я видел пути по пути,
Путь был внизу,
Путь был вверху,
Путь всюду».

Нинк связывает эту склонность к странствованию и блужданию непосредственно с Воданом-Одином, вечно путешествующим и блуждающим. Он говорит о «странном беспокойстве к блужданиям» этого бога. Он, по-видимому, также бог бури. Но «значение бури, кажется, представляет собой только одну сторону его общей блуждающей природы. Ее следует понимать не только природно-мифически, а как основную душевную черту, как признак его внутреннего сущностного свойства». (15) Он – бог отъезда, исхода, удаления, ускользания, демон экстаза. Отъезд не только тела, но и души, вот что вызывает Один у «своих».

«Больше того, это перенесенное также на богов стремление к странствиям долго удерживало германцев от того, чтобы приписывать своим богам постоянные места расположения и образы», говорит Нинк. (16) Доказано, что Север в Бронзовый век знал великолепные храмы и изображающие богов статуи. Но Тацит (с. 9), напротив, говорит о германцах, что они считали несовместимым с величием Небесных заключать богов в стены храма или представлять их в виде людей. Священная роща, которая, естественно, всегда была рядом с храмом, теперь могла бы почти полностью вытеснить храм, только в эпоху викингов в сообщениях снова появляются «дома богов» с деревянными идолами; во время дальних странствий они познакомились с Югом с его храмами и церквями и вернулись теперь к обычаю строить для богов великолепные дома. Только очень поздно, после 1000 года н.э., упоминается статуя Одина в Уппсале. В принципе, также почти невообразимо представить себе несущегося с дикой скоростью, скачущего верхом, путешествующего бога бурного движения как статичный образ между стенами храма.

Здесь нужно заметить, что конные народы (народы всадников) Причерноморья, как и восточные индогерманцы вообще, не знали храмов. Хауэр пишет (17): «Так, например, также в старейших индоарийских песнях, «Ригведе» и «Атхарваведе» нельзя найти никаких храмов и культовых изображений богов... Похоже выглядит картина и у древних иранцев. То, что эта антипатия к идолам и храмам не основывается на недостаточном художественном мастерстве, доказывает, например, высокоразвитое искусство скифов, в котором не обнаружен ни один действительно ясно узнаваемый идол кроме как в самых поздних фазах, где соприкосновение скифов с эллинизмом было уже очень сильным».

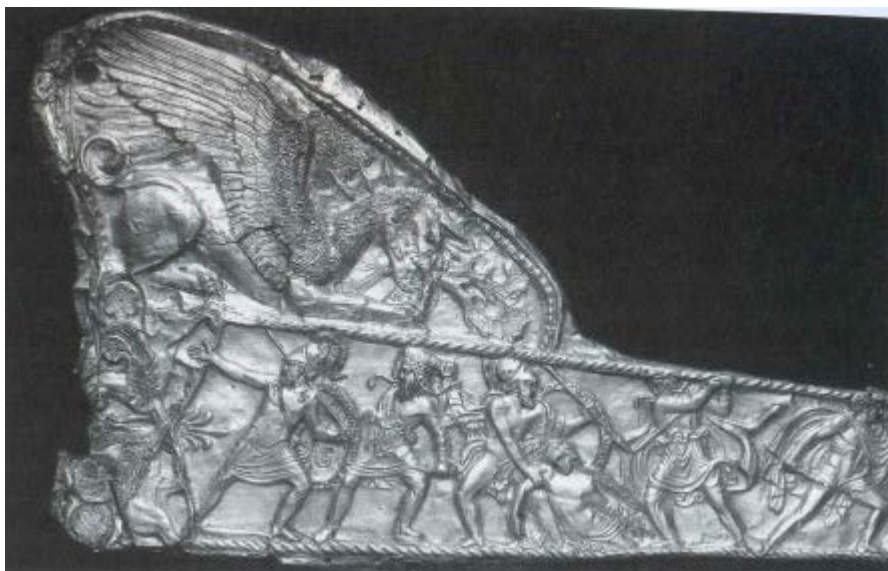
Когда превращение больших территорий в степь привело к вынужденному переходу к кочевому образу жизни, произошел отказ от «тесноты храмов», и в походы брали с собой переносные святилища, как, очевидно, также происходило позже с кимврами и тевтонами.

Усилившаяся страсть к путешествиям дополняется, как и у кельтов, теперь также у германцев усилившейся готовностью к борьбе, истинной страстью к боям. Также она тесно связана с почитанием «ярости» бога. Адам Бременский (1075) говорит «Wodan id est furor» («Водан то есть ярость»).

Вуоте-Водан-Один – это в первую очередь бог экстаза. Южно-немецкому слову Wout («ярость») соответствует скандинавское «odr», в значении прилагательного используемое для яростного, неистового, дикого, гневного, сильного, быстрого, в аффекте как от штормового ветра, так и от человека, а в качестве существительного означающего: одержимость, поэтический дар, поэзию, душу, дух. К этому относится англосаксонское слово wōd = пение, старо-ирландское faith = поэт, по латыни vates = ясновидящий, провидец, вдохновленный богом певец. Один-Водан – это господин внешней и внутренней человеческой бури, экстатического восторга, ярости как поэтического, творческого движения в человеке.

И таким образом он – также возбудитель экстаза боя в «буре битвы». В сагах исландцев как и в песнях о героях есть много свидетельств этого. «Берсерки», о которых упоминал также Снорри в своем рассказе – это тоже творение Одина. Речь здесь идет об экстатическом, подобном трансу «бытии-вне-себя», которое до предела увеличивало боевую мощь. Свирепые воины берсерки сражались голыми, как это сообщалось и о кельтских воинах, чтобы доказать свое презрение к любой защите, как в виде доспехов, так и в виде одежды, отсюда и их имя, которое значит «без рубашки».

Согласно Нинку, состояние впадения берсерков в ярость было состоянием экстаза, которое охватывало изначально очень сильных и особо предрасположенных к этому мужчин без их собственного содействия. Однако позже, вероятно, было уже так, что двенадцать берсерков, которые образовывали что-то вроде личной охраны королей и окружали их в бою, умели сами вводить себя в это состояние. Они сражались как неистовые и были якобы неуязвимы – на самом деле, видимо, было так, что они в состоянии усилившегося неистовства просто не чувствовали боли. Никто не мог справиться с ними.

Рельефное изображение на ножнах меча. На фризе изображен бой греков с местными варварами.

Благородные скифские воины в полном боевом облачении

Очень похожее сообщают также о скифах и соседних с ними народах. Очевидно их боевая дикость, даже их ярость в бою были огромны. Сегодняшние исследователи предполагают, что эта дикость достигала степени экстаза с помощью наркотиков. Ренате Ролле пишет в своей поучительной книге «Мир скифов» (18): «Курение гашиша – к тому же еще с чистым конопляным семенем! – с его разнообразными воздействиями, вроде временного эффекта задержки и притупления боли, тоже могло быть употребительным средством при подготовке к битве».... «У одного восточного соседнего племени, «Sata Naumavarga» (пьющих хаому саков) вероятно применение отвара мухоморов, опьяняющее воздействие которого во многом могло походить на ярость берсерков». Германцы, конечно, не любили, так как скифы, дурман от конопляного семени, но остается вопросом, не использовались ли также у них увеличивающие силу, содействующие экстазу средства, чтобы добиться состояния «ярости берсерка».

«Ревели берсерки,
кончалась битва,
ульвхедины («волчьи шкуры») выли,
потрясая железом». (19)

пел скальд Торбьёрн Хорнклофи в своей «Песне о Харальде», описывая победу Харальда Красивоволосого в битве при Боксфьорде в 872 году н.э. «Волчьи шкуры» – это оборотни, «вервольфы». Превращение в оборотня и его действия, которые тоже относятся к этому кругу экстатических «движений» под воздействием Одина, и подтверждены еще в Ливонии (Лифляндии) в семнадцатом веке нашей эры, как и «дикая охота» («Wutanes her und alle sine man» «Вотан здесь и все его люди», говорит Мюнхенское ночное благословение) полностью находятся под знаком «господина ярости».

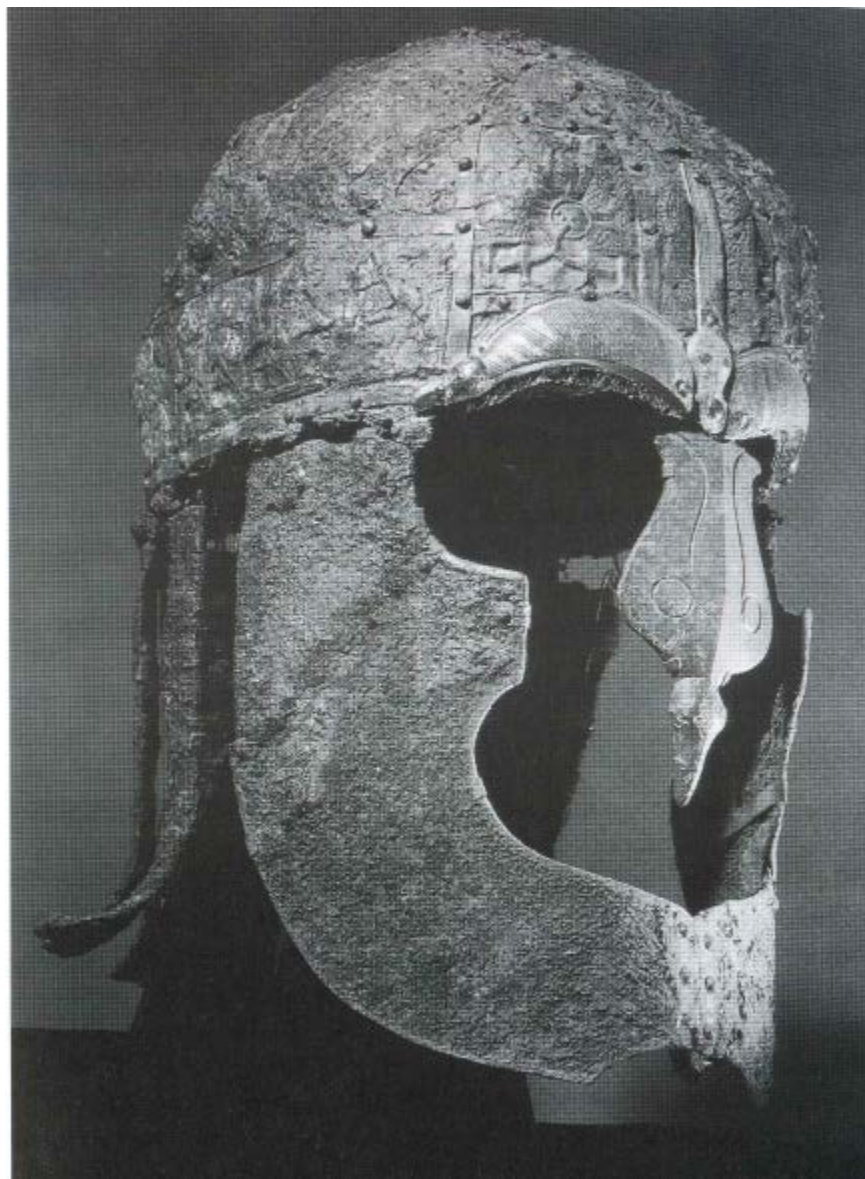
Литейная форма из шестого века для пластин шлема (остров Эланд). Изображенная фигура носит шлем, рога которого заканчиваются птичьими головами; у ее провоятого маска волка или маска медведя, возможно, намек на берсерков, сопровождающих Одина. (из: М. Магнуссон, «Викинги»)

Оборотней называли также псами Одена (или Бога). Здесь и там сражающиеся или «бегущие» в одежде зверей воспринимали сами себя – это следует также из более поздних сообщений – как превращенных, как зверей или хотя бы как похожих на зверей существ, обладающих силой и дикостью волков, медведей, кабанов или других диких животных, когда они сражались или в определенные праздничные времена под руководством «Вуоте» бежали по полям, которым они таким способом должны были даровать плодородие.

Здесь снова можно привести параллель с Востоком: Геродот рассказывает, что невры (Neuroi), соседствующее со скифами племя, которое якобы переняло скифские обычаи и жило когда-то в скифской земле, но покинуло ее из-за нашествия змей, были «волшебниками» (колдунами). «Скифы и живущие среди них эллины, по крайней мере, утверждают, что каждый невр ежегодно на несколько дней обращается в волка, а затем снова принимает человеческий облик. Меня эти рассказы, конечно, не могут убедить; тем не менее, так говорят и даже клятвенно утверждают это». Так что и здесь мы находим превращение в зверя как твердо установившийся обычай, как и тот, который, вероятно, еще соблюдался в шестнадцатом и семнадцатом веках н.э. в Пруссии, Ливонии и Литве – к Рождеству, т.е. ко дню зимнего солнцестояния. (20)

Звериная маска использовалась в битве не только для повышения собственных сил, но и для запугивания врагов. Один в «Эдде» называется Игг (Иггр), «пугающий», «ужасающий». (Здесь нужно внести одно исправление: В книгах, которые написаны антропософами или авторами, находящимися под влиянием антропософии, снова и снова можно прочесть утверждение, будто Одина как Игга следует рассматривать как носителя понятия «я» («Ichträger»), который якобы принес германцам «самосознание», «понимание своего «я»», т.е., вероятно, осознание своей идентичности как народа. Это утверждение происходит от Рудольфа Штайнера, и оно неверно. Оно основывается на ошибке: «Я» на древнескандинавском языке звучало как «ek», «ugg» же, напротив, возникло из индогерманского слога «äg», по-гречески «aig», что значит «ужас» или «вызывающее ужас». Как Игг Один является ужасающим – прежде всего, в битве).

Звериные маски или насадки на шлемы, изображавшие звериные головы, часто находят на изображениях более позднего времени, как например на вендельском шлеме из Уппсалы седьмого века н.э. Однако уже кимвры, согласно Плутарху (Marius c 25), носили в бою такие шлемы: «А конница, числом до пятнадцати тысяч, выехала во всем своем блеске, с шлемами в виде страшных, чудовищных звериных морд с разинутой пастью, над которыми поднимались султаны из перьев, отчего еще выше казались всадники, одетые в железные панцири и державшие сверкающие белые щиты». Также батавы наводили ужас на римлян «своими взятыми из лесов и роц изображениями зверей».

Шлем вендельской эпохи из Уппланда в Швеции

У прибывших с Севера воинов позднего Бронзового века, которых изображали египтяне, нельзя найти ничего похожего. Относительно них вообще никогда не говорится о ярости в бою и о дикой воинственности (Здесь, по сведениям фараона, наоборот как раз египетские воины и даже их лошади дрожали «от боевого задора»). Северные воины моря на изображениях в храме Мединет-Абу выглядят дисциплинированными, их способ ведения войны был благороден, известны несколько случаев, когда предводители северных народов моря предлагали врагу поединок, чтобы решить судьбу войны с помощью этого обычая, который

берег жизни людей. И если их вождь погибал, они также всякий раз уходили, строго соблюдая договоренность.

Здесь нет ничего, что можно было бы сравнить с боевым духом Одина более поздних времен. Ясно, что с религией Одина в боях Севера пробудилось – или мы лучше скажем – снова пробудилось что-то очень первоначальное, дикое, но также и безоговорочное, жесткое и по-мужски сильное.

«При рассмотрении имен Одина», пишет Нинк (21), «становится заметным: безусловная преданность отраженных здесь людей борьбе и войне, подчеркивание мужского духа и мужских ценностей, приобщение животных в этот мир переживания при почти совершенном исключении растений».

Этому соответствует сущность искусства викингов, «звериный стиль», как его называют, в соответствии со скифским звериным стилем, на который он, в свою очередь, несмотря на большие различия, удивительно похож. О прямом заимствовании едва ли можно думать с учетом разницы во времени более чем в тысячу лет. Но оба звериных стили возникли из одного и того же духа, причем, однако, твердость в бою восточных народов всадников кажется еще значительно больше чем твердость северных людей, у которых преобладает глубокомысленно-душевный компонент. У народов всадников снова и снова встречается изображение дикой и жестокой, очень реалистично увиденной борьбы между животными, которое сознательно или подсознательно отражает как желания и нужды собственной души, так и трудную жизнь первобытного народа. К тому же нужно сказать, что позиция по отношению к борьбе и войне у народов раннего времени, естественно, очень отличалась от сегодняшней. Мы, с одной стороны, защищенные цивилизацией и благосостоянием, а с другой стороны, сталкивающиеся с абсолютно механизированной войной, в которой едва ли еще осталось место для испытания мужественности, только с трудом можем понять, что означала борьба для людей, которые противостояли жестокой, безжалостной природе еще без вспомогательных средств более поздних времен и постоянно должны были защищаться как от нее, так и от враждебных групп людей, необходимость, которая требовала от мужчины всех сил и расставляла совсем другие этические акценты.

Восток, что касается внешней цивилизации, всегда – и до сегодняшнего дня – развивался медленнее, чем Запад. Те народы всадников, которые продвигались из Средней Азии в Северное Причерноморье, должны были использовать все свои силы против превращения в степь своего мира, как и против других невзгод дикой природы. Они должны были сохранить и сохранили в себе первоначальную твердость, как и первоначальные обычаи, привычки и образ мыслей. Также удивительное для нас близкое отношение с животным, прежде все-

го, с диким зверем, которое доходило вплоть до превращения в зверя, происходило из очень древних обстоятельств жизни человечества.

Типичное изображение скифского звериного стиля: Борьба крылатого льва и коня, шириной 12,3 см, создано в четвертом веке до Р. Х.

И очень похоже на то, что такой народ вместе с соответствующей религией перенес что-то из этой дикости и твердости, из почитания физической силы, как и из способности к экстазу, тяги к странствиям и презрения к обеспеченной комфортной жизни и изнеженности на людей Северной Европы. Впрочем, это отнюдь не пошло им во вред, так как они вследствие этого вернули себе что-то из жизненной силы, самоутверждения и активности, которые они, очевидно, не обрели вновь в полной мере после крушения в эпоху катастроф.

То, что воинственность и боевой экстаз, прежде всего, северных германцев, которых изображают песни о героях и саги, были, в принципе, религиозным феноменом, снова и снова ясно показывается подчеркнутой связью с религией Одина. Но римляне вряд ли поняли из этого хоть что-то. Они, в соответствии со своим обычаем давать чужим богам имена своих богов, назвали бога Водана именем Меркурия. Однако родство между обоими богами было незначительным. Меркурий был богом дорог и быстрого «окрыленного» движения, это было, пожалуй, единственное сходство. Но лучшее сравнение, очевидно, нельзя было подобрать, так как абсолютное своеобразие северного бога не находило соответствия в кругу старых западно-индогерманских богов, из которого произошли римские боги. Но в песнях о героях и сагах этот бог становится видимым в буре битвы, его можно обнаружить, если посмотреть через изгиб руки:

«Опусти взгляд!
Смотри на меня через руку!
Благослови свой глаз
С победоносным знаком,
Хочешь ли ты увидеть владыку битв,
На высоком коне,
Со светлым щитом!» (22)

Он дарует победу тому, кому он хочет, и не всегда своим избранным любимцам. Иногда он бросает свое копье над войском противника, тогда все враги будут убиты, однако, он также поднимает внезапно оружие против героя, который посвятил себя ему. Победа или смерть, «и то и другое кажется счастливым жребием», объясняет Снорри. «Они ликовали от наслаждения в битве, как если бы они ушли из жизни с избытком славы и счастья», говорит о кимврах Валерий Максим. Врагов посвящают богу, но и себя самого посвящают богу, что означает: убитый оружием мужчина попадает в сверкающее царство бога, в Валгаллу, где валькирия встречает его с медовым напитком счастья, но туда попадают также и все враги, которых убили. Ибо бог собирает воинов для последней битвы против темных, разрушительных сил, которые однажды нападут на мир. Друг и враг в чертоге Одина участвуют в повседневной игре копий и мечей, в которой бойцы закаляют свои силы для решающего боя. Презрение к смерти, которое заметно во многих песнях, возможно только там, где вера в это попадание в чертог Одина еще остается нерушимой. Там, где эта вера ослабевает – что часто отчетливо происходит в более позднее время – ее место занимает гордое согласие с судьбой, «никто не увидит утра, если норна сказала».

Отвратительные для нас сегодня обычаи жертвоприношения тоже следует рассматривать с этой стороны. Для Бронзового века Северной Европы едва ли есть свидетельства о жертвоприношении людей, доказаны только жертвоприношения животных. Добровольные самопожертвования одиночек могли происходить в тех случаях, когда этого требовало спасение общины. (23) Но человеческие жертвы в большем объеме стали приносить только после того, как Один пришел на Север. «Это священный обычай», говорит Тацит (с. 9), «преподносить ему (Меркурию, т.е. Водану) в определенные культовые дни даже человеческую жертву, Геркулеса (Донара, Тора) и Марса (Циу, Тиу, Тюра) они умилощивляют определенными для этого животными». Это в первую очередь подвешиваемые жертвы, которые преподносятся этому богу.

В более позднее время это осужденные по закону преступники, которых вешают, об этом тоже рассказывает Тацит. Но уже о кимврах сообщается, что они после победы над Марием и Цепионом не только бросили в реку всю добычу, золото и серебро, и утопили в ней коней, но и повесили всех пленников (несо-

менно, этому предшествовали торжественный обет и освящение богу). Снова и снова римские писатели, например, Клавдий Иордан и другие сообщают о жертвоприношении военнопленных в форме повешения.

Но после битвы в Тевтобургском лесу римские офицеры якобы были «зарезаны на алтарях», и после победы кимвров и тевтонов в битве при Араузионе седые жрицы перерезали горла пленникам и давали крови стечь в большой жертвенный сосуд, из которого они затем совершали предсказания. Некоторые исследователи приписывают это участвовавшим в битве в качестве вспомогательных союзников кельтским народностям, чтобы снять обвинения с германцев. Как бы то ни было, мы не можем также здесь забывать, что в те времена отношение к крови и смерти было совсем иным, чем у нас сейчас, и что такие же жестокости римлян, совершавшиеся ими без религиозной подоплеки, были столь же варварскими, что и обычаи жертвоприношения их противников. И бог Один-Водан всегда был тем, кому посвящали, т.е. присылали пленных, так же, как и погибших в битве врагов. То, что есть свидетельства о таких жертвоприношениях уже у кимвров и тевтонов, показывает, на мой взгляд, что появление бога ярости должно было произойти, по меньшей мере, до второго века до Р. Х.

Изображение человеческого жертвоприношения на знаменитом котле из Гундеструпа. Жертву посвящают богу войны.

Бронзовый Один из шведского Линби

Серебряная подвеска шестого века с валькирией, которая вручает рог для питья. (Место находки Швеция)

Потому что степные всадники тоже приносили в жертву военнопленных. Геродот сообщает о скифах, что каждого сотого пленника приносили в жертву богу войны (Марсу, как называет его Геродот), которого символизировал воткнутый вертикально в землю или в хворост меч.

О скифах Геродот говорит, что они в первую очередь приносили в жертву коней. Согласно Тациту германские племена преподносили всю добычу от битв «Марсу и Меркурию» (Тиу-Тюру и Водану-Одину). Гермундуры пожертвовали всех коней и людей побежденных ими хаттов, есть также сообщения о жертвоприношениях коней у аллеманов. Но также и на посвященных богам праздниках конь теперь стал жертвенным животным вместо быка, которого резали на больших праздниках Бронзового века. По сведениям Титмара Мерзебургского, еще и в более позднее время во время больших праздников богов в Лейре, местопребывании короля данов, каждые девять лет в январе приносили в жертву по 99 коней.

Если бык когда-то был животным, представлявшим индогерманского бога неба, то теперь конь представлял несущегося Вуоте, который появляется в неразрывной связи со своим восьминогим конем Слейпниром. Его представляют преимущественно как всадника, как скачущий на белой лошади он мчится со своими соратниками в Дикой охоте или предшествует группе замаскированных «экстатиков». С его появлением конь становится жертвенным животным.

Правда, уже в эпоху неолита время от времени люди ездили верхом на северных маленьких диких лошадях. Часто встречающееся утверждение, что, мол, только племена культуры шнуровой керамики в 2000 до Р. Х. привели «лошадь» с Востока на Запад и Север Европы, лишено любых оснований. Уже в мегалитических могилах находили похороненных вместе с хозяевами лошадей, на выцарапанных на скалах рисунках не раз можно увидеть людей на лошадях, а в легендах эпохи мегалитов появляется всадник на белом светящемся коне. В Бронзовый век при больших святилищах были своеобразные «ипподромы» для скачек и состязаний на колесницах, а два солнечных коня, которые тянут колесницу бога света, появляются всюду на предметах потребления или на фронтонах домов.

Но теперь – в поздний Железный век – лошадь полностью выходит на передний план как животное для конного боя или как жертвенное животное. В битвах германцев значительная роль достается теперь коннице, тогда как подразделения боевых колесниц уходят в прошлое. Длинные штаны для верховой езды восточных народов, которые кельты, вероятно, заимствовали от скифов, встречаются также у германцев; их можно увидеть на всех изображениях римлян, которые показывают германских посланников или пленников. Даже женщины ино-

гда носят их. Имена, которые содержат слог *mag* = *Mähre*, лошадь, появляются равноценно рядом с именами, образованными от слов «волк» или «медведь».

Таким образом, в некоторых областях можно предположить влияние какого-либо конного народа. В этой связи нужно еще задуматься о нескольких обычаях, которые с уверенностью происходят с востока, когда бы германцы ни смогли перенять их.

Германцы не стали охотниками за черепами как кельты; под их фронтонами прибиты лошадиные черепа, но не черепа людей. Однако так подробно изображенный Геродотом обычай скифов делать из черепов убитых врагов чаши и кубки для питья, встречается также и у германцев времен Великого переселения народов. Он играет решающую роль, например, в истории короля лангобардов Альбоина. Он приказал сделать кубок из черепа убитого им короля гепидов и на одном званом обеде заставил свою супругу Розимунду (Розамунду), дочь как раз того самого короля, пить из черепа ее отца. За это она убила Альбоина с помощью его дружинника. Очевидно, она восприняла эту церемонию как тяжелое оскорбление. Но как о скифах, так и о германцах сообщают, что они пили также из чаш, сделанных из черепов собственных предков, чтобы установить наиболее тесную связь с покойными предками.

На Восток сильно указывают также погребальные обычаи времен викингов. Народы всадников, как в Азии, так и в Южной России, хоронили свою знать и королей так же, как это делали люди Гальштатской культуры: предавали их земле в богато оснащенных могилах под большими холмами, «курганами». А вот германцы, напротив, еще с Бронзового века привыкли сжигать своих мертвецов. При этом вместе с покойником сжигались и вещи, которые хотели дать умершему с собой в потусторонний мир. На огромном костре сгорало все, что должно было сделать для мертвеца жизнь на блаженных полях по ту сторону этой земли красивой и жизненно важной. Обряд погребения Бальдра с его супругой Нанной, которых после смерти сожгли на горящем корабле, вероятно, время от времени находил подражателей. Более поздние могилы-корабли, в которых мертвые были захоронены на кораблях под холмами, кажется, свидетельствуют об этом. Но теперь, в это позднее время, наряду с огненными погребениями также снова появляются могилы с преданием тела земле. И теперь становится возможным их сравнение с курганами, так как огненные погребения содержат только мало того, что позволило бы сделать какие-то выводы об условиях жизни и положении умершего или о погребальных церемониях.

Королевские могилы восточных народов всегда содержали великолепное оснащение мертвеца для потустороннего мира, но германские могилы восьмого и девятого веков н.э., прежде всего, корабельные могилы в Осло-фьорде в Норве-

гии, ни в чем им не уступают. А знаменитая могила королевы Осы (иногда ее имя пишут как «Ааса» – прим. перев.) даже превосходит их. Но что особенно примечательно в скифских могилах, это отвратительный для наших чувств обычай, по которому с мертвецом нужно было похоронить также часть его прислуги, мужчин и женщин, чтобы они и дальше смогли служить ему в потустороннем мире. Также супруга, кажется, часто следовала за своим господином в смерть. Геродот подробно описывает похороны скифского верховного правителя, труп которого забальзамировали, объездили с ним сначала все народности, которые были его подданными, а затем, на сороковой день после смерти похоронили, причем с собой в могилу ему дали его вторую жену, поваров, слуг и служанок. Затем, спустя один год были задушены пятьдесят молодых людей из его свиты, которые сопровождали погребальное шествие, и пятьдесят самых благородных лошадей из владений умершего. Трупы коней забальзамировали и поставили на каркасах около могилы, на них закрепили тела пятидесяти умерщвленных юношей, и таким образом вереница сопровождающих несла теперь караульную службу у могилы умершего.

Обычаи такого рода мы не ожидаем у германцев, они принадлежат исключительно Востоку. В Бронзовый век в североевропейском культурном круге нельзя найти никаких следов чего-то подобного.

Но, вероятно, этот мрачный обычай позже, когда точно – мы не знаем, дошел и до германцев и соблюдался также ими, пусть даже и в гораздо более скромном объеме. Прежде всего, в Швеции, но также и в Норвегии были найдены доказательства этого обычая. Всегда при этом есть женщина, которая сопровождает высокого господина или госпожу в смерть. Рядом с погребенной на своей роскошной яхте на холме Осeberg королевой Осой, которая была изящной женщиной хрупкого телосложения, но правила своей державой «сильной и твердой рукой», лежал труп гораздо более старой женщины, наверное, одной из тесно связанных с королевой служанок, возможно, ее кормилицы, которая не хотела отпускать свою госпожу одну в потусторонний мир.

Ибо все письменные свидетельства, доказывающие существование этого обычая, подтверждают, что это сопровождение в смерть, по меньшей мере, у германцев, было добровольным актом любви и верности. Ахмад Ибн Фадлан, высокообразованный грек, принявший ислам, (так у автора, большинство ученых считает Ибн Фадлана арабом, а некоторые персом – прим. перев.), который служил Багдадскому калифу как секретарь дипломатического представительства, оставил в своих путевых заметках подробное описание похорон варяжского князя где-то на Волге. Путешествие Ибн Фадлана происходило в 921-922 годах. Варяги, как уже говорилось, были шведами, которые основали гигантское государство в России (названное Русью по имени их предводителя Руса). (Ав-

тор, как и практически все немецкие и западноевропейские историки, является приверженкой так называемой «норманнской теории» и безоговорочно ассоциирует варягов со скандинавами. – прим. перев.)

После смерти этого варяжского князя у его служанок спросили, кто из них хотел бы отправиться с ним в смерть. Вызвалась девушка, которой была, вероятно, возлюбленной князя. Рассказ Ибн Фадлана подробно описывает все последовавшие церемонии, до тех пор пока девушку, которая принимала свидетельства благодарности от всех печальных гостей, не задушила старая женщина, которую называли «ангелом смерти». Затем ее положили рядом с мертвецом и сожгли с ним на корабле. Также лошади и собака были убиты и преданы огню.

Другие арабские путешественники тоже сообщали о том, что вождей варягов в смерти сопровождали либо их жены, которые очень хотели «быть превращенными в пепел с их мужьями» или фаворитки. (24).

Свидетельство этого обычая дает также «Песенная Эдда» («Старшая Эдда»). В «Краткой песне о Сигурде» («Sigurdarkvidha en skamma») Брюнхильд (Брунгильда), которая совершает самоубийство, «пронзенная сталью меча», спрашивает своих служанок, кто хотел бы умереть с нею, и обещает им за это «золотые запястья, покрывала в узорах, пестрые ткани». Служанки задумываются, но потом отвечают: «Довольно убитых! Жизнь дорога нам! Не надо служанкам оказывать чести». «Я не хочу, чтобы жизни лишались, из-за меня смерть принимая! Пусть на ваших костях, но будут обильны уборы богатые, Меньи сокровища, когда доведется встретиться нам» (в потустороннем мире), отвечает Брюнхильд. Вы видите, насколько в то время, когда сочинялись песни «Старшей Эдды», была еще прочна вера в то, что сокровища, которые сжигались с умершим, принадлежали бы и были бы ему полезны в потустороннем мире. К концу другой песни «Первая песнь о Гудрун» («Скорбь Гудрун», «Gudrunarkvidha») прибавлены несколько прозаических строк, которые говорят: «Брюнхильд не хотела жить после смерти Сигурда. Она велела убить восьмерых своих рабов и пять рабынь. Затем она пронзила себя мечом насмерть, как об этом рассказывается в Краткой Песни о Сигурде». Эти слуги и служанки были сожжены вместе с Брюнхильд на костре. Это единственное имеющееся свидетельство о сопровождении умершего несколькими слугами, причем также именно «рабами», т.е. и мужчинами тоже. Но это прозаическое замечание было прибавлено к песне позже и должно было, вероятно, только правильно осветить то великолепие, с которым происходило погребение Брюнхильды. Но в основном на германском Севере княгинь, очевидно, как и князей сопровождала в смерть только одна женщина или только одна девушка.

Но все эти свидетельства происходят из более позднего времени, примерно из периода между 900 и 1100 годами н.э. Тогда у Швеции как раз были очень разнообразными и широкими связи с Востоком. Потому вполне возможно, что обычай, о котором мы говорим, только в это время проник в германские земли. Более южные, не скандинавские германские племена никогда и никак не были им затронуты.

Однако, все же сходства между определенными обычаями степных народов и обычаями северных германцев настолько многочисленны, что следует задуматься об уже более ранних соприкосновениях этих народностей. Если Север Европы действительно также испытал вторжение какого-либо степного народа на свои территории, и эти воины с Востока должны были остаться и смешаться с проживающим там населением, то это, пожалуй, должно было бы также отразиться в языке соответствующего пространства. Я не могу судить о том, можно ли найти в германском языке, в лексике или в грамматике, такие влияния. Исследовать это было бы задачей лингвиста. Но я хотела бы здесь добавить один пассаж из книги Мартина Нинка о Водане, который я уже цитировала в моей книге «Боги на утреннем небе», но он настолько показателен, что без него никак нельзя обойтись и здесь.

Нинк пишет (25): «Ярость тевтонцев, «*furor teutonicus*», заставлявшая дрожать уже римлян и многие народы после них, имела свою душевно-религиозную подоплеку. Потому что корни ее кроются в экстазе, и целью ее является соединение с богом войны Воданом – владыкой ярости. ... Если мы вынуждены принять, что так называемые способности берсерков массово встречались уже у индогерманцев (предков германцев, Б.Ф.), которые переселившиеся на Юг племена утратили больше только в историческое время, а германцы, напротив, развили их полностью только в своих северных местах пребывания, то это подтверждается и развитием звуков германского языка.

Потому что теперь просто напрашивается связать то странное изменение, которое только лишь и позволило появиться германскому языковому своеобразие, и известно под именем первого германского передвижения согласных (в середине первого дохристианского тысячелетия) с все сильнее прорывающейся волной воинственного «*odrs*», которая оставила отчетливые следы в народном характере. Ведь сущность этого передвижения состоит как раз в том, что самые важные звуки в начале слова, в конце, но также и в середине «выталкиваются» с большей взрывной силой. Из смычных согласных появляются шипящие звуки и фрикативные звуки, из звука «*t*», чтобы назвать только основные факты, получается английское «*th*», из «*p*» через «*ph*» и «*pf*» возникает «*f*», из «*k*» через «*kch*» появляются «*ch*» и «*c*». Старые «*b*», «*d*», «*g*» становятся более твердыми и превращаются в «*p*», «*t*», «*k*». Если мы еще добавим, что также начальные

гласные звуки в отличие, например, от сегодняшнего французского языка, используются с отчетливым придыханием, и плавающее индогерманское ударение на начальный слог (т.е. на корень, но он почти всегда является начальным слогом) снова исчезло, то мы увидим: по сравнению с более мягкой идиомой народа предков германский язык приобрел большую прочность, мощь (прежде всего, благодаря ударению на начальный слог и более резкому начальному приступу), в то же время, однако, большую плотность напряжения, взрывную силу и воздушный поток. После этого он как никакой другой язык был пригоден для того, чтобы одновременно дать сильное выражение внутренним всплескам волнения и подражать звукам всех видов природных шумов, свисту ветра, шипению костра, всплескам воды. Как никакой другой язык он также создал из шумов и звуков буквально неистощимое изобилие слов».

При этом удивительно, что все это Нинк писал, совсем не задумываясь при этом о каком-либо влиянии извне. Он, считавший Водана «творением германцев», не приходил к мысли, что «то странное изменение, которое только и позволило появиться германскому своеобразию», едва ли может быть объяснимо, если не принять версию о каком-то особенном, преобразовывающем событии в истории Севера. Как все же германцы должны были прийти к тому, чтобы без какой-либо причины так внезапно и так существенно изменить свой язык? Не должно ли было там произойти что-то важное?

Ведь и сам Нинк прямо связывает это изменение с господином ярости Воданом. Но как могло дойти до такого изменения, господствовал ли Водан на Севере уже во времена «народа предков» с «более мягкой идиомой»? Не совпадает ли исключительно хорошо как раз это изменение к жесткому, выразительному германскому языку, как и усиление «ярости», воинственной твердости, и стремления к странствиям с появлением экстатической и при этом глубокомысленной религии Одина?

6. Восточно-индогерманское в «Эдде»

Также следует установить поразительное родство между индоарийскими, т.е. восточно-индогерманскими мифами, и мифами, записанными в исландских «Эддах». Этим вопросом занимался в первую очередь Я. В. Хауэр. Хауэр был индологом и исследователем религий, он в течение долгих лет жил в Индии, общался с брахманами, знал древнеиндийские гимны о богах, «Веды», частично даже наизусть. Позднее он преподавал в Тюбингенском университете наряду со сравнительным религиоведением также санскрит, и одновременно был лучшим знатоком древнескандинавских сказаний и языка и достиг замечательных успе-

хов в интерпретации «Эдд». Он был самым подходящим человеком для того, чтобы сравнить индоарийские и германские предания.

Санскритское слово «Веда» значит «знание, познание». (26) Это знание, содержащееся в песнях и мифах о богах индоариев, которое сформулировалось здесь уже в конце второго тысячелетия до Р. Х. и – как гораздо позже песни скальдов европейского Севера – передавалось дословно от поколения к поколению и позднее также было записано.

Индоарии были восточными индогерманцами, они происходили из большого круга так называемых (немецкими лингвистами) народов «сатем». Восточно-индогерманское слово «сатем» и западно-индогерманское «кентум» означают соответственно «скот». (Так у автора. На самом деле оба слова означают «сто». – прим. перев.) Оба слова были выбраны для того, чтобы характеризовать различное развитие обоих языков. Различие между восточными и западными индогерманцами, которое касается не только языка, но и мира богов, обычаев и менталитета, настолько серьезно, что оно должно бросаться в глаза даже дилетанту, который хотя бы немного интересуется индогерманскими народами раннего времени. Знание о том, что восточно-индогерманский круг народов образовал когда-то сплоченное единство, и развивался отдельно от западных индогерманцев, «старых европейцев», может помочь правильно распознавать переселения народов дописьменной эпохи. Ошибочные теории вроде «курганной гипотезы» не были бы возможны, если бы обратили внимание на различия «сатем» и «кентум».

Возможно, что все говорящие на восточно-индогерманских языках народы когда-то назывались «ариями» (т.е. «аристократическими», «знатными», «высокими»), так как слова «Иран», «иранцы» происходят из того же словарного корня. Эти народы в эпоху неолита продвинулись очень далеко на Восток, в Азию, где они нашли тогда еще плодотворные пахотные земли. Все они были земледельцами и только постепенно, из-за превращения их земель в степи, вынуждены были частично перейти к кочевому образу жизни.

В первую очередь великие засухи в третьем тысячелетии до Р. Х. привели в движение многие племена и народы. Тогда некоторые из них продолжили свой путь в Иран и дальше, а проживающие в окрестностях Киева племена добрались даже до Китая и заселили там многие территории. Индии же индоарии достигли только на протяжении второго тысячелетия до Р. Х.

«Веды» индоариев принадлежат к старейшему сохранившемуся письменному материалу на каком-либо индогерманском языке вообще. Естественно, что временная дистанция от «Вед» до германских преданий, которые были записаны

только в двенадцатом и тринадцатом веках н.э., столь же велика, как и географическое расстояние между Индией и Исландией. Тем более странным представляется часто поразительное сходство, даже соответствие некоторых гимнов «Ригведы», старейшей части «Вед», записанным в «Эддах» германским сказаниям.

Хауэр поместил в центр своих сравнительных исследований, прежде всего, миф об Имире из «Эдды». Этот миф представлен в «Песенной (Старшей) Эдде» кратко, а в прозаической «Младшей Эдде» Снорри Стурлусона он передается более подробно. Правеликан Имир возник в начале всех времен из полярности сырости или льда и огня, древнейшая корова Аудумла (Аудумбла) выкормила его своим молоком. Имир как гермафродит породил из себя род великанов, после этого он был убит («пал мертвым», как выразился Снорри) тремя молодыми богами, предков которых корова «вылизала из камня». После этого эти боги заполнили кровью и плотью Имира «Ginnungagap», пропасть Мировой бездны, и создали из него мир. Этот странный, весьма древний миф, полный уже непонятных для нас символов, находит в индоарийской «Ригведе» определенную параллель, пусть даже и возвышенную до философии. Хауэр приводит в этой связи гимн «Ригведы» о сотворении мира (Ригведа, X, 129) и говорит об этом: (27) «Насколько аналогичны должны быть эти старые предания (германское и индоарийское, Б.Ф.), можно показать на примере гимна о сотворении мира из «Ригведы». Этот гимн содержит те же основные черты, что и северное предание, только эти основные черты обработаны выдающимся поэтом-философом, тогда как в северном предании у нас еще сохранилась мифическая форма».

В начале «Волюспы», («Прорицания вельвы (провидицы)»), самой значительной из песен «Эдды», стоят строки (которые впрочем, в Исландии еще в начале девятнадцатого века пели под совсем простую и поэтому прямо-таки магически воздействующую мелодию):

«В начале времен,
когда жил Имир,
не было в мире
ни песка, ни моря,
земли еще не было
и небосвода,
бездна зияла,
трава не росла».

В переводе Феликса Генцмера говорится: «Бездна бездонна, но травы нет нигде».

С этим можно сравнить начало гимна о сотворении мира в «Ригведе» (у автора в немецком переводе Хауэра, здесь в переводе Т. Елизаренковой – прим. перев.):

«Не было тогда не-сущего, и не было сущего.
Не было ни пространства воздуха, ни неба над ним.
Что двигалось чередой своей? Где? Под чьей защитой?
Что за вода тогда была — глубокая бездна?»

Итак, здесь стоит тесно-родственное слово, обозначающее одно и то же явление – «глубокая бездна». Далее Хауэр пишет (28): «Странное представление, что мир строится из божественного прасущества, снова встречается нам еще в одной арийской области, а именно в первую очередь среди индоариев, а потом в Иране. Индоарийское предание особенно ясно, так как оно включено в великолепную песню, так называемый Гимн Пуруше, «Ригведа» X, 90 или же «Атхарваведа», 6 (я следую за текстом «Атхарваведы», так как он, по моему мнению, сохранил более старую форму). Имя воспетого в этом гимне прасущества, из которого строится мир, «Пуруша», дословно «мужчина» или «человек». Это полностью напоминает о «manns likandk» «Эдды». В этом гимне, например, в строфе 8 говорится:

«Из тумана появилось воздушное пространство,
Из черепа развевывалось небо.
Из ног стала земля,
Из ушей стали страны света,
Так они создавали миры».

Этому соответствует миф об Имире в «Эдде». Так в «Vaftrudnismäl» («Речи Вафтруднира») в строфе 21 говорится (29):

«Имира плоть
стала землей,
стали кости горами,
небом стал череп
холодного турса (великана),
а кровь его морем».

или похоже в «Grimnismal» («Речи Гримнира») 40/41:

«Имира плоть
стала землей,
кровь его – морем,
кости – горами,

череп стал небом,
а волосы – лесом».

Также в индоарийском «Гимне Пуруше» молодые боги убивают возникшее в начале прасущество, чтобы заполнить им бездну абсолютной пустоты («ничто») и создать из него мир. Все же, здесь ясно, что речь идет о жертвоприношении. Прасущество должно быть принесено в жертву, чтобы возник мир. Так в строфе 40 говорится:

«Боги, совершая жертвоприношение,
приносили Пурушу в жертву,
Весна была его жертвенным маслом,
лето – дровами, а осень – самой жертвой.
Весенним дождем опрыскали они жертву,
Рожденного в самом начале Пурушу.
Его приносили в жертву боги,
Сильные, властные».

Здесь отчетливо говорится о жертвоприношении Пуруши, в то время как в «Эдде» Имир был «убит». Но скандинавское слово «drega» также может означать сакральное «умерщвление», т.е. убийство того, кто был определен в жертву. Таким образом, индийская формулировка мифа дополняет и разъясняет германскую.

По мнению Хауэра с точки зрения истории языка Имир соответствует индоарийскому Яме (Йаме) и иранскому Йиме. Они тоже боги начала. Само слово означает близнеца или гермафродита. У Имира под рукой вырастают мужчина и женщина, тем самым он обозначается как существо и с мужской, и с женской природой, как гермафродит.

И древнейшую корову, которую в «Эдде» зовут Аудулой, символ и звериный образ кормящей матери-земли, тоже можно найти в сказаниях древних индийцев. Хауэр пишет (30) «Наиболее выразительно эта божественно-материнская сила снова оформлена в мифической форме коровы у индоариев. Она как космическая сила получает там имя Вираддж. Это имя... означает «далеко господствующая» или также «далеко сверкающая». В «Атхарваведе» мы можем найти несколько великолепных и фантастических, но также и очень глубоких гимнов об этой древнейшей корове Вираддж... Там объясняется, что сначала вселенная была Вираддж. Она поднимается из исходного дна, входит в созидающий жертвенный костер (согласно индоарийской точке зрения жертвой является созидающая исконная сила вообще); затем она шагает далеко по всемирному эфиру... Эта Вираддж – сила энергии, которая пронизывает все, которая является жизнью

и умиранием, смертью и бессмертием и создает их. Из нее появляются боги, из нее все существа доят силу... Таким образом, Вираджд становится материнской, созидательной и питающей исконной силой, которую сначала видели и изображали в мифической форме, а затем стали понимать в жреческо-философских рассуждениях как источник жизненной силы вообще».

Из всего этого получается: То, что в так поздно записанном предании «Эдды» еще является – в буквальном смысле слова – примитивным, мифическим взглядом, было глубоко переосмыслено, идейно расширено и усовершенствовано жрецами индоариев еще примерно в 1000 году до Р.Х. Странная вещь, которая порождает загадки.

Но Хауэр был не единственным, кто заметил сходства и соответствия между песнями «Эдды» и гимнами «Вед». Недавно индогерманист доктор Норберт Эттингер (Oettinger), профессор Аугсбургского университета, в докладе «Исландская «Эдда» и индийские «Веды». Мифологическое сравнение» (31) предпринял что-то очень похожее на то, что сделал Хауэр примерно пятьюдесятью годами раньше. У Эттингера речь идет о сравнении богов Тора и Индры (подробнее об этом мы расскажем позже). Эттингер в весьма общих словах говорит о типологических соответствиях и особенных стилистических совпадениях между «Эддой» и «Ведами», причем он особенно приводит короткий, почти похожий на список перечень подвигов, которые в обоих произведениях можно найти только у бога Тора и соответственно у бога Индры. Он сравнивает песни скальдов с гимнами из «Ригведы», которые в этом отношении демонстрируют поразительные параллели. Еще больше соответствий можно найти в вооружении, качествах и особенностях обоих богов, например, они сильные едоки, и поэты, как в песнях «Эдды», так и в «Ведах» подчеркивают это с одинаковым удовольствием. Но также и действия обоих богов, число помощников, которые сопровождали их в их подвигах, и тому подобное весьма часто совпадают. В основе обоих преданий лежит один общий миф, таков вывод, который Эттингер делает в конце своего доклада. «Насколько прочна, стойка такая человеческая традиция, мы увидели сегодня».

Оба исследователя считают причиной этого соответствия общность происхождения индогерманских народов.

Хауэр пишет (32): «Но если мы теперь констатируем, что похожее предание (как в Индии) оказывается и на Севере, то так как взаимное заимствование полностью исключено, из этих фактов нельзя сделать никакого другого вывода кроме того, что здесь мы видим предание, исходящее из того времени, когда эти субэтноты еще принадлежали одной группе народов, у которых было общее предание о начале мира. Тем самым мы возвращаемся в праиндогерманское время».

И в другом месте (33): «Во-первых, у нас есть индоарийские предания, которые исходят из второго тысячелетия до Р.Х., т.е. они более близки к праиндогерманской эпохе, чем какое-либо другое индогерманское предание. Во-вторых, у нас есть крестьянская деревенская культура, как и в германской области, которая сохраняет старые предания гораздо точнее, чем какая-либо городская культура, как например, греческая. И, в-третьих, в этом старейшем индоарийском предании не было никаких насильственных разрывов, вроде того, который произошел у иранцев благодаря Заратустре... Также у германцев до «Эдды» не было насильственного разрыва. По этой причине и из аналогичной крестьянской деревенской культуры с ее верностью старым преданиям получается, вопреки большой отдаленности во времени и пространстве, часто поразительное сходство. Однако оно дает нам право использовать индоарийское для разъяснения германского».

Эттингер, однако, пытается объяснить совпадения не только принадлежностью обеих групп к «индогерманской языковой семье», но также и «определенным сходством общественных предпосылок». «Речь и там и здесь идет о том, что можно было бы обозначить как феодальное общество архаичного типа. Это означает: частичная оседлость, но высокая подвижность (в Скандинавии походы викингов, в Индии частично странствующие группы скотоводов). С подвижностью связана высокая готовность к набегам или военным походам. Вследствие этого примитивной аристократии как предводителям таких предприятий гарантируется значительное влияние. Материальная культура незначительна, что связано с отсутствием подобных городам поселений. С другой стороны, этому недостатку противостоит высокоразвитая поэзия. Эти поэтические произведения исполняются профессиональными певцами или рассказчиками, а именно в местах жительства военной знати. Эта публика, естественно, в первую очередь интересовалась описаниями великих войн и подвигов, т.е. стихотворениями о богах и великанах или героях доисторического времени... Сверх того, как раз песни о богах были важны еще и для культовых целей».

Стойка (корабельная могила на Осеберге), изображающая яростного льва

Эти выводы, без сомнения, в общем, вполне справедливы по отношению к индоариям, но в куда меньшей степени они подходят к германцам времен викингов, так как у последних уже не отсутствовали «подобные городам поселения», вспомните только о Хедебю, Бирке, Юмне, Хернуме и т.д. Также материальная культура была уже не настолько «незначительна», как считается общепринятым, предания и археологические находки свидетельствуют об этом. Уже одна только находка на Осеберге доказывает кроме очень высокого мастерства резьбы также богатое, роскошное культурное богатство высшего слоя – разумеется, здесь речь идет об оснащении могилы важной женщины и королевы. Все же, и другие общественные классы благодаря высокоразвитой торговле тоже, по видимому, достигли определенной культурной утонченности.

Описание Эттингера, пожалуй, больше подходит для германцев периода до походов викингов, того времени, в котором римляне сообщали о жизни и походах германских племен. Однако примечательно, что выводы Эттингера вообще не могут относиться к культуре североевропейского Бронзового века. И, все же, именно эти северные люди Бронзового века были непосредственными предками германцев, и они, в соответствии с общепринятой схемой эволюции, должны были бы, собственно, быть более примитивными, их общество должно было бы еще больше демонстрировать «архаичный тип», и больше соответствовать условиям индоариев ведических времен. Но ведь это не так.

Узкая сторона колесницы из Осеберга: (из Д. М. Уилсон, «Культуры с Севера»)

Подвижность, которую позже можно было наблюдать в такой высокой мере, была у них незначительной. Можно увидеть только небольшую «готовность к набегам». До эпохи стихийных бедствий спокойствие и благосостояние господствуют на всем севере, короли Священного острова управляют весьма хорошо организованным государством, влияние аристократии, несомненно, значительное, но оно основывается не на руководстве воинственными предприятиями, а, вероятно, на величине унаследованного владения. Культура респектабельна, как показывают археологические находки, торговые связи так же значительны, как торговые связи викингов, ибо мореплавание занимает очень важное место. И певцы, насколько мы знаем, также и тогда исполняли на королевском дворе и в родовых имениях знати песни о военных подвигах и историях богов. Но это единственная черта, которая совпадает с картиной, изображенной Эттингером.

Так и здесь снова со всей ясностью тоже проявляется то изменение, которое должно было произойти когда-либо в первом тысячелетии, и которое сделало «общественные отношения» германцев похожими на общественные отношения ранних индоариев. Описанные Эттингером отношения это вполне очевидно восточно-индогерманские отношения. Например, к скифам его описание подошло бы целиком и полностью, даже лучше чем к германцам времен Тацита. Так мы снова и снова наталкиваемся на загадочное развитие событий, которое привело

бога Водана-Одина на Север Европы и изменило отношения там с ним и благодаря ему.

Но и его самого мы тоже встречаем с самого начала в индоарийских «Ведах», там он появляется задолго до своего прибытия на Север. Это бог экстаза Вата, похожий на Воде-Одина и «по имени, и по сущности», с которым мы сталкиваемся в нескольких гимнах «Ригведы». Хауэр (34) выводит имя этого бога от индогерманского *uato, происходящего от корня *uat (протяженная ступень uāt *). Этот корень означает «быть в сильном внутреннем движении, быть душевно возбужденным, беспокойным» (ср. Вальде-Покорни I, 216). Этот корень есть также в латинском слове «vates», «пророк», а также в ряде кельтских слов, которые тоже указывают в направлении пророка, поэзии, воодушевления». При этом объяснении также возможно, что древнего индоарийского Вату, родство которого с Вотаном уже всегда было очевидным, можно обнаружить как индоарийскую особую форму древнего праиндогерманского *uato. Так как индоарийское «vāta» соответствует общегерманскому «wora». Однако, не только языковая форма, но также и весь характер Ваты, который в важных источниках идентифицируется с Ваю, штормовым ветром, и Рудрой, соответствует характеру Вотана-Одина, только предание о Вате примерно на 2000 лет старше предания о Вотане-Одине – этот великий бог ездит еще на колеснице. Всадниками боги почти полностью стали только тогда, когда большое движение всадников благодаря индогерманским скифам, снова возвращающимися на Запад, распространилось повсюду в индогерманском мире». (Странно, что Хауэр, когда он писал это, не пришел к столь естественной мысли, что как раз это движение всадников и могло принести этого бога на Запад и Север).

Здесь мы процитируем теперь несколько гимнов «Ригведы» в честь Ваты (в переводе Хауэра), которые показывают, насколько похожи оба бога.

«Я хочу провозгласить сейчас величие Ваты, его колесницы:
Он движется, сокрушая, гремит его грохот.
Он едет, касаясь неба, создавая алые тона.
А также движется он по земле, поднимая пыль.
Вслед за Ватой устремляются все виды ветров.
Они мчатся к нему, как женщины на праздничное собрание.
Вместе с ними на одной колеснице едет бог,
Царь всего этого мироздания.
Он ездит взад-вперед по путям воздушного пространства,
Не успокаивается ни в какой день.
Друг вод, перворожденный, преданный закону.
Где он родился, откуда возник?»

(«Ригведа» X, 168)

В другом гимне Вата – мудрец, который излечивает и дает жизненные силы:

«Пусть ветер (Вата) навевает лекарство,
Приносящее счастье, приносящее радость нашему сердцу!
Пусть он продлит сроки наших жизней.
О ветер, ты и отец наш,
И брат, и друг наш.
Сделай, чтобы мы жили!
Что там в доме у тебя, о ветер,
Сложено как сокровище бессмертия,
Дай нам от него, чтобы мы жили!»

(«Ригведа» X 186)

Индоарию, как и германцу тоже вручается напиток бессмертия в «зале» бога.

В другом гимне изображается движение экстатиков, их улет, подобный улету Дикой охоты. «Воодушевленных», «охваченных экстазом» аскетов называют также «Kesin», «косматые», «длинноволосые», «с развевающимися волосами».

«Косматый несет огонь, косматый несет яд.
Косматый несет две половины вселенной.
Косматый делает, чтоб мир увидел солнце.
Косматый зовется светилом.
Аскеты, подпоясанные ветром,
Одеваются в коричневые грязные одежды.
Они следует порыву ветра,
Когда боги вошли в них.
Возбужденные состоянием аскета,
Мы оседлали ветра.
Только тела наши вы,
Смертные, видите перед собою.
Он летит по воздуху,
Глядя вниз на все формы.
Аскет каждому богу добрый
Друг, готовый на благое деяние.
Конь Ваты, друг Ваю,
Вот аскет, подстегнутый богами.
Он живет возле двух морей:
Которое восточное и (которое) западное.

Странствуя тропой Апсарас,
Гандхарвов, диких зверей,
Аскет понимает (их) волю:
Он их милый, самый привлекательный друг.
Ваю для него сбивал (напиток),
Кунаннама выдавливала,
Когда косматый из сосуда с ядом
Пил вместе с Рудрой». (Вата и Рудра часто отождествляются)

(«Ригведа» X 136)

Хауэр говорит об этом (35): «Эта песня происходит примерно из 1000 года до Р.Х. За исключением нескольких типично индоарийских черт она в своем основном содержании могла бы быть перенесена также и на Одина, на его Дикую охоту и его экстатики. Она несет те же исконные черты в связи с богом сильного натиска и воодушевления, с которыми мы к нашему странному испугу сталкиваемся также в образе Одина в «Эддах».

Здесь следует напомнить о том, что старый Мартин Крузиус, автор «Швабской хроники», писал в 1544 году: «В Дикой охоте собираются все павшие на войне воины и все экстатики, души которых покинули тело и больше в него не вернулись».

И валькирии, пусть даже не под этим именем, тоже уже появляются в гимнах Ваты:

«Вслед за Ватой устремляются все виды ветров.

(то есть, подобное ему самому войско Дикой охоты)
Они мчатся к нему, как женщины на праздничное собрание.
Вместе с ними на одной колеснице едет бог,
Царь всего этого мироздания».

(«Ригведа» X 168)

Мы видим: В восточно-индогерманской области бог был, прежде всего, господином бурного восторга, также готовившим напиток бессмертия и передававшим самую глубокую мудрость.

И именно как тот, кто сохраняет и передает самую глубокую мудрость, он в еще гораздо более высокой мере представлен в «Эддах». Он – не только создатель поэтического воодушевления, как и вообще любого творческого стремления, но

и странствующий бог, который заходит всюду, всегда задает вопросы королям, великанам и пророчицам и выслушивает их вопросы, который проверяет знание опрошенных и сам объясняет древнее божественное знание. И, несомненно, он также господин посвящений, при которых посвященный в мистерии погружался в самые глубокие причины последних познаний, и не только узнавал их, но и испытывал, и снова уже как новый созревший человек выныривал из этих глубин.

«Этот вечный странник», говорит Хауэр (36), «должен был также быть уже праиндогерманским, так как в «Атхарваведе» XV, 1 мы видим песню о Вратье, который является формой Ваты-Рудры, в которой это странствование бога понимается как процесс творения: «Был Вратья (прапосвященный), бродящий вокруг. Он возбудил Праджапати (созидающего). Этот Праджапати увидел в себе золото. Он его породил».

Сам Один отдал один глаз, чтобы достичь мудрости. В «Ведах» ничего не говорится об одноглазости кого-либо из богов.

Три мотива на тему одноглазости (из: Э. Нойманн-Гундрум, «Культура Европы больших скульптур»).

Сосуд с лицом (правый глаз представлен затемненным), место находки Дания

Резная голова на одной из опор деревянной церкви в Вальдресе (Норвегия)

Резная голова (в 1200 н.э.), место находки Старый Осло

Изображение Одина на бронзовой двери Стокгольмского Исторического музея. Слева его самопожертвование: он пожертвовал один глаз, чтобы испить из источника мудрости Мимира: он висит на одной из ветвей мирового дерева – ясеня Иггдрасиль.

Но такая одноглазость, наверное, имела место, так как одноглазость Одина исходит из древнего символического представления, представления о «раздвоенном взгляде» («Zwiesicht», «двойное или раздвоенное видение», «взгляд наружу и взгляд внутрь»). Госпожа доктор Элизабет Нойманн-Гундрум («Культура Европы больших скульптур», 1981) открыла «большие скульптуры», вырезанные в скалах, изображающие в большинстве случаев мужскую голову. Эти скульптуры, вероятно, происходят с конца палеолита и распределены по всей области Мадленской культуры Европы, и почти все они демонстрируют этот символ. Один глаз изображен в его естественной форме, а другой, показанный только намеком, остается белым, закрытым веком или же совсем отсутствует. Нойманн-Гундрум, пожалуй, правильно объяснила это изображение так: один глаз смотрит в реальный мир, а другой смотрит внутрь, вглубь невидимого духовно-душевного бытия.

Неоднократно упомянутый в «Эддах» миф о залоге Одина, покоящемся в источнике Мимира, означает, без сомнения, именно это: Глаз, который отдал Один, чтобы достичь мудрости, покоится теперь в источнике духа мудрости, в который текут потоки самого глубокого знания из глубин Земли. Мимир, дух мудрости, пьет из этого залога каждым утром и учится видеть будущее и сообщать о нем.

Имя Мимира появляется в нескольких формах: «Mimir», «Mime», «Mima», «Miman». Хауэр выводит – несомненно, правильно – это имя из индогерманского корня *men, который означал дух, разум, память и, очевидно, имел «чрезвычайное значение в праиндогерманском языке как обозначение умственного движения и умственной деятельности и ради ее силы... очевидно, встречался также в удвоенных формах, т.е. в таких, в которых повторялся корень. Итак, мы должны попробовать с индогерманским словом menmen. В действительности, у нас есть в индоарийском языке еще слово manman. Это слово значит размышление, мысль, умственное движение. Оно употребляется в «Ригведе»... тоже снова в связи с Митрой и Варуной, с пророками и священными изречениями. Так в «Ригведе» X, 128, говорится о тайных «manman» богов, которых никто не знает, и которые они произносят на священном собрании». (37)

Итак, связь с индогерманским преданием существует также здесь. Но то, насколько древними являются идеи и представления, переработанные в этом мифе в живописные образы, мы видим в том, что мысль о том, будто один глаз бога смотрит во внутреннюю действительность мира, появляющаяся в мифе о залого Одина уже в более сложной формулировке, в своей простой форме встречается как ясный символ еще на больших скульптурах палеолита.

Но важно также то, что у представленных на этих скульптурах символов, т.е. не только у «раздвоенного взгляда», но еще и у других представленных в форме изображений мыслей, как, например, рождения человеческого рода из дыхания бога, есть параллели исключительно в индоарийских преданиях. Из этого нужно сделать вывод, что эти древние предания лучше сохранились у восточных индогерманцев, которые во многих отношениях были архаичнее западных индогерманцев, чем на Западе. И если теперь символ «раздвоенного взгляда» появляется у германцев, а именно в «Эддах», то это снова указывает на близкую и удивительную связь этой мифологии с мифологией Востока.

«Эдда» содержит песни из самых различных времен и стран, которые хоть все и приобрели свою форму в Норвегии и Исландии (возможно, также в Швеции) за период примерно между 700 и 1200 годами н.э., но содержание этих песен преимущественно гораздо старше. Само собой разумеется, среди них есть песни, которые происходят в содержании и до определенного градуса также в форме из северной бронзы или даже из времени мегалита. Это четко видно, например, в песне «Skirnirlied» («Поездка Скирнира») и в «Fjölsvinnsmál» («Песнь о Фйольсвидре», часть «Песни о Свипдаге» (или Свипдагре), рассказывающей о сватовстве Свипдага. Здесь представлено сватовство Солнечного героя к Деве земли или Деве жизни, которое является центральной темой легенды мегалита.

Но большинство песен, также как и вошедшие в «Младшую (прозаическую) Эдду» части, как, например, «Видение Гюльви», принадлежат к окружению Одина, который находится в центре внимания как учащий мудрости или получающий ее. Он здесь часто играет роль посвящающего, учителя-жреца, который является руководителем и проверяющим при посвящениях (инициациях) юношей или участников мистерий в мудрость прошлого и тайны богов. Такие инициации были и есть у всех народов, и у нас они тоже еще продолжают жить в очень ослабленной форме как конфирмация или причастие. Мы знаем, что проходящий инициацию в самые древние времена должен был претерпеть символическую смерть, чтобы возродиться как новый, преображенный человек. При этом его часто подвергали болезненным и ослабляющим церемониям, чтобы он стал способным воспринять также последнее, наивысшее переживание путешествия в потусторонний мир. Но также и глубокое знание согласно верованиям первобытных народов может быть приобретено только через жертву и боль. Этот смысл без сомнения содержит окутанная многими загадками песня о принесении Одином самого себя в жертву («Речи высокого», «Havamál», в переводе Ф. Генцмера).

Один говорит:

«Знаю, висел я
в ветвях на ветру
девять долгих ночей,
пронзенный копьем,
посвященный Одину,
в жертву себе же,
на дереве том,
чьи корни сокрыты
в недрах неведомых».

Один висит, принеся самого себя в жертву, на Мировом дереве, раненый, испытывающий голод и жажду, чтобы получить мудрость. Здесь мы видим тот часто узнаваемый факт, что миф отражает обычай. Бог – это первый посвященный, как позже он же – посвящающий, проводящий обряд инициации, он первым проходит через то, от чего позже должен будет страдать каждый проходящий посвящение, кто последует за ним. Во многих построенных на мистериях религиях мы встречаемся с явлением, когда божественный основатель религии сам сначала проходит обряд посвящения, который он вводит. Висящий со стоном склоняется низко к земле и поднимает руны, которые могут научить его знанию и колдовству. Потом он падает, и получает от проводящего инициацию – здесь это дух мудрости Мимир («брат Бестли») – «великолепный мед», напиток мудрости:

«Стал созревать я
и знания множить,
расти, процветая;
слово от слова
слово рождало,
дело от дела
дело рождало».

Также в этой песне, которая представляет собой, пожалуй, ядро религии Одина, можно увидеть связь с Востоком, родство с «путешествием в потусторонний мир» шамана азиатских и североевропейских народов, который с помощью всяческих церемоний учится способности покидать свое собственное тело, подниматься на Мировое дерево или на его земное отображение и получать там посвящение и видение будущего. Неоднократно говорилось, что Один – это прообраз шамана или хотя бы напоминает «шамана». Мудрость, пророческие способности и способность колдовать: вот что должен получить шаман или соответственно священник, жрец, который осуществляет культовые действия в сфере религии Одина. С рунами колдуют, это явственно следует из рунных песен «Эдды». Один, так же как и Мимир, «господин волшебства», у скальдов его называют «волшебником», «колдуном», «мастером волшебства». Снорри говорит: «Один владел и тем искусством, которое всего могущественнее. Оно называется колдовство». И Один сам им пользовался. Снорри описывает Одина как настоящего «волшебника», он может менять свой внешний вид, за одно мгновение попадать в дальние страны, словами тушить огонь, успокаивать море, владеть ветрами, предсказывать будущее и многое другое.

Адам Бременский (в 1070) утверждает, что в Норвегии предсказатели и маги были особенно многочисленны. В «Круге Земном» («Heimskringla»), «Истории норвежских королей» Снорри Стурлусона, рассказывается, что король Олав (Олаф) I Трюггвасон, который пытками, огнем и мечом вводил в Норвегии христианство, пригласил всех «колдунов» Норвегии на званый пир и затем сжег их в оцепленном зале. Под этими «колдунами» без сомнения нужно понимать знатоков мудрости, священников или жрецов культа Одина. То, что речь шла о знатных людях, следует из того, что единственный, кто смог спастись – сбежав через слуховое окно – был двоюродным братом короля. Так как Снорри называет этих людей «колдунами», то вероятно, что посвященные бога, которые руководили его культом, должны были помимо знаний о древних временах и мудрости владеть также магическим мастерством.

В предпосланном «Кругу Земному» сообщении, о котором здесь идет речь, говорится, что Один и шведский король Гюльви много раз состязались «в разных хитростях и мороченьях», но Асы всегда брали верх. Это, пожалуй, должно бы-

ло означать, что хотя колдовством в Швеции занимались еще раньше, но только после прихода Асов магия заняла гораздо более высокое место.

Все первобытные народы пользовались или также еще сегодня пользуются колдовством. И речь при этом идет вовсе не только о «суеверных» обычаях, происходящих из незнания законов природы. В значительно большей степени здесь использовались и используются такие возможности владения природой, о которых мы, «цивилизованные люди», больше не знаем. Без сомнения, в Северной Европе «колдовали» также в Каменном веке и в Бронзовом веке. Но тогда, пожалуй, все происходило светлее, более открыто и проще. Во время господства Одина у колдовства уже есть темные, таинственные, а также жестокие черты; чтобы приобрести способность заниматься им, нужно пройти через физические и душевные мучения. Создается впечатление, как будто бы еще неукротенный, дикий Восток воцарился также и здесь и принес в культуру Северо-запада что-то из искусств и наук своих шаманов.

7. «Ваны» и «Асы»

Из вышесказанного следует, что гипотеза о вторжении с Востока в заселенную германцами область в середине последнего тысячелетия до Р. Х. достойна как минимум дальнейшего обсуждения. Кроме того мы вполне можем принимать сообщение Снорри о происхождении Одина настолько всерьез, что есть смысл попытаться сравнить сведения из этого рассказа с исторической реальностью – насколько она нам известна. Мы можем спросить, кем могли бы быть «Ваны» и «Асы» на самом деле, и можно ли в отдельных деталях подтвердить рассказанную о них историю. Конечно, ответы, которые я могу дать на эти вопросы, являются чисто гипотетическими. В какой мере они правдоподобны, должен решить сам читатель.

Итак, сначала: Где можно определить географическое местопребывание «Ванов»? Сообщение Снорри говорит однозначно: «Местность у устья Дона называлась тогда Страной Ванов, или Жилищем Ванов». О Доне сказано, что его правильное имя (а именно греческое имя) Танаис, но что «прежде», однако, его называли Танаквисль, или Ванаквисль и что он впадал в Черное море. Итак, «Ваны» жили там, где Дон впадает в называвшееся так тогда Меотийское озеро, сегодняшнее Азовское море, по сути, залив Черного моря, и образует дельту. Но какой же народ жил между рукавами устья Дона в середине первого тысячелетия до нашей эры?

Ответ выглядит на первый взгляд поразительным: это были греки. Ионийцы, мореплаватели и колонисты среди греков, в седьмом веке до Р. Х. основали всюду на северном побережье Черного моря свои торговые колонии, которые

образовывали маленькие города-государства вместе с прилегающей к каждому из них территорией. Со скифами, которые населяли более удаленные от побережья земли, у греков царило, в общем, хорошее взаимное согласие, так как и кочевые, и оседлые скифские племена охотно пользовались достижениями высокоразвитой культуры и плодами усердия этих поселенцев. Многие из чудесных изделий из золота и бронзы, которые были найдены в могилах знатных скифов, были сделаны именно талантливыми греческими мастерами этих городов в скифском или также в греческом стиле.

Скифские племена и их соседи согласно сведениям Геродота. (из: «Золото скифов», стр. 18)

Между устьями Дона лежал город Танаис, который носил название реки, в дельте которой поселились жители. Более поздние германцы, согласно Снорри, называли эту дельту Танаквисль, причем «квисль» на древнескандинавском языке означало устье реки. Но здесь, вероятно, мы сталкиваемся также с искажением названия города и реки. Во всяком случае, эта местность вряд ли могла называться «Ванаквисль», так как имя Ванов не встречается нигде в Северном Причерноморье.

Здесь следует пояснить, что большинство имен, названных в сообщении Снорри, являются германскими и многие из них, наверное, использовались на Севере

ре уже задолго до того, как произошли изображенные в рассказе Снорри события. Таким образом, имя «Асы» является, пожалуй, очень старым наименованием для богов там, это слово сопоставляли со словом «Ansen», что означало опорную балку. Боги как «держатели небес», такое представление на Севере было распространено с древнейших времен. Также имя «Ваны» могло принадлежать Северу. Вполне возможно, что здесь всюду использовались германские имена, вероятно, не самим Снорри, а скорее, пожалуй, теми его шведскими «информаторами», которые переработали предание о происхождении Одина и передали его Снорри. Потому все эти имена как «Асы», «Асгард» и т.д. здесь, само собой разумеется, нужно ставить в кавычки, чтобы никто не пришел к мысли, что они действительно именно в этой форме использовались в Причерноморье.

И теперь вопрос: где же могли жить «Асы»? Сказано, что у них были земли в Азии, к востоку от Танаиса: «Страна в Азии к востоку от Танаквисля называется Страной Асов, или Жилищем Асов, а столица страны называлась Асгард». Азия по представлениям того времени начиналась к востоку от Дона. Так как война Асов и Ванов описывается как конфликт между двумя соседними народами, то «Асы» должны были бы жить сразу же к востоку от устья Дона. К востоку от Меотийского озера жили меоты, а к востоку от Дона – савроматы.

Давайте сначала предположим, что так называемые «Асы» из рассказа Снорри принадлежали народностям савроматов. Савроматы были предками более поздних сарматов, которые доставляли множество хлопот римлянам и даже добрались до Испании и Северной Африки. Их имя сократилось позже, во времена посещения Северного Причерноморья Геродотом оно еще звучало как савроматы. Это был большой народ, он, как и народ скифов, делился на много племен и небольших народностей, и был родственен скифам.

Также эти превращающиеся в кочевников степные всадники прибыли, вероятно, из Средней Азии. У них был подобный скифскому «иранский» язык, и по своему внешнему виду и обычаям они были похожи на скифов. Они тоже были белокуроыми, голубоглазыми, пользовались теми же доспехами, одеждой, оружием и шлемами, что и скифы, только их копья и мечи были длиннее копий и мечей скифов, что показали археологические раскопки в низовьях Волги. Они были так же воинственны, как и их соседи. Геродот пересказывает легенду об их происхождении. Согласно этой легенде савроматы якобы появились из соединения группы молодых скифов с отрядом амазонок, которые, спасаясь от греков, высадились на побережье Меотиды (Азовского моря), и отдали привлекательным молодым скифским воинам свою девственность, став их женами. Это сказание возникло, вероятно, чтобы объяснить то удовольствие, которое получали савроматские женщины от битв и войн.

То, что за рассказами греков об амазонках и армиях амазонок стоят вполне реальные факты, стало известно с тех пор, как раскопки во всей области Черного моря показали, что здесь действительно в могилы женщин часто клали оружие. Вполне возможно, что отсюда отряды вооруженных девушек и молодых женщин отправлялись в походы, чтобы участвовать в войнах мужчин, ведь даже знаменитая царица амазонок Пентисилея была якобы родом с южного берега Черного моря.

Письменные источники указывают в первую очередь на Савроматию как на родину амазонок. Археологические раскопки могил подтверждают эти сведения. Ренате Ролле (38) пишет: «По статистическим расчетам из общего числа могил с оружием и конской сбруей на территориях савроматов не менее 20 % являются женскими могилами. Это очень значительная доля, объясняющая то внимание, которое античные авторы проявляли к савроматкам». Смелость и самостоятельность савроматок была знаменита. Очевидно, положение женщины у савроматов было особенно высоким, даже выше, чем у скифов.

Здесь можно найти точки соприкосновения с тем, что известно о германских женщинах эпохи Великого переселения народов и времен викингов. Уже Тацит (с. 18) рассказывает, что германским невестам на свадьбу преподносили коня, щит, копье и меч: «И чтобы женщина не считала себя непричастной к помыслам о доблестных подвигах, непричастной к превратностям войн, все, знаменующее собою ее вступление в брак, напоминает о том, что отныне она призвана разделять труды и опасности мужа и в мирное время и в битве, претерпевать то же и отваживаться на то же, что он; это возвещает ей запряжка быков, это конь наготове, это — врученное ей оружие. Так подобает жить, так подобает погибнуть; она получает то, что в целостности и сохранности отдаст сыновьям, что впоследствии получат ее невестки и что будет отдано, в свою очередь, ее внукам».

В северных могильных холмах позднего Железного века находили женщин с полным вооружением посреди сожженного корабля. Еще известны имена нескольких женщин среди викингов. Молодая Хервёр, например, ставшая позже выдающейся королевой, снарядила корабль, похитила меч предков из могильного холма своего отца и в мужской одежде отправилась в поход викингов. (Речь, вероятно, идет о героине «Саги о Хервёр и Хейдреке», однако действие в ней происходит значительно раньше эпохи викингов – во времена войн гуннов с готами. – прим. перев.) Также у Саксона Грамматика, датского летописца, встречаются фигуры «полуамазонских» девушек, которые презирают брак и женский труд и думают только о боях, войне и военных походах. Так же, как и у савроматок, умершим германкам в могилу клали их верховых лошадей. Королеву Осу в потусторонний мир сопровождали даже пятнадцать коней.

Но здесь нужно рассказать и о втором народе, который жил к югу от савроматов, о меотах или меотийцах (Maetae/Maitae). По их имени Азовское море, на восточном берегу которого поселился этот народ, и называлось «Меотидой». Меоты могли жить там уже давно, как соседи киммерийцев, изгнанных позднее скифами из Причерноморья, еще до того как в эту местность пришли народы всадников из азиатских степей. Кроме названий племен, на которые делился этот народ, о меотах известно очень мало. Геродот, к сожалению, ничего не рассказал о них. Но в одном можно быть уверенным, а именно в том, что они были ариями и состояли в тесном родстве с индоариями, которые, вероятно, происходили из этих областей к северу от Кубани. В то время как эта этническая группа через Сибирь двигалась в Индию, одна их часть, вероятно меньшая, повернула на юг, соединилась в Передней Азии с народом хурритов и в роли правящего слоя хурритов создала в Северной Месопотамии государство Митанни (Mitanni или Maitani). Это было царство воинов боевых колесниц, которые в своих походах доходили до Сирии, и цари Митанни не раз роднились с египетскими фараонами.

Арийские народы были, возможно, изобретателями, но, несомненно, самыми значительными пользователями быстрой, легкой боевой колесницы, которая вскоре нашла применение во всей Европе как замечательное боевое оружие. Так что меоты у Черного моря тоже могли первоначально передвигаться на колесницах, но позже античные писатели причисляют их к скифам, т.е. они могли принять скифские обычаи и тоже стать всадниками.

Область меотов или меотийцев граничила на севере с территориями савроматов, обе народности встречались там, где Дон впадал в Азовское море, и где в его дельте лежало маленькое государство Танаис. Так не могли ли «Асы» и быть, в конечном счете, меотами? Также возможно, что на этой пограничной территории образовывались смешанные группы, так что как савроматы, так и меоты могли участвовать в формировании того племени, которое должно было построить свой замок «Асгард» по ту сторону Дона.

В сообщении Снорри неоднократно говорится об этом замке и о «зале» или «чертогах» Одина. Но возможно ли было вообще, чтобы на Дону мог быть построен замок, ведь народы всадников постоянно жили в своих повозках и почти всегда находились в пути? Долгое время считалось, что скифы вообще не знали ни замков, ни постоянных поселений. Но это было опровергнуто археологическими раскопками последних десятилетий. Теперь уже известно достаточно много мест, где во времена скифов были постоянные, окруженные валом, подобные замкам поселения. На территории так называемых царских скифов археологи раскопали мощный замок Каменское городище, занимающую двенадцать квадратных километров столицу Скифского царства.

В лесостепи к северу от скифских земель русские археологи уже давно занимаются исследованием еще гораздо большего окруженного валом поселения. Предполагается, что речь идет об описанном Геродотом городе Гелоне. По словам Геродота, будины, народ, живший севернее савроматов, причем Геродот особенно подчеркивает светлые волосы у будинов, населяли большой замок или город, который был полностью построен из древесины и окружен деревянной стеной. Будины были кочевниками, но у них жили греки, беглецы из торговых городов, которые, как сказано, называли себя гелонами. Геродот пишет (39): «Будины – большое и многочисленное племя; у всех их светло-голубые глаза и рыжие волосы. В их земле находится деревянный город под названием Гелон. Каждая сторона городской стены длиной в 30 стадий. Городская стена высокая и вся деревянная. Из дерева построены также дома и святилища. Ибо там есть святилища эллинских богов со статуями, алтарями и храмовыми зданиями из дерева, сооруженными по эллинскому образцу. Каждые три года будины справляют празднество в честь Диониса и приходят в вакхическое исступление. Жители Гелона издревле были эллинами. После изгнания из торговых поселений они осели среди будинов. Говорят они частью на скифском языке, а частично на эллинском. Однако у будинов другой язык, чем у гелонов, образ жизни их также иной. Будины – коренные жители страны – кочевники... Гелоны же, напротив, занимаются земледелием, садоводством и едят хлеб».

Но «Асгард» из рассказа Снорри, похоже, вряд ли может быть Гелоном, так как будины и гелоны жили далеко на севере – на удалении пятнадцати дней пути от Меотийского озера – как они тогда могли бы конфликтовать с проживающим в устье Дона народом?

Предание о войне Асов и Ванов, которое появляется не только в сообщении Снорри, но и в обоих «Эддах», иногда только коротко показанное намеком, туманно и сильно мифологизировано. Здесь – и только здесь – «Асы» и «Ваны» рассматриваются как народности, в то время как в «Эддах» они выступают исключительно как боги (или как роды богов), и о народах нигде больше не говорится.

Странные вещи, которые рассказывает Снорри о заключении мира между «Асами» и «Ванами» и об «обмене заложниками» только в небольшой степени поддаются объяснению. Ясно только то, что обе народности, которые сидели в дельте Дона и по ту сторону Дона, сражались друг с другом. Причем «Асы» сначала были агрессорами, но «Ваны» храбро отбили нападение и разрушили крепостной вал «Асов». Победа была то на одной, то на другой стороне, но потом обеим сторонам «надоело сражаться», и они заключили мирный договор. При этом противники обменялись «заложниками», т.е. некоторые из Богов-Ванов пришли к «Асам», а два посланника «Асов», среди них дух мудрости Мимир,

пришли к «Ванам». Но «Ваны», очевидно, не были довольны обменом, они чувствовали себя обманутыми, отрубили Мимиру голову и отослали ее назад к «Асам».

Вопрос состоит в том, сколько реальности могло бы содержаться в этом мифе. Представляется вполне возможным, что жители города-государства Танаис оказались в состоянии конфликта с одним из соседних конных племен. Греки, основавшие эти города, хотя в большинстве своем и были купцами и ремесленниками, но были весьма мужественны и способны к бою, что было весьма естественным для колонистов, поселившихся в варварской стране среди очень воинственных племен.

Сообщение Снорри ничего не говорит о причине войны, но намек на нее можно, вероятно, найти в нескольких строфах «Волюспы» («Прорицания вельвы»). Стихи эти довольно туманны, и многие ломали над ними голову, но без удовлетворительного результата.

«Помнит войну она
первую в мире:
Гулльвейг погибла,
пронзенная копьями,
жгло ее пламя
в чертоге Одина,
трижды сожгли ее,
трижды рожденную,
и все же она
доселе живет.

Хейд ее называли,
в домах встречая,-
вещей колдуньей,-
творила волшбу
жезлом колдовским;
умы покорялись
ее чародейству
злым женам на радость».

Эту Гулльвейг, видимо, только из-за ее имени толковали как «золото», и, конечно, безосновательно. Для скальдов песен «Эдды» понятие «золото» не имело еще отрицательного значения, они еще ничего не знали о «проклятии золота». Здесь «золото» символизирует мудрость и знание, так как в «Эддах» речь снова и снова идет о «мудрости».

Хейд в «Эдде» – это имя для напитка воодушевления, который капает вниз с Мирового дерева и дает пророческие способности. Хауэр считает: «Все отдельные намеки строф уже невозможно прояснить. Но из них, по крайней мере, можно узнать, что Асы обращались с Гульвейг (за которой скрывается Фрейя как пророчица) плохо, что они рассматривали ее как злую женщину». (40)

В конце концов, из стихов «Волюспы» нельзя вычитать ничего больше, чем то, что с колдуньей «Асов» «плохо обращались», и что «Ваны», к которым она, очевидно, принадлежала, потребовали за это «выкуп», а это настолько рассердило «Асов», что они пошли на «Ванов» войной. Неясное выражение «трижды сожгли ее, трижды рожденную», впрочем, никак нельзя трактовать так, будто здесь речь идет о трех разных женщинах. Однозначно говорится только об одной единственной.

Здесь нужно еще раз указать на то, что миф о начале войны Асов и Ванов, как и об обмене заложниками был настолько затемнен, запутан, и вероятно, также неправильно понят автором сообщения, что его объяснение едва ли возможно. Потому все нижеследующее нужно оценивать только как попытку и как игру с вероятными возможностями.

У греков были изображения богов, а у степных всадников их не было. Благодаря какому-то случаю, обмену или подарку, в замок «Асов» попало изображение Афродиты. Для граждан Танаиса это была особенно дорогая, священная и, пожалуй, также прекрасная статуя. Но «Асы» видели в этой богине опасную колдунью, которая любовными напитками и прочими приемами (ее всегда почитали злые женщины) стремилась соблазнить мужчин. По этой причине они своими копьями повредили или разбили статую в ее «чертоге» и попытались ее сжечь. «Ваны» восприняли эти действия как осквернение святыни и отправили к «Асам» послов, которые потребовали в качестве компенсации «выкуп» (штраф) и признания богов «Ванов» с помощью жертвоприношения («стерпят ли Асы обиду без выкупа иль боги в отмщенье выкуп возьмут»). Но «Асы» были в высшей степени возмущены этими требованиями и сразу объявили «Ванам» войну. («В войско метнул Один копье».) Храбрым «Ванам» удалось с боем пробиться вплоть до замка «Асов» и разрушить крепостной вал, но «Асы», все же, оттеснили их. Наконец, однако, благоразумные мужчины предложили заключить мир и договор, который должен был также регулировать отношения обеих сторон к соответствующим богам. На торжественной встрече этот договор был заключен.

Странную историю об умном Квасире, возникшем из слюны богов, Хауэр и Нинк объясняли тем, что при трапезе примирения подавали священный опьяняющий напиток, подобный индийской «Соме». Он был приготовлен из разжеванных растений, которые из-за слюны быстро начинали бродить.

Богиня земли Апи с ногами в форме змей, мифическая прародительница скифов

Такой напиток производился вплоть до нашего времени островитянами экваториальной и южной части Тихого океана, и европейцы хвалили освежающее действие напитка. Но миф сделал из напитка живое существо, которое было позже убито, и из его крови тогда возник снова священный напиток. Такие неаппетитные для нас церемонии, пожалуй, действительно следует приписать оставшимся во многом примитивными степным всадникам. Что говорили по этому поводу цивилизованные греки, мы не узнаем.

Но самая важная и самая интересная вещь в этой истории, это обмен богами. Богами, которые тогда вошли в пантеон противников, были столь любимые впоследствии на Севере Ваны Ньёрд, Фрейр и Фрейя.

Здесь нужно сначала задаться вопросом о богах степных всадников, затем о богах колонистов. Информация Геродота в этом отношении кажется довольно скудной. Тем не менее, он называет несколько имен богов на скифском языке. Скифы почитали, как кажется, выше всего Табити, богиню домашнего очага, бога неба Папая и змееногую богиню земли Апи, от которой они выводили свое происхождение. Кроме того, Геродот называет еще нескольких следующих богов, которые, впрочем, в меньшей степени были на переднем плане: среди прочих это были Посейдон, Аполлон и Афродита-Урания, по-скифски соответственно Фагамисада, Ойтосир (Гойтосир) и Аргимпаса (Артимпаса).

Насколько мы можем увидеть, в этом кругу богов нет фигуры, соответствующей Вате-Воде, если мы не хотим принять за таковую бога войны «Марса» («Ареса»), которого символизировал воткнутый в кучу хвороста меч, и которому приносили в жертву военнопленных. Но Воде вовсе не соответствует Марсу, римляне никогда не отождествляли этих богов. Да и Воде был богом войны только помимо всего прочего, только в том отношении, что боевая «ярость» тоже относилась к разбуженным благодаря ему восторженным порывам и «отъездам», как и буря «Дикой охоты», как поэтическое воодушевление, творческая интуиция и пророческое видение глубин и будущего. У скифов не было такого бога мистерий, наоборот, они, судя по словам Геродота, демонстрировали отвращение к «лихому неистовству» «вакхических шествий» и сами не позволяли даже своим царям участвовать в экстатических мистериях. С савроматами, о богах которых вообще ничего не известно, ситуация, пожалуй, была похожей.

Зато Геродот сообщает, что каждые три года будины и гелоны устраивали празднество в честь Диониса и приходили в «вакхическое исступление». Дионис – это бог мистерий, его праздники сопровождались экстатическим неистовством опьяненных вином. Фракийцы, которые населяли соседствующие со скифами на западе области на нижнем Дунае и на Балканах, почитали Диониса как главного бога. Стоит задуматься, не могли ли фракийские (или же смешавшиеся с фракийцами и перенявшие их культуру) геты, которые приблизительно в 100 году до Р. Х. продвинулись до Балтийского моря, принести с собой на Север бога экстаза Водана.

Но рывок гетов к Балтийскому морю состоялся слишком поздно по времени. Ведь к моменту их прихода кимвры и тевтоны, которые, без сомнения, уже почитали бога ярости, уже переместились на Юг, а это значит, что к тому времени Водан-Один тоже уже давно должен был обосноваться в германских землях. Также и по этой причине его вряд ли можно сравнивать с Дионисом. Да и голый юноша с венком из виноградных листьев и тирсом, деревянным жезлом, увитым плющом и виноградными листьями, порождал совсем иное опьянение, чем экстаз всадника «Дикой охоты» и выясняющего все глубины «владыки отгадок». Культ Диониса происходит, очевидно, из совсем других корней, чем культ Одина-Водана, и из тех земель, в которых издавна рос виноград.

Если мы спросим, от какого народа Причерноморья мог бы происходить бог ярости, то мысль о меотах кажется намного более подходящей. Они были ариями. И бог восторга Вата вполне мог царить у них уже тогда, когда они расстались с двигавшимися в Индию соплеменниками. Вероятно, у них уже тогда жили те мифы или даже уже некоторые в определенной степени сформировавшиеся гимны, которые представители их народа или находящиеся под его влиянием савроматы принесли на Север Европы, так что поразительное соответствие не-

скольких песен «Эдды» с гимнами арийской «Ригведы» и «сходство имен и сущности» Одина с Ватой становятся понятными. Меоты, как уже говорилось, вполне могли бы стать всадниками по примеру скифов, и потому бог, который у индоариев еще ездит на колеснице, в Причерноморье, конечно, превратился во всадника на восьминогом коне.

А как тогда обстоит дело с «Ванами»? В пользу тезиса о войне Асов и Ванов всегда говорил тот факт, что Боги-Ваны Ньёрд, Фрейр и Фрейя, кажется, являлись древними северными богами плодородия.

Но содействующие плодородию тенденции можно найти у большинства богов. Индогерманский бог неба будит плодородие земли при помощи своего топора-молнии, он едет на своей запряженной быками или волами повозке по земле и заставляет поля зеленеть. Богиня земли – это мать плодородия, «солнечный герой» будит природу от сна зимнего застоя, даже участники Дикой охоты скачут над полями, чтобы даровать им плодородие, и оборотни – согласно ливонским сказаниям – крадут спрятанное в пещерах посевное зерно и разбрасывают его на полях, чтобы эти поля приносили хороший урожай. Для крестьянских народов плодородие полей, как и плодородие людей и животных, всегда было чрезвычайно важным. И потому неудивительно, что в крестьянской Швеции Ньёрд и Фрейр рассматривались как особенно увеличивающие плодородие (и мир) боги, которых следовало благодарить за хорошие, урожайные годы. Но ясно, что Фрейр, в том виде, в каком он появляется в «Эдде», был ипостасью, пожалуй, еще из Бронзового века, Посиде – бога света, закона и (также) плодородия Священного острова.

«Ваны» у Черного моря были, как мы однажды решили предположить, ионийцами, и эти ионийцы происходили с побережья Северного моря. Это доказывается не только тем, что они были – в противоположность большинству других греческих племен – мореплавателями и создателями колоний, но еще больше тем фактом, что их племенной бог, которого они принесли с собой с родины, носил имя бога Янтарного острова в Северном море: Посидес (или Посидос). Он как бог мореплавателей был тесно связан с морем. Еще во время обращения, когда он назывался – после передвижения согласных – Фосите, а его остров – Фоситесланд (Страна Фосите), он согласно одному фризскому сказанию смог спастись от бедствия на море. Так он как бог ионийцев-мореплавателей на Юге полностью превратился в бога моря Посидаона – Посейдона. Все же, он всегда оставался основным богом ионийцев, которому они посвящали большой праздник Панионии и оказывали большое уважение. Уже в 1929 году О.Х. фон Заукен в статье «Посейдон как германский бог» в журнале «Немецкий Роланд» сопоставил идентичные по законам фонетики имена Фосите и Посейдон (у ионийцев Посидес, Посидеон). Далее он выводит имя эпонима ионийцев Иона, собствен-

но, «Явонес» = мальчики, юноши, от германского «ing» = «jung», т.е. молодой, сын, потомок и указывает на германскую культовую общность ингевонов. После того, как в эпоху переселений в 2000 до Р. Х. несколько индогерманских племен, которые, вероятно, прибыли из Восточной и Центральной Германии, поселились в Греции, примерно в семнадцатом веке до Р. Х. туда приплыли и ионийцы вместе с ахейцами, происходившими, возможно, тоже с Севера. Они считаются настоящими основателями микенской культуры.

Вернемся к обмену богами: Ньёрда, о котором известно мало, неоднократно сравнивали с Посейдоном. Он живет в Ноатуне, «Корабельном дворе» или «Корабельном саду», его брак с богиней гор и снежных вершин Скади терпит неудачу от того, что он не может оставить море, а она не может бросить горы. Так он появляется как своего рода бог моря, который в кругу Асов, однако, больше не обладает собственной функцией, и затем в Швеции он как отец Фрейра тоже является богом плодородия, так как у германцев уже был бог моря – а именно Эгир. Так что он вполне мог бы быть принят племенем «Асов», так же как, вероятно, скифы включили того же самого греческого бога в свой пантеон. Ньёрд – это германское имя, его добавили этому богу на Севере. Его первоначальной и соответственно настоящей супругой была, по всей вероятности, описанная Тацитом Нерта (Nerthus). Ее, очевидно, рассматривали как его сестру, так же как оба их ребенка Фрейр и Фрейя, тоже были братом и сестрой, и, наверное, первоначально также возлюбленными и супругами. Дополнение автора сообщения Снорри указывает на это, когда говорит, что Ньёрд женился на собственной сестре, и что это было там (у Ванов) «законно». «Но у Асов такие близкородственные браки были запрещены».

Это указание на брак брата и сестры дало повод ко всяческим предположениям. В нем хотели видеть доказательство матриархата на Севере. На самом деле брак между братом и сестрой и матриархат не имеют друг с другом ничего общего. Брак братьев и сестер в мифах и древнейшей истории встречается только от случая к случаю у богов и королей. У последних этот обычай происходит из желания сохранить силу и высокую сущность королевского рода, что еще можно услышать в германских сказаниях о героях. Божественные пары братьев и сестер, которые, однако, являются одновременно супругами, встречаются там, где существовало генеалогическое перенесение в мире богов. Ведь это снова и снова бог неба и мать-земля, которые «омолаживаются» в своих детях. Пара близнецов, которых рождает мать-земля, мальчик, который имеет сильную связь с Солнцем и рано совершает подвиги, и девочка, которая, как и ее мать, принадлежит Луне, – это как раз ничто иное как омолодившийся, обновленный бог неба и омолодившаяся, обновленная женщина-земля, и так как они оба составляют пару, пару должны составлять также их дети. Иногда это, вероятно, сглаживается, затушевывается под впечатлением, что такие отношения, мол, не бы-

ли «законными» и потому в них нельзя подозревать богов. Так между Аполлоном и его сестрой Артемидой больше нельзя найти какой-либо узнаваемой любовной связи, хотя они также были омолодившимися богом неба и девой земли или, по крайней мере, их ипостасями.

Всегда слишком мало внимания уделяется тому, насколько гибки все эти образы богов. Отец – это сын, мать – это дева, как поколения, которые их почитают, следуют друг за другом. Целые генеалогии богов возникают из этой тенденции к омоложению. В результате встреч и наслоений народов и племен боги меняют свой облик, качества, которые были раньше лишь малозаметными, побочными, проявляются сильнее, новые имена вытесняют старые, и прозвища, которые, собственно, и были обозначениями сущности богов, занимают место более ранних имен. Так у нас, в конце концов, есть тот факт, что в кругу двенадцати богов «Эдды», т.е. в кругу Асов, существуют, как минимум, четыре ипостаси бога неба, три ипостаси «солнечного героя» и две – матери-земли, причем последние даже несут одно и то же имя – Фрейя и Фрийя (Фригга). Для религиоведа порой едва ли возможно сориентироваться в этой путанице, которую создали длительные периоды времени и постоянные перемещения народностей в пределах индогерманской языковой семьи и семьи народов.

Итак, существует также возможность, что одна из ипостасей Посиде-Посидеоса-Посейдона, который когда-то в глубокой древности был на Севере богом неба, теперь как бог моря снова вернулся на старую родину и принял там имя Ньёрд.

С Фрейром и Фрейей дело обстоит несколько иначе. Они соответствуют Аполлону и Артемиде. Ионийцы, естественно, давно приняли в свой пантеон Аполлона, «самого греческого из всех богов», не зная о том, что он, собственно, был принесенной дорийцами в Грецию формой Посиде. Ведь дорийцы, пусть даже и примерно на 600 лет позже ионийцев, тоже пришли, как подтвердил Шпанут, из «янтарных земель», и имя Апеллос, которое позже превратилось в Аполло, Аполл или Аполлон, могло быть прозвищем (господин Апелла, поля суда) северного бога света и дождя.

И так же как Посейдона, «Асы на Дону» могли принять и его тоже в свой круг богов. То, что он сохранил не все качества греческого Аполлона и стал в Швеции богом плодородия, не должно удивлять. Вероятно, его отождествили с уже существовавшей там раньше ипостасью Посиде, на это указывают некоторые признаки.

Но Фрейя – не настоящая Артемида. Она больше похожа на Афродиту, и то, что рассказывается о Гульвейг-Хейд, которую «Асы» в чертоге «пронзили копьями», гораздо лучше подходит богине любви, чем к суровой охотнице, которая

была сестрой Аполлона. Здесь тоже вполне могло произойти перенесение. Уже ионийцы могли приравнять Артемиду к Афродите и сделать ее сестрой Аполлона, она ведь омоложенная мать-земля, как и та. Мы слышали, что скифы почитали Афродиту-Уранию, и молодая богиня любви – наполовину Афродита, наполовину Артемида – также могла таким образом войти в круг Асов.

Но где именно божественные брат и сестра получили их имена – Фрейр (Фрей) и Фрейя – уже не так легко разгадать. Ситуация, на первый взгляд, выглядит простой: Фрейр (Фрей, Фро) появляется как германское имя, которое очень хорошо подходит этому богу, связанному с весной, Солнцем, миром и хорошими (урожайными) годами (значение «господин» здесь могло бы быть вторичным). И Фрейя легко могла бы быть его женским соответствием, партнершей, которая приняла имя своего партнера, что мы часто встречаем в мифологии. Но известен факт, что уже индоарии почитали богиню весны и красоты, которую звали Фрийя, что значит «возлюбленная». Имя супруги Одина «Фригга» («Фригг») легко можно было бы объяснить, исходя из этого. Фрийя могла быть «возлюбленной» Ваты уже в восточно-индогерманской области «Асов» и вместе с ним прийти к Черному морю и на Север. Но как у прелестной «женщины Ванов» могло оказаться то же самое имя?

Так же трудно удовлетворительно объяснить странную историю о глупом Хёнире (который в других местах «Эдды» появляется как вовсе не глупый, дарующий жизнь бог света) и о голове Мимира. Здесь сообщение Снорри, очевидно, пытается объединить противоречащие друг другу предания и затем своим рационализирующим способом очень неудачно их истолковать. Все в этой истории – это скрытый сумраком веков миф, который, как и упоминавшийся выше миф о мудром Квасире, тоже полон больше не поддающейся объяснению символики. Связь с реальностью там уже нельзя найти.

8. Поход Одина в Страну Саксов

Война Асов и Ванов поставлена в «Эдде» в начало всех времен («первая война в мире»), также в сообщении Снорри она представляет собой что-то, после чего прошло еще достаточно долгое время до ухода Одина, который, в конце концов, привел его и его соратников на Север Европы.

Сообщение упоминает, что у Одина были большие владения на Кавказе, так как именно Кавказ, вероятно, следует понимать под «большим горным хребтом», и продолжает: «В те времена правители римлян ходили походами по всему миру и покоряли себе все народы, и многие правители бежали тогда из своих владений. Так как Один был провидцем и колдуном, он знал, что его потомство будет

населять северную окраину мира. Он посадил своих братьев Ве и Вили правителями в Асгарде, а сам отправился в путь и с ним все дии и много другого народа».

Исходя из этого, кажется, будто уход Одина следовало бы рассматривать как что-то вроде бегства от «правителей римлян». Но о римлянах тут никак не может идти речь, ведь так поздно этот уход никак не мог бы начаться. Когда римляне в своем стремлении «покорить себе все народы» встретились также с германцами, бог «Меркурий» уже давно был привычным, местным главным богом германцев. Уже первая встреча римлян и германцев показывает, что тот переворот, который характеризуется страстью к путешествиям, обычаями человеческих жертвоприношений и тому подобным, уже состоялся, также и передвижение германских согласных произошло уже довольно давно. Время, когда «скифы» по достоверным источникам дошли вплоть до провинции Бранденбург, было гораздо более ранним – в середине первого тысячелетия до н.э.

Вероятно, предание перепутало здесь римлян с персами, которые как раз в то время тоже демонстрировали большое желание «покорить себе все народы». В 514 году до Р. Х. персидский царь Дарий I пошел в поход на скифов. Из Фракии он с большим войском вторгся в их страну. Скифов, которые поддерживали, впрочем, савроматы и будины, спасло только их большое умение в маневрах, в уклонении от сражений. Их просто нельзя было поймать, они были то здесь, то там (чем очень восхищается Геродот), но они беспокоили врага внезапными, короткими нападениями, так что понесшее потери и изголодавшееся войско Дария вынуждено было, в конце концов, вернуться назад.

Как уже было сказано, существует предположение, что сокровища из Феттерсфельде в провинции Бранденбург появились там из-за «отходного маневра скифских орд» во время их борьбы с Дарием. Ну, отходной маневр Одина тогда должен был бы увести его, однако, достаточно далеко от поля боя, так как целью его похода сначала, видимо, была Северо-западная Россия, и только потом он повернул «на юг» в «Страну Саксов». (Разумеется, автор здесь и в других местах имеет в виду исключительно *территорию* нынешней России – прим. перев.)

Как бы там ни было, «Асы» как «народ мужчин», т.е. как отряд воинов, к которому, вероятно, присоединились также несколько склонных к битвам женщин, однажды выступили в поход по причинам, которые уже невозможно выяснить. Речь идет, без сомнения, о военном походе, а не о переселении всего народа с женщинами и детьми на повозках. Основная масса племени осталась на старом месте, под правлением «братьев Одина». У отправившегося в поход войска был, несомненно, предводитель, человек, которого эвгемеристическое сообщение,

однако, объединяет с богом в единое целое. То, что боги руководят такими походами, как и битвами, было всеобщей верой. Иногда богов символизировали изображения или предметы, например, колесница со знаменем. Также сами знамена, штандарты и т.п. возвещали о божественном присутствии. Так что и здесь в племенном боге могли видеть предводителя и вдохновителя похода, так же и окружающая его свита его «диев» (слово «diar» как раз и означает «боги») воспринималась как присутствующая.

Поход сначала направился в Северо-западную Россию, т.е. в те земли, которые позже образовали государство варягов и назывались во времена Снорри «Великой Швецией». Что привело войско именно туда, и почему оно потом повернуло на Юго-запад, об этом, по-видимому, уже не было известно даже в то время, когда было сформулировано это сообщение.

Говорят, что «сведущий в будущем» Один «знал, что его потомки будут господствовать в северной части земли». Это звучит так, как будто в «Асгарде» на Черном море уже хорошо знали о Севере Европы и с самого начала планировали когда-то там обосновываться. Как такое могло быть возможным?

Здесь я со всей осторожностью высказала бы одну гипотезу, которая могла бы дать ответ. Когда германские кимвры и тевтоны в первый раз появились в римских землях, то римляне сначала считали их то кельтами, то скифами, то «кельтоскифами». Тогда на Юге Европы еще ничего не знали о германцах. Античные авторы – как только стало известно, откуда появились эти орды на самом деле – выдвинули смелую гипотезу, будто бы кимвры были киммерийцами («Kimmerer»), которых скифы когда-то изгнали из Причерноморья, и хотя большая их часть двинулась в Малую Азию, но меньшая часть пошла на Север, на «Кимврский полуостров» (Ютландия – прим. перев.), и теперь возвратилась. Отождествление кимвров и киммерийцев еще неоднократно встречается у античных авторов. Существует определенная вероятность, что на самом деле все было как раз наоборот, что именно киммерийцы были кимврами из Ютландии, которые когда-то пришли с Севера на берега Черного моря и поселились там. Ведь из той местности произошел не один исход. Например, в эпоху переселений тринадцатого столетия до Р. Х. те же самые три племени (или скорее их части), которые позже причинили столько хлопот римлянам, кимвры, тевтоны и амброны, переселились в Италию и поселились там как умбры (Umbri), тевтоны (Teutani) и киммеры (Kimmeri). И ведь здесь имя самого северного из племен тоже утратило букву «b» (Kimbern – Kimmer, «кимвры» – «киммеры»), почему же то же самое не могло произойти в Причерноморье? Вильфрид П.А. Фишер пишет в статье «Гельголанд и культовый союз Бронзового века» (в журнале «Германия в истории и современности», 1990/3): «Многое говорит в пользу того что это племя (кимвры), незамеченное цивилизованными государствами Во-

сточного Средиземного моря, пришло к северному берегу Черного моря и было одной из причин произошедшего там иранского передвижения согласных».

Когда стало очевидно, что на населенных кельтами территориях действовали сильные «влияния» с Востока, и особенно из Причерноморья, несколько более поздних исследователей предположили, что вторгшиеся в области Гальшатской культуры переселенцы могли быть пришедшей на Запад частью киммерийцев. Этот тезис хоть и был отвергнут, однако, похоже, в нем есть определенный смысл.

Но также весьма вероятно, что не все прежние жители ставших позже скифскими или савроматскими территорий покинули эту землю. Наверняка некоторые из них еще жили в группах или по отдельности среди всадников с востока, приспособились к их обычаям и, вероятно, также смешивались с ними. Существует возможность, что у этих потомков киммерийцев (и вместе с тем также ютландских кимвров) еще сохранилось предание об их происхождении с побережья Северного моря. Народная память длинна. Есть много подтверждений того, что как раз сказания о происхождении сохранялись потомками в течение многих столетий, даже тысячелетий. Не возможно ли, что на «видение будущего» Одина повлияли такие рассказы, что между «Асами» на Дону еще жили киммерийцы, которые видели свою прародину в преображающем свете воспоминаний и будили в готовых к уходу молодых людей желание двинуться на далекий Север, или даже вернуться туда?

Камень из Хорнхаузена с изображением всадника

Итак, Один и его соратники через Россию попали, в конце концов, в «Страну Саксов». Так во времена Снорри в Скандинавии называли всю сегодняшнюю Северную Германию. Так как «Асы» пришли с Северо-востока, они, скорее всего, сначала ударили по свевам. Без сомнения эта большая народность уже жила в то время – в 500 до Р. Х. – в Бранденбурге и на средней Эльбе, так как эти местности представляли собой ее центральную, основную территорию. Тацит (с. 39) говорит, что семноны, главное племя свевов, рассматривали себя как старейшие местные германцы. Свевы, предки нынешних швабов и аллеманов, были сильной, уверенной в себе народностью, и, по всей видимости, не позволили бы всадникам с Востока разгромить себя без сопротивления. Но тогдашние жители Северной и Восточной Германии были, вероятно, простыми крестьянами, ни богатыми, ни хорошо оснащенными, без организованного войска. Они жили на своих хуторах, не играли исторической роли, и также, по-видимому, не ожидали нападения. Так что они едва ли могли долго сопротивляться дикой орде с Востока. Вероятно, здесь тоже был заключен договор, который предоставлял степным всадникам свободу действий, но при этом не лишал местных жителей их самостоятельности. Здесь, возможно, некоторые из незваных гостей уже отказались от кочевого образа жизни и женились на местных женщинах с того или иного хутора. В конце концов, это ведь были в большинстве своем молодые мужчины, которые нуждались в женщинах. Но так как матери учили своих детей своему собственному языку, то язык народа в целом сохранился. Он даже выиграл благодаря воодушевленному размаху пришельцев, приобретя «все сильнее прорывающуюся волну воинственного «odrs», которая оставила отчетливые следы в народном характере», ту «плотность напряжения и взрывную силу», которая стала свойственна языку после «передвижения согласных». Но для того, чтобы эта новая особенность языка победила и распространилась, потребовалось, наверное, несколько столетий.

То, что религия Одина захватила и увлекла свевов, очевидно. Прежде они, как и все индогерманцы, почитали бога неба и поступали так, пожалуй, также и впредь, так как «*regnator omnium deus*», которого согласно Тациту (с. 39) почитали в священной роще семнонов, был, все же, наверное, не Один, а «*deus*» и соответственно Тиу, которого они позже называли Циу (Тиу) и которого они впоследствии использовали как своего бога войны.

Но бог с востока, дикий всадник и предводитель охваченного экстазом воинства, тем не менее, впредь пользовался у них уважением, смешанным с ужасом. Обращает на себя внимание тот факт, что имя бога, которое в швабско-аллеманском наречии до сегодняшнего дня звучит как «*Wuote*», обнаруживает самое большое сходство с именем индоарийского Ваты – **uato* и содержит еще отчетливо и открыто слово «*Wut*» – «ярость», которое является определяющим фактором для характера этого бога. Это вполне можно было бы расценить как

признак того, что свевы первыми «обратились» в религию Вотана-Водана-Одина. Но здесь нужно заметить, что все индогерманские религии были веротерпимыми, и что степным всадникам определенно не пришло бы на ум навязывать своего бога оседлым народам. Но пришельцы с Востока и дальше продолжали соблюдать связанные с его почитанием обычаи, и таким образом, в конце концов, восточные обычаи жертвоприношения, как и обычай Дикой охоты, который сохранился с особенной силой в аллеманских областях как в сказаниях, так и в обычаях праздника Фаснет (весеннего карнавала перед Великим постом), были переняты всем народом.

Также клад из Феттерсфельде говорит в пользу того, что степные всадники сначала появились в этих местностях. Сегодня вряд ли можно определить, принадлежали ли эти сокровища вождю скифов или савроматов. Эти золотые вещи могли сделать как греческие («ванские») ремесленники из Танаиса, так и мастера из других греческих городов на Черном море. Были ли сокровища захвачены в первых битвах свевскими воинами и зарыты ими, или же они были оставлены по какой-то другой причине, сейчас уже нельзя узнать. Но характер клада показывает, что он должен был принадлежать первым прибывшим непосредственно из Причерноморья всадникам, которые везли с собой еще кое-что из тех великолепных произведений искусства, которые потом уже не могли быть созданы на их новой родине.

Возможно, что свевы также присоединились к дальнейшим походам «Одина», так что более далекие захватнические походы могли осуществлять уже объединенные силы. В сообщении Снорри сказано: «У него было много сыновей. Он (Один) завладел землями по всей Стране Саксов и поставил там своих сыновей правителями». Это, вероятно, могло означать, что правящий слой местных племен этих территорий вынужден был отказаться от власти, и был заменен савроматско-меотскими вождями. Но кое-где местные вожди или «короли» также, пожалуй, могли остаться и породниться с вождями всадников, так что знатные роды соединились. Тому, что все это происходило без больших конфликтов, способствовало, естественно то, что пришельцы были индогерманцами, внешне и по сути характера похожими на местных жителей. И, несомненно, не только новоприбывшие с их подвижностью привлекли к себе и своим обычаям местных, но и сами они в некоторой степени приспособились к обычаям земель, куда они пришли.

В Вестфалии, например, осталось почитание бога неба под очень старым именем Ирмин и его колонны, которая, пожалуй, уже в эпоху мегалитов здесь на западе стала предметом культа на основе образа древнего Мирового дерева. С «Асами» древнее представление о Мировом дереве также снова вернулось с Востока, но заметно, что религия Асов обладала большим весом в Скандинавии,

чем среди германских племен (современных) немецких областей. Свой вклад в это могли внести древние святилища, как, например, древние места посвящения Иштенберг и Экстернштайне. Проводившийся в них церемониальный обычай оставался, наверное, постоянным сквозь все времена, и прибывших издали богов сюда просто не допустили. Волна нового также почти полностью спала на крайнем западе у весьма консервативных фризов. Здесь у островного святилища в Немецкой бухте (Гельголандская бухта – прим. перев.) был еще настолько большой вес – он сохранился еще вплоть до времен Карла Великого, как свидетельствуют сообщения христианских миссионеров, что фризы оставались верными своему богу закона Фосите и не проявляли большого интереса к новым богам.

После того, как «Один» обосновался теперь в областях Страны Саксов, он вернулся к Дании. Первое святилище этого бога было создано на «Озере Одина» (Оденсе) на Фюне. Если у свевов этого бога называли Wuote, у более западных племен Wode или Wodan (Wodanaz), то здесь впервые отпал предшествующий звук W(u), и во всей Скандинавии господина ярости называли теперь Оден. Одином он стал лишь позже в недавно заселенной Исландии. (Там безударный звук «е» в суффиксах всегда писали и произносили как «i»). Из «Wuot» в древнескандинавском появился «odrs», смысл остался прежним.

В какой мере на Север переместились только религиозные представления, обычаи и привычки, а в какой туда переселились также и сами потомки восточных пришельцев, это уже нельзя узнать. Во всяком случае, Скъёльд, легендарный предок королей данов (датчан), древняя королевская резиденция которого находилась в Лейре (Хлейдра, Hleithra) на острове Зеландия, назван сыном Одина. Позже большинство королевских родов Севера выводили свое происхождение от Одина, так же как короли – как пережиток старой сакральной королевской власти – всегда считались потомками богов. Но, вероятно, этот сын бога мог бы здесь значить, что его происхождение следовало приписать некоему предводителю всадников времени переселения. Впрочем, этот сын Одина Скъёльд, согласно сообщению Снорри, женился на Гевьон, которую называют дочерью Одина. От летописца при этом ускользнуло, что речь здесь шла также о браке брата и сестры, причем именно у Асов. Но история Гевьон так или иначе, вероятнее всего, принадлежит к включенным самим Снорри мифам, которые довольно слабо связаны с переселением Одина.

Дальше следуют действительно примечательные предложения: «А Один, узнав, что на востоке у Гюльви есть хорошие земли, отправился туда, и они с Гюльви кончили дело миром, так как тот рассудил, что ему не совладать с Асами». Здесь произошло то, что уже, пожалуй, также и раньше происходило с другими племенами: король не чувствовал себя достаточно сильным, чтобы сопротив-

ляться незванным гостям, и был заключен договор. «Один» вступил в Швецию. В дальнейшем сообщение утверждает, что «Один поселился у озера Лёг (Меларен), там, где теперь (т.е. в двенадцатом – тринадцатом веках н.э.) называется Старые Сигтуны (Старая Сигтуна, Альт-Сигтуна), построил там большое капище и совершал в нем жертвоприношения по обычаю Асов».

Выше уже говорилось, что сегодняшние шведские ученые считают местность к югу от озера Венерн самым ранним и самым значительным культовым местом религии Одина. Знаменитый храм на Севере у озера Меларен должен был быть основан лишь значительно позже после этого, мы узнаем о нем также только во времена викингов. О «кровавых жертвах» там рассказывается у Адама Бременского (в 1070 году н.э.). Так как этот храм неоднократно появляется в более поздних частях сообщения Снорри, то оправдано предположение, что само сообщение происходило из окружения святилища в Уппсала-Сигтуна, предание о происхождении Одина сохранялось тамошним жречеством, и после христианизации, которая произошла всего за два поколения до Снорри, было перенято и записано учеными.

Последующие части сообщения, судя по всему, тоже происходят из этой традиции, и потому история очеловеченного Одина снова и снова опирается на реальные процессы.

Остается еще вопрос, какие из диев («Diag») могли, пожалуй, отправиться со своим господином на север. В большинстве книг о германской религии и мире богов Донар-Тор обозначается как «самый исконный, самый истинно германский» из всех богов. Исследователи, которые убеждены в переселении Одина, обозначают Тора как почитаемого со старейших времен, исконного, настоящего бога германцев.

Но «Высшим богом» в те времена, о которых у нас есть сведения, Тор, разумеется, никогда не был. «Из богов они выше всех почитают Меркурия», говорит уже Тацит (глава 9).

Швед П. Херберг в 1812 году изобразил Одина при строительстве Сигтуны. Все детали содержат классические или азиатские элементы, лишь для камня с надписью в центре картины моделью послужил настоящий рунный камень викингов. (М.Д. Уилсон, «Культуры с Севера»)

Это и позже оставалось так. Тора рассматривали как сына Одина, и он – вопреки его популярности – всегда уступал Одину. Ономастика указывает, что того большого уважения, которым пользовался Тор во времена викингов и саг, ранее не существовало. «Из этого ясно следует», говорит Нинк (40), «что Тор-Донар только в более позднее время (после Великого переселения народов) приобрел большее значение и, вероятно, только на Севере развился в такого выдающегося главного бога, каким его описывает «Эдда»». Можно увидеть, что Тор был любимым «другом» и «fulltrui» (патроном, защитником) крестьян преимущественно в Норвегии, а затем в заселенной норвежцами Исландии; в Швеции на первом месте всегда находился Оден, здесь имена Тора редки.

То, что Донар-Тор тоже происходит с Востока и пришел вместе с Одином, весьма вероятно. Само собой разумеется, он – образ бога неба, но такой, в котором очень выделяется значение бога погоды или бога грозы. Его называли «воплощенной весенней грозой». В этом он подобен кельтскому Таранису, имя которого тоже означает «гром». В первоначальном тождестве обоих образов едва ли стоит сомневаться. Третьим в этом союзе появляется метаящий молнии громовник Perkupa (o) s, бог неба, который встречается у балтов (Перкунас) и у славян (Перун). Древний бог неба индогерманцев – это «dios», светящееся дневное небо. Как таковой он означает охватывающую Землю Вселенную, он – порождающий отец всего живого. У древних народов Северо-востока его даже прямо

так и называли «Вселенная» (Universum). С помощью своего топора-молнии он пробуждает плодородие земли. Но это только одна сторона его всеохватывающего существа. Он – также хранитель права, управляющий звездами и еще многое другое, это еще очень красиво проявляется у греков в гимнах Зевсу.

Ограничение его свойствами громовника и разгромом великанов, «хвастовством своей силой» вообще, которое сделало Тора таким популярным среди северных крестьян, является последствием определенного особого развития, которое мы легко можем найти на Востоке. Профессор Эттингер, как уже говорилось, установил почти полное тождество Тора и Индры (также Хауэр называет Тора и Индрой «близнецами»). Сильный и применяющий грубую силу рыжебородый бог с метательным молотом Мьельниром (который здесь заменил топор-молнию) мог бы, в конце концов, как и Один, тоже происходить из мира, в котором когда-то жили индоарии. То, что он еще является возникшим, и в колесницу его запряжены не лошади, а козлы, указывает на очень древний слой возникновения. Он вполне мог бы принадлежать к Асам, которые пришли с Одином.

При этом важно, что в более позднем кругу Асов «Эдды» действительно есть еще и бог неба со старым именем «Dios», который, однако, был явно вытеснен новыми пришедшими богами с его старого места верховного бога и господина вселенной. Тиу-Тюр когда-то был богом неба северных людей, это доказывает его имя, которое в видоизмененной форме есть у всех народов, говорящих на индогерманских языках, и всюду оно обозначает бога неба и бога Вселенной. Из словарного корня di (ti) получают такие имена как древнеиндийский Дьяус (Dyaus), греческий Зевс, римский Юпитер (Ju-piter), германский Тиваз, Тейваз (*Tiwaz, Teiwaz) и т.д., так же слова, обозначающие бога Деуса: Deus, dios, dia, de и другие. Они все означают «светлое небо», «день» и в переносном смысле «бог».

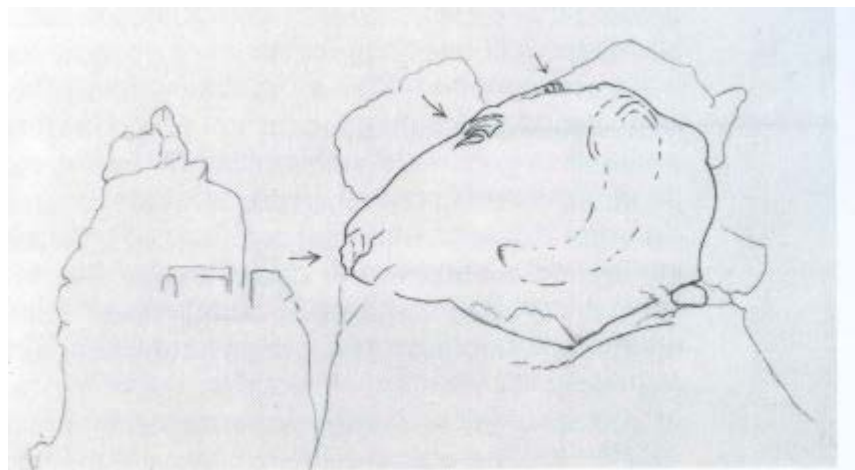
Распространенная в более позднее время в Скандинавии форма слова «Тюр» (Tyr) здесь использовалась также просто в значении «бог», например, Gautatyr значит «готский бог». Множественная форма «tivar» или «diar» обозначает просто богов.

У свевов бог в позднее время назывался Ziu, что еще и сегодня продолжает звучать в швабском диалекте в названии дня недели вторника Zischtig вместо Dienstag. Слово Dienstag, вторник, на нижненемецком Dingesdach, напротив, происходит от слова Ding, Thing, собрания суда и заседания совета (тинга). Циу-Тиу-Тюр, как и индогерманский бог неба во все времена, был еще господином права, суда и тингов. Поэтому римские камни святилища на Нижнем Рейне называют его также Mars thingsus. (Тинг – правительственное собрание свобод-

ных мужчин у древних германцев вообще и у скандинавов в частности. У славян тингу, в общем, соответствовало вече. – прим. перев.)

Тиу-Тюр не просто так приравнивается римлянами к Марсу. Вытесненный новыми богами с его места верховного бога, этот бог неба вместе с ростом воинственности германцев взял на себя роль бога войны. Из бывшего бога копья – древнее копьё – и знак смерти на Севере еще называлось «Тюр» – появился бог меча. В «Эдде» он – самый мужественный из Асов, однорукий, потому что он был единственным, кто решился засунуть свою руку в пасть страшному волку Фенриру.

Хеймдаль (или Хеймдалль), также поблекшая фигура в кругу Асов, мог когда-то быть богом, удерживающим небо и мир (как Ирмин и Атлант). Он отождествляется с Осью мира, т.е. с мировой колонной, он живет на небе как страж богов и он – это особенно примечательно – бог овна. Овен в древнейшие времена очень долго был сопутствующим животным бога и животным, в которого бог превращался, пока это место не занял бык (телец), так же как овцеводство вообще представляет собой самый древний вид скотоводства. На некоторых из больших скульптур раннего Каменного века овен с огромными рогами стоит рядом с богом-создателем и, как и бог, выпускает лица людей из своего дыхания. Хеймдаль это также предок и прародитель человеческого рода. Но сохранила ли его древнейшая память Севера в кругу богов, или же он откуда-то пришел, узнать уже невозможно.

«Голова овна» (длина свыше 3 м, высота примерно 2 м) на самой северной части скалы IV в Экстернштайне (из: Э. Нойманн-Гундрум, «Культура Европы больших скульптур»

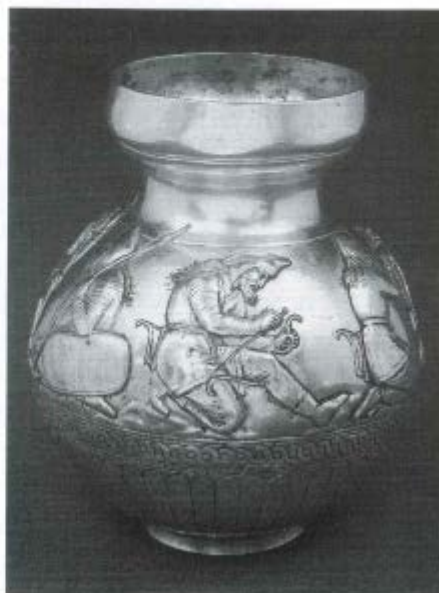
В столь же малой степени это можно определить и в случае Бальдра, самого светлого из всех Асов. Он – старый, также исконно древний «солнечный герой» с хорошо сохранившейся легендой, которая связывает его как с египетским Осирисом, так и с различными «умирающими богами» Передней Азии и Востока, о которых всех мы сегодня знаем, что своим существованием они обязаны ранним переселениям индогерманских мореплавателей. Имя Бальдр (Бальдер, Бальдур) значит «господин, господь» так же, как и Адонис, Баал (Ваал), Бэл и другие. Оно происходит, вероятно, от индогерманского слова Пал («Pal») или Паллас, что тоже означает «господин». Также этот образ, похоже, сохранился на Севере из очень ранних времен, и в нем не следует видеть пришельца, хотя он и был сделан сыном Одина, так как он, без сомнения, когда-то рассматривался как сын бога неба.

То же самое можно сказать и о Форсети (Forseti), который тоже был включен в круг Асов. Он стал сыном Бальдра, и здесь нельзя исключать прежнюю идентичность. Поздние исландцы, очевидно, больше не знали о нем почти ничего, в обоих «Эддах» только говорится, что он живет в сияющем чертоге и вершит суд и, соответственно, улаживает все споры. По-видимому, не может быть сомнений в том, что он идентичен с фризским богом закона Фосите, который владел великолепным, сверкающим храмом на Фоситесланде. Буква «г», на мой взгляд, сравнительно поздно появилась в этом имени, так как в этом боге видели «председателя» суда.

О Фосите-Посиде здесь уже неоднократно говорилось. Он с Каменного века был господином «Священного острова» и господствующей божественной фигурой Бронзового века на Севере. Но позже его сфера влияния ограничилась Северо-западом (т.е. эпицентром, бывшими местами пребывания ингевонов). Но то большое влияние, которое все еще оказывало его святилище, вероятно, привело к тому, что религия Одина не приобрела на Северо-западе Европы такой большой власти, какой она обладала, например, в Скандинавии. Прозвище Инг (молодой, юный, сын, потомок), которое позже носил Фрейр, могло быть свойственно уже ему. Поэтому культовая общность племен Северного моря, как сообщает Тацит, называла себя ингевонами. Пожалуй, уже в Бронзовый век этот культ переместился в Швецию, и там пришедший вместе с Одином новый молодой бог Ванов Фрейр мог слиться с «Ингом» в одно целое.

О Фригге и Фрейе уже говорилось. Остальные боги и богини круга Асов предстают без особо яркой индивидуальности. Невозможно определить, когда и где они возникли, и как проходил их путь. У злобного огненного духа Локи есть «родственники» как в Греции, так и в Индии и Персии. Но его «мефистофельское» своеобразие появилось, видимо, только довольно поздно.

Потому помимо, собственно, Водана-Одина и Донара-Тора можно с некоторой осторожностью предположить, что еще и Фригга (и три возвратившихся домой бога Ванов) тоже могли прийти в Северную Европу из земель восточных народов всадников. Но то, что среди богов позднего времени в «Эддах» присутствуют двойные и многократные образы, свидетельствует, во всяком случае, о том, что переселения должны были произойти.

Созданные во второй половине четвертого столетия до Р. Х. знаменитые золотые кубки (высота 13 см, вес 328 г.) из кургана Куль-Оба. На рельефе фриза изображены скифы: три группы по два человека, одна отдельная фигура – лучник.

Заключительное слово

Все собранные в этой книге факты, как я думаю, указывают на то, что сообщение Снорри о происхождении Одина из области Дона заслуживает того, чтобы его воспринимали более серьезно, чем это происходило до сих пор.

Здесь и только здесь лежит решение вопросов, которые всегда вызывала абсолютно своеобразная, в западно-индогерманской области до Железного века совершенно неизвестная фигура «господина ярости».

Он прибыл из другого мира, это не вызывает сомнений, и, тем не менее, именно он стал самым знаменитым представителем германства вообще. Героические саги, всю литературу эпохи Великого переселения народов, как и средневековой Исландии нельзя представить без него. В крестьянской вере аллеманских земель он еще вплоть до недавнего времени возглавлял Дикую охоту. Все по-

пытки противопоставить ему значение других германских богов, прежде всего, Донара-Тора, оказались безуспешными. Эта божественная фигура явно срослась со своей новой родиной, стала с ней одним целым. Бог Один наложил свой отпечаток на свою новую родину, а она на него.

Один прибыл на Север Европы в то время, когда неоднократные стихийные бедствия нанесли Северу серьезный ущерб, он был сравнительно слабо населен, и его население вело бездумное существование в своей крестьянской простоте и без претензий на историческое значение. Но толчок с Востока принес движение в эту спокойную уединенность, снова оживил дремлющую активность бывших великих мореплавателей, создателей колоний и «носителей культуры по всему свету». Люди Севера теперь снова все больше и больше становились воинственными переселенцами, которые, в конечном счете, благодаря своим большим и дальним походам стали оплодотворителями умирающего Юга и создателями новой Европы, определяющего сам образ мира «Запада», и постепенно поднялись до наивысших культурных достижений.

То, что слияние незваных гостей с Востока с людьми Севера удалось практически идеально, объяснялось тем, что они, несмотря на другой уровень развития и неукротимую дикость их жизнеощущения, были все же людьми того же вида и происхождения, индогерманцами, внешне и внутренне не отличавшимися от своих исконно генетических родственников на Севере и Северо-западе Европы. Если бы это было не так, то Тацит (в главе 4 «Germania») не мог бы написать, что население Германии в его время представляло собой «племена, никогда не подвергавшиеся смешению через браки с какими-либо иноплеменниками, искони составляют особый, сохранивший изначальную чистоту и лишь на себя самого похожий народ. Отсюда, несмотря на такое число людей, всем им присущ тот же облик: жесткие голубые глаза, русые волосы, рослые тела».

Но ведь то же самое было бы верно и по отношению к скифам и савроматам и, пожалуй, также к меотам шестого столетия до Р. Х., которые еще не соприкасались ни с монголами, ни с другими народами с более темным цветом кожи. Достаточно только посмотреть на изображения скифских воинов на золотом кубке из кургана Куль-Оба в Крыму или на позолоченной серебряной чаше из могильного холма Гайманова могила. Можно решить, что видишь перед собой самых настоящих германцев, тем более что золото волос так эффектно контрастирует с серебром лиц и рук. Еще о потомках савроматов, сарматах, римляне говорили, что они все были белокуроыми людьми.

Именно потому, вопреки многим различиям, и мог возникнуть единый народ из обоих компонентов Востока и Северо-запада, и восточный бог Один-Вуоте-Водан стал движущей силой северного мира. Восточная ударная сила и восточ-

ная склонность к мистике соединились с государствообразующим, организационным и мыслительным талантом народов бывшей культуры мегалитов. Что-то из глубины индогерманского мышления, проявившегося, например, в «Ведах», соединилось со способностью к логике, которая в таком поразительном виде проявляется, например, в исландских сагах. Так народы германского языка – и не одни только немцы – смогли стать народами изобретателей, поэтов и мыслителей, романтиков и мечтателей, но также толковых и расчетливых купцов, завоевателей и колонизаторов. Должны ли мы сказать: Один виновен во всем этом? Его уход с побережья Черного моря и вторжение его и его «Асов» в «Страну Саксов», во всяком случае, могли стать толчком к чему-то, что до сегодняшнего дня продолжает оказывать воздействие на мировую историю и даже на изменение самого мира.

Примечания

- (1) J.W. Hauer, *Urkunden und Gestalten der germanisch-deutschen Glaubensgeschichte*, Stuttgart 1940, стр. 149
- (2) M. Ninck, *Wodan und germanischer Schicksahglaube*, Jena 1935, стр. 5
- (3) J.W. Hauer, указ. соч. (прим. 1), стр. 130
- (4) См. об этом F. Hallmann, «Die Urheimat der Goten», in *Deutschland in Geschichte und Gegenwart*, 1989/3 и 4
- (5) M. W. Güntert, *Altgermanischer Glaube*, Heidelberg 1937, стр. 403 и послед. стр.
- (6) K. A. Eckhardt, *Der Wanenkrieg*, Bonn 1940
- (7) J. W. Hauer, указ. соч. (прим. 1), стр.133 и послед. стр.
- (8) J. Spanuth, *Die Atlanter*, Tübingen 1976, стр. 221 и послед. стр.
- (9) См. B.Verhagen, *Götter am Morgenhimmel*, Tübingen 1983
- (10) E. Graf Oxenstierna, *Die Nordgermanen*, Stuttgart 1957
- (11) E. Wahle, *Deutsche Vorzeit*, Leipzig 1932
- (12) *Das neue Bild der Vorgeschichte*, Stuttgart 1948
- (13) M. Ninck, указ. соч. (прим. 2), стр. 108
- (14) Там же, стр. 111
- (15) Там же, стр. 86
- (16) Там же, стр. 120
- (17) J.W. Hauer, указ. соч. (прим. 1), стр. 38
- (18) R. Rolle, *Die Welt der Skythen*, Luzern-Frankfurt/M. 1980, стр. 102 и послед. стр.
- (19) F. Niedner, Thüle R, стр. 194
- (20) См. Otto Höfler, *Kultische Geheimbünde der Germanen*, 1934, Bd. 1, стр. 22 и послед. стр., 28 и послед. стр. и 345 и послед. стр.

- (21) M. Ninck, указ. соч. (прим. 2), стр. 71
- (22) Edda I, Übersetzung v. F. Genzmer, стр. 185 f.
- (23) Siehe B. Verhagen, Götter am Morgenhimmel, указ. соч. (прим. 9), стр. 216 и послед. стр.
- (24) R. Pörtner, Die Wikingersaga, Düsseldorf-Wien 1971, стр. 194
- (25) M. Ninck, указ. соч. (прим. 2), стр. 115 f.
- (26) N. Oettinger, «Isländische Edda und indische Veden. Ein mythologischer Vergleich», в Große Werke der Literatur, Augsburg 1990, стр. 10
- (27) J.W. Hauer, указ. соч. (прим. 1), стр. 209
- (28) Там же, стр. 201
- (29) F. Genzmer II, стр. 89
- (30) J.W. Hauer, указ. соч. (прим. 1), стр. 209
- (31) Напечатано в Große Werke der Literatur, указ. соч. (прим. 26), стр. 9
- (32) J.W. Hauer, указ. соч. (прим. 1), стр. 198
- (33) Там же, стр. 158
- (34) Там же, стр. 155 и послед. стр.
- (35) Там же, стр. 158
- (36) Там же, стр. 150
- (37) Там же, стр. 235
- (38) R. Rolle, указ. соч. (прим. 18), стр. 98
- (39) Herodot IV, стр. 108 и послед. стр.
- (40) J.W. Hauer, указ. соч. (прим. 1), стр. 132
- (41) M. Ninck, указ. соч. (прим. 2), стр. 67

Библиография

Biel J., Der Keltenfürst von Hochdorf, Stuttgart 1985

Edda, übertragen von Franz Genzmer, Jena 1933

Fischer, W. P. A., Alteuropa aus neuer Sicht, Münster 1986

«Helgoland und der altbronzezeitliche Kultbund», in Deutschland in Geschichte und Gegenwart, 1990/3

Gold der Skythen aus der Leningrader Eremitage, Katalog der Ausstellung der staatlichen Antikensammlungen am Königsplatz in München 1984

Hallman, F., «Die Urheimat der Goten», in Deutschland in Deutschland in Geschichte und Gegenwart, 1986 3/4

Hauer J. W., Urkungen und Gestalten der germanischdeutschen Glaubensgeschichte, Stuttgart 1940

Herm G., Die Kelten, Reinbeck bei Hamburg 1977

Herodot, Buch IV, Tuskulum-Bücherei, München 1977

Jettmar K., Die frühen Steppenvölker; Baden-Baden 1980

Neumann-Gundrum E., Europas Kultur der Großskulpturen, Gießen 1981

Ninck M., Wodan und germanischer Schicksalsglaube, Jena 1935

-, Götter und Jenseitsglaube der Germanen, Jena 1937

Noelle, H., Die Kelten und ihre Stadt Manching, Pfaffenhofen 1974

Oettinger, N., «Isländische Edda und indische Veden. Ein mythologischer Vergleich», in Große Werke der Literatur. Eine Ringvorlesung an der Universität Augsburg 1988/89, Augsburg 1990

Oxenstierna, E. Graf, Die Nordgermanen, Stuttgart 1957

Paret, O., Das neue Bild der Vorgeschichte, Stuttgart 1948

Pörtner, R., Die Wikingersaga, Düsseldorf-Wien 1971

Rolle, R., Die Welt der Skythen, Luzern-Frankfurt/M. 1980

Saucken, O. H. v., «Poseidon als germanischer Gott» in Deutscher Roland, H 12/1929

Saxo grammaticus, Dänische Geschichte, übertr. Von P. Hermann, Leipzig 1901

Spanuth J., Atlantis. Heimat, Reich und Schicksal der Germanen, Tübingen 1965

-, Die Atlanter, Volk aus dem Bernsteinland, Tübingen 1976

-, Die Philister, das unbekannte Volk, Osnabrück 1980

-, Die Phönizier. Ein Nordmeervolk im Libanon, Osnabrück 1985

-, Die Rückkehr der Herakliden, Tübingen 1989

Thule. Altnordische Dichtung und Prosa Bd. 1, 2,14,16, 17, 18, 20, 22. Neuauflage 1969-1985

Verhagen B., Götter am Morgenhimmel, Die Religion der nordeuropäischen Bronzezeit, Tübingen 1983

Wahle, E., Deutsche Vorzeit, Leipzig 1932-50

Werner, R., «Geschichten des Donau-Schwarzmeerraumes im Altertum», in Abriß der Geschichte antiker Randkulturen, München 1961

Wolters, F. und Petersen C., Die Heldensagen der germanischen Frühzeit, Breslau 1922

Wohlzogen, H.v., Die Edda, 1876

«ВЕЛИК ИХ ОДИН-БОГ»

(Журнал «Наследие предков», № 7, 1999)

— поется в известной арии варяжского гостя из оперы «Садко». «Их» – имеется в виду варягов, то есть северных германцев. Однако давно уже существовала версия, что Один в Скандинавии – отнюдь не исконный бог, а, так сказать, пришлый. Восходит она к исландскому летописцу Снорри Стурлусону (1178-1241), в трактовке которого древнегерманские боги, ваны и азы, это две группы племен, первая из которых некогда жила в устье Танаиса (Дона), а вторая – за Доном, ближе к Кавказскому хребту. Там же располагалась и крепость азов – Асгард, а вождем их и был Один, организовавший впоследствии переселение азов в Швецию.

Историки квалифицируют подобные версии как эвгемеризм, то есть теорию, согласно которой боги это реально существовавшие и обожествленные потомками исторические деятели. Отношение к рассказу Снорри было, соответственно, весьма критическим, однако немецкая исследовательница Бритта Ферхаген, автор книги «Пришел ли Один-Водан с Востока? О религии древних германцев» (Издательство Граберт, Тюбинген, 1994), призывает отнестись к нему более серьезно, хотя и оговаривает, что сделанные ею выводы – чисто гипотетические.

Согласно Снорри, ваны и азы сначала воевали друг с другом, а потом заключили союз. Историки видели в этом мифологическом сюжете отражение подлинных событий, а именно вторжения в Северную Европу в III тысячелетии до н.э. т.н. племен шнуровой керамики и боевых топоров. Но с точки зрения Б. Ферхаген, влияние этих племен преувеличивается и в них ошибочно видят предков всех индоевропейцев (в немецкой терминологии – «индогерманцев», с. 45). Кроме того, с событиями той эпохи никак не увязывается приход в Северную Европу Одина, поскольку культ этого бога появляется там лишь в I тысячелетии до н.э., а в бронзовом веке Северная Европа еще не знала Одина, мрачного бога бурь и битв – тогда в ней парил светлый бог неба, солнечный герой (с. 39, 41).

Б. Ферхаген права в том отношении, что племена шнуровой керамики и боевых топоров это отнюдь не все индоевропейцы. Наш археолог А.Я. Брюсов называл конец III тысячелетия до н.э. временем первого великого переселения народов («Советская археология», 1962, № 3). Этот процесс охватил огромную полосу европейской территории России от Днепра до Вятки, Польшу, Северную и Центральную Германию, Данию и Швецию. По мнению Б. Ферхаген эпицентр находился в Тюрингии (с. 46), по мнению А. Я. Брюсова – в причерноморских степях. Он также считает, в соответствии с теорией болгарского лингвиста В. Геор-

гиева, что исходным ядром этих племен были еще не разделившиеся германцы, балты и славяне.

Что же касается бронзового века Северной Европы, то в свое время сенсационной, а теперь уже классической работой по этому периоду стала книга австрийского пастора и археолога Юргена Шпанута «Тайна Атлантиды: затонувшая империя Северного моря», впервые увидевшая свет в 1955 году. В ней доказывалось, что жертвой какого-то космического катаклизма, возможно, столкновения Земли с астероидом, стала высокоразвитая культура, священным центром которой был о-в Гельголанд в Северном море. После катастрофы в XIII в. до н.э. началась миграция населения из этих мест в разных направлениях. С этим было связано, в частности, появление т.н. «народов моря» в Восточном Средиземноморье.

Многие видят в этой погибшей цивилизации легендарную Гиперборею, которая и по мнению Б. Ферхаген не могла находиться нигде, кроме как в Шлезвиг-Голштинии (с. 63). И встает вопрос: кто же были ее создатели? Ответ на этот вопрос как раз и заключен в мифе о ванах и азах.

«Вотан». Художник Константин Васильев, 1969 г.

Б. Ферхаген рисует следующую картину: коренными обитателями побережья Северного моря были создатели мегалитической культуры, оседлые земледельцы. Их богами и были ваны – боги плодородия (с. 38, 139), а их борьба с азами – это борьба с пришлыми племенами шнуровой керамики и боевых топоров, с

которыми потом наладился симбиоз, так что культура бронзового века Северной Европы плавно развилась из местной мегалитической культуры (с. 47).

Но чьими же конкретно богами были ваны? Конечно, не германцев, которые, вопреки расхожему мнению, вовсе не были коренными обитателями Северной Европы, это они пришли туда с «боевыми топорами», тогда как с V тысячелетия до н.э. Данию и Южную Швецию населяли кельты бриттской ветви, как доказал Чарльз Сихольм в книге «Кельты и викинги» (Нью-Йорк, 1974). Именно там их прародина, а вовсе не между Чехией и Эльзасом, как полагает Б. Ферхаген (с. 50) – туда они были позже оттеснены германцами.

Б. Ферхаген связывает причерноморских киммерийцев с кимврами и выводит их из Ютландии в том же XIII веке до н.э. (с. 149), но забывает упомянуть, что кимвры это не германский, а кельтский этноним – так и поныне называют сами себя валлийцы.

Бог света цивилизации Северного моря носил имя Посиде (с. 63, 139). Сразу же напрашивается ассоциация с греческим Посейдоном, но Посейдон, согласно Ю. Эволе, это бог пеласгов (Восстание против современного мира, с. 299), и изображали этого «неарийского» бога с черными волосами. Кстати, датчане, вторгавшиеся в Англию в X веке н.э. вопреки нашим привычным представлениям о северных викингах по образу и подобию киноартиста Олега Видова были, судя по описаниям, в основном, темноволосыми.

Итак, ваны – это боги кельтов, азы – боги германцев. Но как тогда быть с Одином? Ведь Б. Ферхаген совершенно права: он появился гораздо позже племен шнуровой керамики. Дело в том, что Один и среди азов чужой, как Дионис среди олимпийцев. Приводя это сравнение, Герман Шнайдер, автор книги «Боги германцев» (Тюбинген, 1938), тоже задается вопросом: откуда этот «бог со стороны»? От кельтов? С Востока?

Ответ на этот вопрос, предложенный Б. Ферхаген, выглядит вполне правдоподобным. Она обратила внимание на резкие изменения, происшедшие с кельтами в середине I тысячелетия до н.э. при переходе от Гальштаттской к Латенской культуре. Кельты стали предпринимать дальние завоевательные походы; они сражались в состоянии экстаза, наводя ужас на противников, как позже – германские берсерки, они стали практиковать человеческие жертвоприношения и превратились в охотников за головами. Все эти метаморфозы Б. Ферхаген связывает с набегами скифов, которые доходили до Чехии, Силезии и Бранденбурга (с. 56), причем, по ее мнению, пребывание скифов в Центральной Европе отнюдь не было эпизодическим (с. 65). Скифы и принесли с собой культ Одина, этого «демона экстаза» (с. 70).

Как известно, «скифы» это название собирательное, под ним скрываются и иранские, и славянские, и целый ряд других племен. Похоже, Б. Ферхаген в них

не очень ориентируется, поэтому хватается то за савроматов, то за меотов, хотя могла бы найти для своих построений гораздо более прочную опору.

Б. Ферхаген обращает внимание на удивительное сходство индоарийских мифов и исландской Эдды, в частности, мифа о жертвоприношении космического великана (у ариев – Пуруша, у германцев – Имир, с. 96-101). Германского Тора давно уже сравнивали с Индрой. Мало того: в «Ведах» упоминается бог экстаза с именем, очень похожим на Вотана – Вата (с. 109).

Б. Ферхаген смущает, что у самих скифов не было богов, аналогичных Вотану (с. 137). Но скифы, повторяем, термин собирательный. У одних скифов не было, а у других – был. У каких же именно?

О.Н. Трубачев в статье «О синдах и их языке» («Вопросы языкознания», 1976, № 4) обосновал версию о родстве языка синдов, живших во времена Геродота на Таманском полуострове, и языка ушедших в Индию ариев. Таким образом, часть ариев осталась на своей причерноморской прародине, причем именно там, откуда выводил Одина Снорри. Смешавшиеся со «скифами» арии как раз и могли занести культ Одина в Центральную Европу.

Так что мы имеем полное право изменить слова арии варяжского гостя на «Велик наш Один-бог».

Библиотека Велесова Слобода, 2014 г.

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).